

Андрей Феликсович Величко
Приносящий счастье

Дом на берегу океана – 2

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5894945
«Приносящий счастье: Фантастический роман»: Альфа-книга; Москва; 2013
ISBN 978-5-9922-1496-3

Аннотация

В семнадцатом веке много чего не было. Не было там автомобилей, радио,

телевидения, дизель-электрических тепловозов, самолетов-амфибий и термоэлектрических станций. Однако это не страшно, считают Николай Мецкерский, Михаил Анисимов и Саша Попаданец. Понадобится – все будет. И руки, и головы у них есть.

А еще там не было членовозов с мигалками, эффективных менеджеров с заоблачными окладами и слуг народа, живущих в хоромах, накопить на которые с официального дохода они могли бы разве что лет за сто. Герои этой книги приложат все усилия, чтобы ничего подобного так и не появилось – по крайней мере, в их стране.

Андрей Величко Приносящий счастье

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Пролог

Нодаи было страшно. Не так чтобы уж очень, до тошноты и дрожи в коленках, но то, что должно было случиться совсем скоро, все-таки ее пугало. Ведь ей придется шагнуть на небо! Хорошо хоть ненадолго, а потом будет огромная, богатая и почти пустая земля, где переселенцы смогут жить по новым законам. Но все же подумать только – путь туда лежит через небо! Правда, младший посланец Поль говорил, что в обетованные земли можно попасть и по океану. Но это очень долгий путь, он вчетверо длиннее того, что в свое время пришлось преодолеть предкам нынешних мориори, спасавшимся от жестоких пришельцев-людоедов.

Если честно, то Нодаи предпочла бы плыть через океан, но ее мнение никого не интересовало. Поль сказал, что все желающие на «Мечту» – так называлась двойная лодка пришельцев – никак не поместятся. Вот потом, когда переселенцы помогут построить в дальних землях большой корабль, он, возможно, станет совершать рейсы к Рекоху и обратно, а пока...

– Гордитесь! – торжественно сказал своим подопечным младший посланец Поль. – Возможно, вы останетесь единственными из народа мориори, побывавшими на небе. Вам будет что рассказать своим детям и внукам.

Так что Нодаи, как и было наказано, гордилась. Но с опаской и немалым душевным трепетом.

Кстати, она уже почти полторы луны как не Нодаи, а Надь-Я. Нет, правильнее будет – Надя, Поль всегда с неодобрением относился к коверкающим верхний язык. А ее Хоир-Оги теперь Георгий. Они получили высшие имена одними из первых, научившись сначала помогать Полю, а потом и работать на визжащей четырехногой штуке пришельцев, которая пилила дерево, причем невероятно легко и быстро. Как же она называется? Цир... кур... ляр... как-то так.

Бывшая Нодаи вздохнула – все-таки в верхнем языке очень много слов, и среди них часто попадаются длинные и трудные. Однако она довольно быстро научилась пользоваться хотя бы простыми, из-за чего ее и заметил Поль.

Но первой получила высшие имена семья из рода Хику, жившего на восточной оконечности острова. Они занимались рыбной ловлей, причем успели получить от пришельцев, пока те еще не уплыли, большую зеленую сеть, при помощи которой рыбу в лагуне можно было ловить даже зимой.

Правда, эта зима прошла не как предыдущие, по крайней мере, для тех людей, которые решили войти в новый род. Про него, прежде чем улететь, рассказал старший посланец Миш. Так вот, зима хоть и выдалась даже немного холоднее прошлой, но была пережита на удивление легко. Ведь как оно было раньше?

Дождь, иногда целую луну подряд. Несмотря на все усилия, хижины протекают, в них холодно и мокро. Очаг греет, только пока в нем горят дрова, но тогда в хижине невозможно находиться из-за дыма. И горе той семье, что не смогла уследить за огнем и потеряла его! Хорошо, если у соседей он сохранился, но в прошлом году налетевший ураган повалил много хижин и загасил огонь почти у всех. А добыть его в такую мокрую погоду очень и очень непросто.

Только все это еще полбеды. Голод! Вот самый страшный враг мориори зимой.

Все съедобные корни выкопаны еще осенью, а новые зимой не растут. Птицы не откладывают яйца и не выводят птенцов, а наоборот, прячутся, и добыть хотя бы одну получается только у лучших охотников, да и то редко.

Рыба покидает прибрежные области лагуны, ее не поймашь на сделанный из ракушек крючок. Приходится на плоту выплывать почти на середину и пытаться бить рыбу острогой. Целый день в страшно холодной воде, под дождем, и часто без всякого результата! Рыбаки болели, а иногда и умирали.

Однако вокруг каменного дома Поля почти все было не так.

Во-первых, когда заболели два самых маленьких ребенка и все думали, что они умрут, Поль пустил их с матерями к себе, на первый этаж, где было тепло и сухо. Давал им еду и какие-то отвары, так что дети выжили.

Во-вторых, он научил двух молодых охотников пользоваться гремющими палками – страшным оружием посланцев. И теперь те пусть и не каждый день, но все-таки довольно часто приносили убитых птиц. А посмотрев, как мерзнут рыбаки на плоту, хоть нынче у них не заостренные колья, а сеть, вынес из дома странную красную штуку с мелкими, но даже на вид острыми зубами и велел всем здоровым мужчинам идти в рощу. Там он что-то сделал со своей зубаткой, она затрещала, завывала, а увязавшаяся за Хоир-Оги Нодаи чуть не умерла со страху. Красная штука с самого начала показалась ей оружием, причем даже более страшным, чем гремющие палки. А тут ее зубы вдруг задвигались и побежали так, что их стало не видно! Наверняка это существо может перегрызть даже камень, не говоря уж о человеке.

Но Поль начал пилить деревья, а не людей. И за один день повалил почти треть небольшой рощицы, на что племени, наверное, потребовался бы год. А тут всего один день, да и то не весь!

Однако посланец все-таки устал, поэтому велел Хоиру тащить к дому его, как он ее назвал, «бенз-о-пилу». Нодаи видела, как страшно было ее мужу. А вдруг это вновь оживет и начнет бросаться на людей, ведь деревьев рядом нет, они остались далеко позади.

На следующий день Поль опять пошел к рощице, причем в этот раз Хоир тащил пилу и туда. А затем посланец оживил свою красную вещь и начал ползать с ней около бревен, говоря людям, где поддержать их или как повернуть. И бревна стали на глазах превращаться в прямые палки, которые пришелец называл брусьями. Их оттащили к дому, Поль с помощью здоровяка Иму выволок того самого четырехного с зубастым кругом посередине, который мог резать брусья на длинные и ровные щепки, то есть доски. Нодаи с Хоиром вскоре научились пользоваться этой вещью и сами. Все-таки круг хоть и был зубастым, но не таким страшным, как длинная челюсть у красной верещалки, стоял посередине стола и никак не мог оттуда убежать – Поль это сказал совершенно точно.

Около дома были быстро построены два навеса, покрытые, как ее назвал пришелец, «пленкой». Она выглядела полупрозрачной и походила на рыбий пузырь, но это каких же размеров должна быть рыба, чтобы из ее пузыря вырезать куски такой длины? Наверное, величиной не меньше острова Рекоху. Понятно, почему пришельцы никогда не голодают,

если они знают, где водятся такие рыбы, и умеют на них охотиться.

Так вот, готовые доски Поль внимательно осматривал и разделял. Самые лучшие, ровные и без сучков, он велел складывать под малый навес, а остальные – под большой. И сказал, что их можно пустить на постройку хижин, которые не будут протекать, особенно если сверху их тоже накрыть пленкой. Затем показал, как сложить очаг, чтобы он дольше держал тепло в таком доме и меньше дымил.

Лучшие же доски лежали под навесом луну с четвертью, после чего Поль с семьей рыбаков начал строить из них корабль. Двойной, как тот, который привез на Рекоху младшего и среднего посланцев, однако заметно меньше и без хижины на нем. Но тоже с мачтой!

Вскоре корабль был построен, и семья из Хику начала плавать на нем по лагуне, вылавливая при этом куда больше рыбы, чем раньше с плота, причем теперь она не мерзла и почти не мокла. Сначала отталкиваясь от дна шестами, потом загребая веслами. Когда люди освоились с кораблем, Поль рассказал им, зачем нужны паруса, как их ставить и как ими пользоваться. После чего семья рыбаков долго плавала по лагуне на одних парусах, без шестов и весел. Сначала они научились двигаться по ветру, потом поперек него, а под конец и против, направляя корабль зигзагами, как плавают некоторые мелкие рыбки.

Увидев, что рыбаки могут нормально управлять построенным кораблем, младший посланец пригласил их в свой дом, где люди просидели до позднего вечера. Выйдя оттуда, глава семьи сказал, что они обещали Полю проплыть вокруг острова Рекоху. То есть, покинув лагуну, обогнуть северную часть острова и явиться в бухту около деревни Ваи.

Если бы такое сказали свои, наверняка начался бы плач, потому что такой путь означал почти верную смерть. Но рыбаки были из рода Хику. Впрочем, Наде стало грустно – они же хорошие люди, часто угощали своей рыбой всех, кто попросит.

Однако мужчина заявил – если мориори и дальше будут бояться выйти в океан, их ничего не ждет, кроме угасания на своем острове. Кто-то должен стать первым, и он, Кири-Кау, решил, что это будет его семья.

Ранним утром двойная лодка вышла из лагуны. Поначалу юго-западный ветер был для нее почти попутным, но, когда береговая линия повернула на восток, стал дуть сбоку-спереди. Но остров пока еще защищал кораблик от океанских волн, а двигаться вперед при таком направлении ветра семья Кири умела.

Когда солнце дошло до середины своего пути по небосводу, корабль достиг Северного мыса и обогнул его. И тут на него обрушились океанские волны. А чтобы не быть унесенными в открытое море, рыбакам теперь надо было править точно против ветра! Раньше они делали это, и довольно успешно, но только в спокойных водах лагуны. Оказалось, что в океане это не так просто: несмотря на все усилия, с каждым поворотом двойную лодку относило все дальше от берега.

Но Кири-Кау не сдавался. Он велел жене и двум сыновьям взять весла и грести изо всех сил, а сам управлялся с рулем и обоими парусами.

Весла помогли, да и Кири приноровился управлять судном на волнах, так что вскоре берег вновь стал приближаться. И наконец, когда солнце прошло уже треть своего пути от верхней точки на запад, мыс остался позади. Волны никуда не делись, но ветер теперь дул сбоку, так что обессиленные люди наконец-то смогли немного отдохнуть.

В бухту Ваи рыбаки добрались, когда солнце уже садилось. Там их встречал сам Поль, приехавший на своей тархтящей сухопутной лодке с колесами. Он объявил, что это был великий подвиг, за который вся семья, включая десятилетнего младшего сына, получает высшие имена. Несмотря на то что Кири-Кау все еще плохо говорил на языке пришельцев. А потом вручил рыбакам полосатые рубашки и сказал, что они поплывут в новые земли на «Мечте», которая скоро явится на Рекоху. За время плавания люди научатся обращаться с большим кораблем и станут настоящими моряками.

И вот вчера утром «Мечта» вошла в лагуну. Сошедший с нее средний посланец сказал, что послезавтра вечером все желающие будут переправлены в новые земли. Для этого им надо подняться почти на самую вершину горы Уинау, до которой полдня пути. Он поможет им оттуда шагнуть на небо, а с неба – в новые земли.

Сейчас тринадцать семей рода Ваи, в том числе и Надя с Георгием, собирались в путь к самой высокой горе острова.

Глава 1

Очередное измерение разницы скоростей протекания времени показало двести шестьдесят три, то есть она явно уменьшалась несколько быстрее, чем по простой синусоиде. А это, в числе прочего, может означать, что она синусоида не простая, а с гармониками. Но для хотя бы самого общего представления об их частоте и амплитуде у меня было слишком мало информации. Жалко, потому как хотелось побольше узнать про свойства перехода между мирами, которым я столь давно и беззастенчиво пользовался, выражаясь протокольным языком, «в интересах узкой группы лиц». Но ничего не поделаешь, и я подошел к окну. На улице как раз сейчас происходило расширение той самой группы.

Переселенцы с Чатема растерянно толпились на единственной площади нашего города, куда они были приведены из прочного сарая, способного выдержать разницу давлений в сорок миллиметров ртутного столба. Их обустройством должна была заниматься Ханя, и она сейчас рассказывала людям, в какое замечательное место они попали, как теперь все будет прекрасно. Впрочем, иммигранты и сами видели, что здесь заметно теплее и не идет дождь.

Две девицы, привезенные Мариком полгода назад, тоже были на площади и с нетерпением ожидали конца речи моей помощницы, чтобы начать хвастаться знакомым, как хорошо они теперь живут. Кстати, когда я в свое время спросил парня, которая именно является его женой, то получил ответ – обе.

Сбоку стоял Бунг, старший из наших тасманийцев, и с задумчивым видом в который раз принимался загибать пальцы. Кажется, он пытался сосчитать, на сколько выросло население Форпоста и сколько валлаби теперь придется добывать ему и его парням, чтобы прокормить всю эту ораву. Хоть и с трудом, но мне все же удалось привить тасманийцам понятие культуры в смысле одежды. И теперь на охотнике была не только камуфляжная рубашка, но и такие же шорты.

Наконец его вычисления привели к какому-то результату, и он направился к моему дому. Интересно, что ему понадобилось?

Оказалось, помповое ружье. Валлаби тасманийцы стреляли из мелкашек, но тут ситуация изменилась.

– Много люди – много кушать, – объяснил мне охотник. – Надо большой зверь. Бунг взять большой ружье и бить котик. Невкусный зверь, но большой. Один, два, три котик.

– Котик – это хорошо, а три котика – еще лучше, – одобрил я его инициативу.

Действительно, вкусовые качества этих животных были, мягко говоря, не идеальными, но зато в них содержалось много жира – основного сырья для производства хлоратитной взрывчатки.

Тасманийцы влились в наш коллектив на правах автономии. То есть их домик стоял не около площади, а метрах в ста от нее, в кустах. И был существенно меньше стандартного, но вовсе не потому, что мы пожадничали с материалами. Просто даже бытовка размером два и два на пять метров казалась гостям с соседнего острова слишком большой, и мне пришлось убеждать главу семьи, что, несмотря на огромные размеры предлагаемого жилища, жить в нем будет удобно.

В наших стройках Бунг почти не участвовал, предпочитая охотиться. А уж когда он освоил мелкашку, добытого им и его парнями мяса стало хватать всем, и даже с небольшим избытком, из которого делалась тушенка на черный день. Но теперь следовало задуматься о расширении географии охотничьих экспедиций. Потому как Манюнин остров не слишком

велик, валлаби всем надолго не хватит, а с утра до вечера жрать одних котиков – увольте. То есть надо было построить пару небольших суденышек для плавания по Бассову проливу.

За образец я собирался взять то, что соорудил на Чатеме Поль. При всей своей выдающейся примитивности та посудина получилась очень и очень неплохой.

Силовой набор корпуса состоял из прямоугольных шпангоутов, представлявших собой просто отрезки сплошной доски. Стрингеров не было вообще, их роль играла обшивка. Заодно сразу получались герметичные изолированные отсеки, что сильно увеличивало живучесть.

Понятно, что при такой конструкции любой разрез корпуса был прямоугольником, что не очень хорошо в смысле обтекаемости. Так вот, Поль просто прикладывал к днищу поплавок подходящий горбыль, обрабатывал его по месту и приворачивал на шурупах. Это не только улучшало обтекаемость, но и обеспечивало хорошую защиту днища. Катамаран мог на полном ходу выбрасываться не только на песок, но и на не очень крупные камни. А в самом крайнем случае заменить горбыль – это час работы вместе с подгонкой.

Кроме того, катамаран Поля не был жестким. Во время шторма, когда наша «Мечта» начала потихоньку разваливаться, парень обратил внимание на ее поведение после приобретения поплавками некоторой свободы перекашиваться друг относительно друга. Так вот, судно тогда начало всходить на волну куда легче! Так что в его конструкции такая свобода была заложена изначально. Получилось очень неплохо, суденышко обогнуло Чатем при волнении в семь баллов без каких-либо повреждений и при этом почти не зарывалось носом при любой ориентации относительно волн.

Однако закладка нового флота состоится чуть попозже, когда «Мечта», доставившая меня на Чатем, вернется в Форпост. Пока же предстояло заняться сельскохозяйственными вопросами – хорошо хоть ненадолго и в основном с технической стороны.

Близилась посевная, а наш машинный парк состоял из сдвоенного мотоблока и маленького колесного трактора без единого навесного приспособления для ковыряния в земле. Как там оно называется – вспашка, окучивание или культивация? И значит, мне предстояло явиться в Москву, чтобы приобрести еще пару мотоблоков. Затем несколько дней геморроиться с открытием канала на Хендерсон, по результатам коего действия вытащить в Москву дядю Мишу. И пусть он покупает все эти разнообразные плуги, окучники, фрезы-культиваторы, картофелесажалки и, чем черт не шутит, даже скарификаторы. Ведь, в отличие от меня, он может знать, что означает это слово в перечне навесного оборудования для дачной сельхозтехники.

На сей раз открытие заняло всего четыре вечера, а следующим утром, в субботу, я на прокатной «газели» повез дядю Мишу по МКАДу, вдоль которого располагалось множество всяких сельскохозяйственных рынков.

Майор с интересом осматривался – ведь он сравнительно давно не был не только в Москве, но и вообще в двадцать первом веке.

Вот в левом ряду, завывая мигалкой, промчался сначала один черный членовоз, за ним, минут через пять, другой. Все правильно, мы приближались к Рублевке, но дядя Миша почему-то удивился.

– Постой, тут сейчас июнь? – уточнил он.

– Да, тридцатое число.

– Так ведь было же обещано, что мигалки уберут еще в мае, оставив их только тем, кому положена государственная охрана! Что, сейчас мимо нас проехали аж двое из трех десятков?

Я даже не сразу нашел что ответить. Ведь боевой же офицер, спецназовец, герой, а тут вдруг такая наивность! Обещали ему, вот беда-то какая. Можно подумать, что в первый раз. Или хотя бы в десятый.

– Обещали-то до выборов, а сейчас уже давно как после, чего же вы хотите? Но была бумага про сокращение, как сейчас помню. О том, что мигалки остаются только трем

десяткам персон с охраной, в полном соответствии с предвыборными обещаниями. И плюс еще почти шести сотням тех, кому охрана не положена, это уже послевыборное дополнение. В общем, я надеюсь, что в результате конкретно этого сокращения число мигалок вырастет не очень сильно. Но, конечно, ездить их владельцы станут куда наглее.

– А это еще почему?

– Да потому, что в период от обещания до его выполнения шишки, особенно которые помельче, все-таки волновались – а вдруг их действительно заставят передвигаться как всех? Но убедившись, что тревога была ложной, люди облегченно вздохнут и захотят компенсировать свои душевные страдания. Мол, не надейтесь – как ездили, так и будем ездить, а все недовольные идут в болото.

Тут мимо нас с воем пролетел еще один слуга народа, и дядя Миша, проводив его заинтересованным взглядом, спросил:

– Коль, а как у нас с деньгами?

– Пока есть, но вообще-то вы правы – можно потихоньку начинать прикидывать варианты, чтобы не пороть горячку, когда подопрет.

С этими словами я включил поворотники – до первого из подлежащих посещению рынков оставалось двести метров.

К обеду загруженная сельхозинвентарем «газель» вернулась в гараж, а оттуда проехала в город Форпост. Где она была по-быстрому разгружена, после чего начала катать переселенцев с Изначального острова. Они ведь прекрасно помнили ее прошлый приезд и сразу узнали машину, хоть в этот раз она была песочного, а не серого цвета и с синим тентом вместо зеленого. Но так как часть элемента новизны была уже потеряна, покатушки продолжались сравнительно недолго, минут сорок. И проходили по маршруту протяженностью примерно в полкилометра – остров Флиндерс даже без человеческого вмешательства представлял заметно больше возможностей для автотранспорта, чем Хендерсон.

Прибывшие же с Чатема кататься не рискнули. Возможно, со временем они и наберутся смелости, а пока ее хватило только на то, чтобы внять увещаниям Хани и не убежать в лес от рычащего и воняющего чудовища с горящими глазами.

А потом началось... как же ее правильно назвать – посевная страда? В общем, десять человек, в основном женщины, копали и сеяли, а дядя Миша рассекал по окрестностям Форпоста на китайском тракторе с плугами и прочими ковырялками на прицепе. Я же ваял из двух только что купленных мотоблоков второй сочлененный трактор. Правда, сейчас это были другие мотоблоки. Вдвое дороже и в два с половиной раза тяжелее, чем те, которые я спаривал в первый раз.

Теперь мы приобрели дизельные машины, причем их движки были из того же семейства, что и у трактора «Хэбэй». Тот же один цилиндр, здоровенный маховик сбоку и самовар в качестве радиатора. Только эти были чуть поменьше, имели мощность не пятнадцать, а восемь сил и весили всего около сотни килограммов при объеме в шестьсот кубов. Зато при первом же взгляде на оные произведения инженерного искусства становилось понятно, что нынешнему поколению островитян измерить их ресурс не удастся: люди столько не живут.

В общем, опыт у меня был, так что с работой удалось справиться за пару дней. Разумеется, железяки для спаривания брались помассивней и сваривались более основательно, и рулевой редуктор пошел не от «жигулей», а от «газели», но в остальном я просто повторил предыдущую конструкцию. Правда, пришлось повозиться с переключением передач, потому как их в новых мотоблоках было аж по шесть – четыре вперед, две назад. И требовалось, чтобы они включались синхронно на обеих половинках моего трактора. Однако я с этим справился, с ветерком прокатился вокруг Форпоста и подрулил к своему дому, правое крыло которого сейчас занимал дядя Миша.

Майор тоже прокатился, посмотрел, куда тут цеплять всякие плуги, и предложил мне

немного поработать педагогом.

– Зину научи ездить, а то мне некогда, – попросил он.

Имелась в виду пожилая тасманийка, мать парней с европейской внешностью и жена Бунга. Причем имя у нее было свое, то есть Зиной она стала вовсе не в результате знакомства с нами.

Вообще-то она сначала была женой спасенного белого моряка и сохранила о нем самые приятные воспоминания, как-то раз при посильной помощи Хани поделившись ими со мной. Оказывается, это был невероятно добрый человек – он носил своего второго сына на руках почти год, из-за чего тот и не умер.

Хоть и с трудом, но я все же разобрался, в чем тут было дело.

Выяснилось, что на Тасмании было принято рожать следующего ребенка только после того, как предыдущий научится ходить. Потому как племена вели кочевой образ жизни, а мать могла нести только одного. Но матрос сам таскал своего второго сына, что для мужчин племени выглядело на редкость странно. Из-за чего к их семье большинство относилось несколько настороженно. Причем после смерти моряка от воспалившейся раны ситуация только ухудшилась, но тут наступило время встречи племен.

Она происходила раз в год, и люди выбирали себе жен и мужей – таким образом тасманийцы избегали близкородственных браков. Вот, значит, тут-то Зина и встретила с недавно овдовевшим Бунгом, обремененным сыном и совсем маленькой дочкой. И вошла в семью своего нового мужа.

Женщины у тасманийцев в основном занимались собирательством, и Зина сразу оценила всю красоту идеи – не мотаться за ягодами и кореньями по лесам, горам и равнинам, а посадить их, дожидаться, пока вырастут, и собрать прямо не отходя от дома. Поэтому она с большим энтузиазмом взялась помогать дяде Мише. Ну, а он, кажется, решил сделать из нее трактористку.

К моему удивлению, с рулем и газом тетка научилась управляться в первый же день. Да и то как минимум треть этого времени ушло на убеждение ее в том, что в кроссовках нажимать на грубо сваренные педали будет куда удобнее, чем босиком. Еще день ушел на шлифовку ранее полученных навыков и получение новых, теперь уже по работе со сцеплением. Правда, оно у мотоблоков было ременное, то есть требовало гораздо меньшей точности, чем дисковое у автомобиля. Во всяком случае, заглушить двигатель сколь угодно резким броском было невозможно. Правда, в таком случае происходил усиленный износ ремней, но Зина довольно быстро поняла, как правильно пользоваться левой педалью. Переключать скорости ей пока не требовалось – вся пахота проходила на одной.

Еще три дня мы учились ездить с прицепленными плугами. Столь много времени это заняло потому, что учились действительно мы оба, ибо я тоже до сих пор землепашеством как-то не занимался. Но, изуродовав одну короткую грядку, мы потом сравнительно терпимо вспахали первую длинную, а остальные три и вовсе пошли на ура. После чего я с облегчением сдал трактор и ученицу дяде Мише. Майор посмотрел на результаты нашей крестьянской деятельности, поблагодарил меня, а Зину с некоторым даже уважением назвал Пашей Ангелиной. Интересно, кто это – танкистка, трактористка или артистка, кого-нибудь из них сыгравшая?

У меня же наконец появилось время заняться давно задуманным делом. А то ведь со всей этой посевной возней я уже начал потихоньку понимать дона Рэбу, написавшего трактат «О скотской сущности земледельца»! Но наконец ежедневное копание в земле для меня закончилось, и пора было воспарить взглядом в горние выси. Для каковой цели на Манюнином острове имелась вполне приличная гора, а я приобрел кое-какую оптику.

То есть мне захотелось посмотреть на звезды. Сравнить их с куда более приличной картой, чем распечатанная сразу после первого прибытия на Хендерсон, вычислить и записать координаты нескольких заранее отмеченных. После чего загрузить данные в таблицу уже скачанной программы, нажать «энтер» и точно узнать, какой же здесь все-таки астрономический год. И окончательно убедиться, что этот мир полностью тождественен

нашему прошлому. Разумеется, кроме тех его аспектов, в которые мы уже успели вмешаться.

Ночевка на вершине горы прошла продуктивно. Потом я обработал данные и получил год и дату, совпадающую с нашей, выведенной на основе полученных от испанцев сведений. Значит, пока никаких различий этого мира с нашим прошлым не наблюдается. И если мы, например, сейчас заявимся в Испанию, то увидим самое начало сборов Великой армады. А подождав года три с небольшим, сможем посмотреть, как она утонет. И если появится желание, поздравить сэра Френсиса Дрейка с этим знаменательным свершением.

Однако, поделившись полученными сведениями с дядей Мишей, я услышал:

– Миры, говоришь, идентичны? Может быть, очень даже может. Но как минимум одно различие у них все-таки есть, и довольно существенное. Сколько кристаллов было в нашем мире до того, как ты до них добрался? Три. А в этом, судя по твоим данным о скоростях протекания времени, вообще ни одного нет.

Глава 2

В начале ноября на полях, расположенных в закрытой от ветров большой долине километрах в трех от Форпоста, начали пробиваться первые ростки. Причем как на основных грядах, так и на образцовых. Что это такое? Мое, не побоюсь этого слова, изобретение в области сельского хозяйства. Родилось оно, как это и положено всякому порядочному новшеству, от лени. Ну влом мне было запоминать десятки фотографий с изображениями наших будущих сельхозкультур, тем более что в разные моменты своего развития они могли довольно сильно отличаться.

Женя тоже собирался по мере сил участвовать в развитии земледелия, причем с куда большим энтузиазмом, чем я. Просто потому, что на новом месте почти никто не болел, и у нашего доктора образовалось свободное время. Но и он приуныл, когда попробовал объяснить смысл тех картинок аборигенам Хендерсона, Питкэрна и Чатема. Ведь на их островах флора была довольно однообразной и ничем не напоминала ни наших культурных растений, ни местных сорняков. И как потом организовывать прополку, спрашивается? А ведь мы посадили хоть и понемногу, но почти полсотни наименований, дабы посмотреть, что здесь лучше приживется и даст лучший урожай. Причем большую часть ни разу не видели даже те несколько человек, что до переселения работали на огороде у дяди Миши.

Так вот, рядом с каждой основной грядкой распаивалась образцовая, совсем маленькая. Ее ничем не засаживали. И, значит, перед... да как же их назвать... полотелями? Или все-таки польщиками? В общем, перед работающими на прополке стояла простая задача. Выдергивать на основных грядах те ростки, подобные которым есть на образцовых, и оставлять только не имеющие аналогов на соседней полосе.

Дядя Миша одобрил мою рационализацию и засобирался домой, на Изначальный, к жене и дочке. Так что вскоре он уже гостил в моей московской квартире, по вечерам вместе со мной выбираясь в гараж и наблюдая, как я маюсь с открытием перехода пусть и в хорошо знакомое, но не имеющее маяка место.

С третьей попытки у меня получилась маленькая дырочка метрах в ста от берега и на высоте порядка пяти метров. Мы просунули туда антенну передатчика, огласили почти девственный эфир шестнадцатого века серией сигналов и отправились в квартиру. Теперь появилась надежда, что следующим вечером в том месте уже будет ждать лодка, куда можно передать шест с аппаратурой, после доставки которого на остров открыть переход туда будет совсем просто. Однако хрен – следующим вечером никакая лодка нас не ждала, хоть дырочка открылась, и почти в том же самом месте. Я даже слегка забеспокоился и, чуть развернув мини-переход, немного увеличил его диаметр. Теперь в поле зрения попал край поселка у верфи и несколько спокойно перемещающихся по нему аборигенов. Мы опять просунули туда антенну, но сейчас она излучала сигналы совсем недолго. Все-таки открыть, а потом развернуть переход и увеличить его потребовало такого напряжения, что у меня потемнело в глазах. Дырка схлопнулась, ровненько обрезаю антенну почти у самого

передатчика.

– Спят ваши дежурные, – предположил я, отдышавшись. – Или на огороде пасутся, пользуясь отсутствием хозяина. Так что, похоже, придется продолжать по старинке, методом последовательных итераций. Дней за десять точно управлюсь, а если повезет, и недели хватит. Только, может быть, все же сходите в поликлинику?

Дело было в том, что майор сразу по прибытии в двадцать первый век почувствовал недомогание, которое потихоньку усиливалось. Но от посещения врачей отказывался – мол, это на него так действует здешний мир, очень для человека вредный, а на Хендерсоне все болячки мгновенно пройдут сами собой.

Кстати, нечто подобное заметил и я, когда после завершения нашего океанского плавания несколько раз мотался с Чатема в Пруды и обратно. Во время шторма я малость простудился, и при каждом посещении будущего меня одолевал насморк и начинало першить в горле. Но стоило вернуться на Чатем, как все симптомы исчезали меньше чем за день.

В общем, майор в очередной раз отказался от посещения поликлиники. И, вздохнув, буркнул:

– Ох, научу же я кое-кого родину любить!

После чего мы отправились ужинать и спать в мою квартиру.

Однако мне не пришлось неделю корячиться над аппаратурой – следующим вечером по ту сторону открытой дырки уже качалась на волнах надувная лодка. Я пропихнул шест в переход, абориген поймал дюралевину, и вскоре мы с дядей Мишей были на Хендерсоне. Даже чай – и тот был заварен к нашему приходу! Если кто-то из дежурных и зевнул, то ненадолго, однако майор все равно хотел разобраться. Мой же путь лежал в московский гараж.

Перед возвращением в Форпост я поискал в Сети труды по закономерностям развития человеческого общества. Меня интересовало – почему, например, англичане колонизировали Австралию, а не наоборот? Ведь на соседнем с Форпостом материке уже сорок тысяч лет назад умели делать бумеранги и довольно сложные каменные орудия, а в Европе крайне малочисленное население пребывало в такой дикости, по сравнению с которой уровень развития тасманийцев мог сойти за невиданный прогресс. Однако австралийцы остановились в развитии, а Европа совсем недавно, по историческим меркам, совершила рывок. Почему?

Всякие ответы насчет генетической предопределенности народов к прогрессу или наоборот я пропускал не читая, потому как имел возможность на практике убедиться в их несостоятельности. Пассажи про пассионарность меня тоже не убедили. Потому как ни в одной теории толком не объяснялось, откуда она берется и как ее там набрать побольше.

В общем, объяснений неравномерности развития человеческих обществ было много. Некоторые заставляли чесать в затылке – как, например, теории про Китай. Почему эта страна в Средние века совершила научный, технологический и культурный рывок, намного обогнав Европу по всем показателям? Из-за того, что Китай представлял собой мощное монархическое государство, в то время как в Европе на той же территории могло уместиться (и умещалось) несколько королевств или княжеств. Так утверждал один исследователь.

Да, но почему потом Китай сначала остановился в развитии, а затем даже попятился назад? Из-за того, что он представлял собой мощное централизованное государство, отвечал второй ученый. В то время как в Европе их было много, в силу каковой причины сказалось благотворное влияние конкуренции.

Интересно, а почему тогда раздробленность русских княжеств не дала им мощного преимущества перед монголами? Куда, черт возьми, в самый ответственный момент подевалась упомянутая спасительная конкуренция?

Потихоньку у меня сложилось свое мнение. Оно заключалось в том, что причин для неравномерности развития действительно много. Однако одной из самых важных является наличие или отсутствие письменности. А также возможность резко увеличить число

грамотных, когда наступит такая необходимость.

В Китае, как и в Египте, письменность возникла очень давно, что дало большие преимущества этим странам. Но потом потребовалось расширить прослойку умеющих читать и писать, однако с этим при иероглифическом алфавите возникли определенные трудности. Их не смогли преодолеть ни Египет, ни Китай, и страны потихоньку сдулись.

А вот буквенный алфавит гораздо проще для изучения, и я собирался с самого начала использовать это обстоятельство по полной. В новой стране грамотными должны быть все! Правда, в разной степени, тут уже никуда не денешься.

Сейчас как-то читать и еще более как-то писать с грехом пополам умели человек десять. Разумеется, не считая Поля, который освоил азы очень давно, а теперь использовал сидение на Чатеме для повышения своего культурного уровня. Я оставил ему неплохую электронную читалку, и сейчас он делил время между повестью Хейердала «Аку-Аку» и одиннадцатым томом полного собрания сочинений Сталина.

Однако остальные грамотные, в том числе и мои старые подопечные Ханя с Тимом, такими успехами похвастаться не могли. Регулярное чтение Детской энциклопедии пока явно выходило за пределы их возможностей. Все-таки они еще дети, хоть и взрослые по местным меркам. И значит, им нужны сказки.

Да, но попробуйте найти такую, чтобы человек, в жизни видевший лишь несколько островов в океане, не оказался погребен под кучей абсолютно незнакомых ему бытовых и культурных подробностей! Да еще чтобы эта сказка помогала ему освоить начала точных наук, развить лучшие стороны своей личности плюс звала в светлое будущее и предостерегала, каким – ох, до чего же не светлым! – оно может стать, если направить вектор развития не туда. И при этом сказка должна быть настолько интересной и захватывающей, чтобы читатель если и мог от нее оторваться, то только с трудом.

Так вот, найти подходящее по всем параметрам произведение было непросто, но я справился с поставленной задачей. Теперь, пожалуй, у меня может и получиться привить основателям нового народа интерес к чтению. Потому как что он дает – в этом можно было в свое время убедиться на примере Советского Союза. А к чему приводит его отсутствие – на примере современной Российской Федерации.

И дело даже не только в том, что из никогда ничего не читавшего труднее сделать приличного специалиста. Можно, хотя, например, нарастающий падеж спутников – он ведь происходит не просто так. Но все же специалисты пока есть. И они могут работать, причем иногда даже виртуозно, сам видел. Но вот что-то кому-то объяснить эти люди совершенно не способны! Мекают, блеют, как та собака, что все понимает, а сказать не может.

То есть сейчас среди учителей еще встречаются люди, которые что-то в жизни читали, в силу чего, вопреки общим установлениям, из школ иногда выходят не полные неучи. Но ведь они, эти учителя, скоро кончатся, вот в чем беда. И обучением тех, кто сейчас только родился, займутся педагоги, из печатной продукции читавшие только брошюры про быстрое увеличение бюста или члена в несколько раз, а всю остальную духовную пищу получившие из зомбоящика. На фоне их учеников нынешние жертвы ЕГЭ покажутся сплошными декартами и ньютонами. А ведь я мог бы дожить до тех кошмарных времен, не сведи меня судьба с Виктором Семеновичем.

Вот потому, что нам нужны были не только и даже не столько специалисты, сколько люди, способные преподавать широким массам аборигенов хотя бы курс начальной школы, я вернулся в Форпост с полиэтиленовым пакетом под мышкой. В котором лежали шесть книг – по два экземпляра каждого тома трилогии про Незнайку.

Как и ожидалось, молодежь с увлечением окунулась в описание приключений предприимчивых коротышек. Разумеется, сразу возникло несколько вопросов, но к ответам на наиболее очевидные из них я подготовился заранее.

Первый относился к автомобилю Винтика и Шпунтика. Что такое газированная вода с сиропом и как она может двигать машину наподобие нашего двойного мотоблока?

Кстати, у современной российской молодежи вполне могло возникнуть то же самое недоумение. Я-то видел в детстве полуразвалившийся автомат для продажи такой воды и в силу уже приобретенной технической любознательности расспросил отца, что он делал и как был устроен. Так вот, оказалось, что во времена написания первого «Незнайки» не было даже таких автоматов! А были толстые тетki в белых халатах при тележках с баллоном, баком для воды и двумя стеклянными цилиндрами с сиропом.

И, значит, я раздобыл сифон, а баллончики с углекислотой у меня и так были, от «кастрата». После чего сначала показал, как делается газированная вода, а потом – как от этого баллончика может работать маленький пневмодвигатель. Что интересно, слушатели поняли практически все. Более того, теперь они хоть и в самых общих чертах, но представляли себе принцип работы поршневого двигателя, с чем раньше у них было просто никак. А вот воздушный шар почему-то не вызвал большого энтузиазма. Может, оттого что люди уже видели самолет?

Тем временем наши грядки все более и более зеленели. Нет, колоситься там еще явно ничто не колосилось, хоть я и не очень ясно представлял себе, как может выглядеть этот процесс. Но молодая поросль поперла вверх довольно активно. Причем ее лицемерие заметно расширило мой сельскохозяйственный кругозор. Выяснилось, например, что молодая морковь практически неотличима от столь же молодого укропа, несмотря на то что в виде подлежащих бросанию в суп продуктов они не имеют меж собой ничего общего.

Еще одним интересным наблюдением стало то, что помидоры, проросшие из одного и того же пакетика с семенами, могут очень сильно отличаться друг от друга. То есть на грядке проклюнулись растения двух видов, совершенно друг на друга не похожие. Я долго рассматривал образцовые грядки – а вдруг одно из них сорняк? Но нет, ни на одной маленькой полосе не возшло ничего даже отдаленно похожего, то есть оба вида проросли из посеянных нами семян.

Банг с сыновьями Зины поначалу отнеслись к новому занятию матери семейства со скепсисом: мол, где это видано, чтобы коренья и орехи сами приходили к людям – может, они еще и в рот прыгать будут? Но не возмущались, потому как дело женщины – обеспечить всякую траву к добытому мужчинами мясу. А наша трактористка теперь получала усиленный паек макаронами, гречкой и прочими дарами распродаж в «Ашанах».

Однако вскоре мнение мужской части тасманийской автономии относительно сельского хозяйства радикально изменилось. Ведь они охотились в основном на валлаби, которых еще называют сумчатыми зайцами. Вот зверюшки и вели себя как те зайцы, в полном соответствии с названием повадившись на наши поля. Особый ажиотаж возник вокруг трех кукурузных грядок, но и прочие овощи тоже не избежали внимания серых воришек. Поэтому теперь вместо беготни по всему острову охотникам достаточно было сесть в центре поля, причем даже не маскируясь. Днем просто так, а ночью – с ночным биноклем. И, без суеты прицеливаясь, постреливать наглых визитеров. С чего этим карликовым кенгуру, спрашивается, так понравились наши поля? Ведь на острове полно самой разнообразной травы, прямо хоть коров заводи с козами. Так нет, подавай им именно кукурузу. Правда, у меня было подозрение, что скоро все глупые валлаби кончатся, а умные будут держаться подальше от полей, но пока мяса хватало с избытком, несмотря на двойное увеличение численности населения Форпоста.

В конце ноября я наконец-то смог полностью свалить все земледельческие заботы на Женю и пятерых аборигенов Хендерсона, более или менее знакомых с огородничеством, а сам взялся руководить постройкой серии сразу из трех небольших катамаранов по образцу конструкции, придуманной Полем. Потому как теперь на один наш корабль, «Мечту», имелось два подготовленных экипажа. Путь с Чатема на Флиндерс кораблик проделал за двадцать дней. Столь долго он добирался потому, что дизеля в пути вообще не включались,

причем последнюю неделю «Мечтой» управляла исключительно семья Кири-Кау, который еще со времен своего героического плавания вокруг родного острова носил имя Кирилл и щеголял в тельняшке. Мало того, семье пришлось вести катамаран очень круто к ветру, но она справилась. И теперь, значит, начнет строить корабли для колонии, ибо тасманийцы тоже хотели плавать.

Расчеты показали, что конструкция Поля имела избыточный запас прочности, но я решил не уменьшать его, а немного увеличить размеры суденышек, чтобы на их палубе появилась возможность поставить хоть какое-то подобие кают. Теперь поплавки будут иметь длину семь метров вместо пяти с половиной у прототипа, а объем каждого составит два кубометра.

Кроме того, увеличение размеров позволяло расположить на кораблике дешевый двигатель. Потому как сами судите – наибюджетнейшим из лодочных моторов является «Салют». Он двухтактный, что отнюдь не прибавляет ему ни ресурса, который мизерен, ни экономичности, отсутствующей в принципе. А стоит этот кошмарик почти пятнадцать тысяч. Узнав, что мощность одного дорогущего недомерка составляет всего две силы, моя жаба потеряла дар речи от возмущения, и я в спешке, пока он к ней не успел вернуться, поставил крест на программе приобретения подвесных лодочных моторов. Потому как китайская копия хондовского GX-200 стоит пять с половиной тысяч в розницу, а мелким оптом почти в полтора раза дешевле. Отличный мотор, на базе него собрано много мотоблоков и бензогенераторов. Мощность – пять с половиной кобыл, и он четырехтактный, то есть жрать будет даже меньше двухсильного «Салюта». Ну а сочинить ременный привод с вала на винт нетрудно, подумал я, доставая из ящика стола карандаш, ластик и тетрадь в клеточку.

Глава 3

Купив ремней и заготовок под шкивы для приводов наших новых кораблей, я вернулся в Форпост, да так и застыл от удивления. Солнце уже скрылось за горой на западе! А когда я покидал шестнадцатый век, оно только-только касалось краем вершины. Но я же мотался по Москве меньше пяти часов, и здесь должно было пройти от силы минуты полторы. Если, конечно, это тот же вечер, в который состоялся старт очередного посещения будущего.

Охваченный нехорошими подозрениями, я метнулся к электронному хронометру и посмотрел дату и время. Слава богу, день оказался тем же самым – вторым декабря пятого года. Но с момента закрытия предыдущего перехода тут прошло сорок минут! Да что же это, теперь соотношение скоростей протекания времени составляет всего один к восьми?

Дело было очень серьезным, и я, опять включив аппаратуру, открыл переход. Перебрался в гараж и сидел там полчаса, изнывая от нетерпения, после чего вернулся в Форпост и, сравнив показания хронометров, быстренько вычислил соотношение. Получилось один к двумстам шестидесяти двум, что с точностью до ошибки измерения совпадало с результатом предыдущего замера. Но что же тогда, черт побери, происходило во время моего путешествия по магазинам запчастей для мотоблоков? И где – в том мире, в этом или в обоих сразу?

Итак, что мы имеем? Если принять гипотезу дяди Миши, то в этом мире до моего появления не было ни одного кристалла. Это могло означать как различие миров именно по данному параметру, так и то, что эти самые кристаллы появились в обоих мирах позднее конца шестнадцатого века. Вот как раз сейчас, например.

Да, но тогда все равно ничто не сходится! Если здесь появились все три, то от моих перескоков в будущее вообще ничего не должно измениться, тут их по-любому останется больше, и значит, время будет идти быстрее.

Получается, что кристаллы прибывают сюда по одному и как раз сейчас, предположил я. Если их становится четыре, то при моем уходе в двадцать первый век с двумя их станет по два в каждом мире, и время потечет с одинаковой скоростью. Но ведь не было же такого!

Такого действительно могло и не быть, сообразил я через минуту. А было другое – например, чьи-то попытки попасть в этот мир из какого-то третьего. То есть кто-то проник сюда, пробыл тут сорок минут и свалил вместе со своим кристаллом. И пока он тут сидел, время здесь и в двадцать первом веке текло с одинаковой скоростью.

Когда я дошел до этого места, мне малость поплохело. Ведь по теории Виктора Семеновича кристаллы нужны только для преодоления той самой неравномерности! Когда ее нет, переход между мирами может открыть каждый, имеющий к этому способности, а таких немало. Блин, вот только толпы попаданцев из будущего нам тут и не хватало!

Правда, для открытия канала нужны не только желание и способности, но и ясное представление о том, как выглядит предназначенное к совмещению место того мира. Вряд ли потенциальные путешественники во времени им обладают, так что открытие может получиться только у тех, кто представляет себе что-то вечное и неизменное. Лучше бы, конечно, им привиделся бескрайний океан, авось и выкинет где-нибудь в самой середине Тихого – пусть плавают на здоровье. Ледяные пустыни Антарктиды – тоже хорошее место. Но вдруг некоторые решат вообразить степь, саванну или лес? Остается только надеяться, что за сорок минут, причем без всякого предупреждения, этого не успел никто.

То, что во время открытия переходов скорости протекания миров выравнивались, в этом смысле опасности не представляло, потому как одним из краеугольных постулатов теории Виктора Семеновича являлась невозможность открытия двух и более переходов одновременно в пределах каждого мира.

Значит, пока дырка открыта, ни сюда, ни в двадцать первый век никто чужой не пролезет, подумал я. Но это, разумеется, не выход, да и не получится у меня держать открытый переход достаточно долго – проблему следует решать как-то иначе.

Примерно до часу ночи я размышлял, а потом сел к рации. Сначала следовало связаться с Изначальным островом – это было труднее, чем с Чатом, но приоритетней. Состояние ионосферы не очень способствовало устойчивой связи, так что общаться с майором пришлось мало того что в телеграфном режиме, так иногда и с повторами того, что не получилось принять с первого раза. Но я все же не пожалел времени, по возможности подробно описав дяде Мише сложившуюся ситуацию. Без него сейчас было никак – в наш мир кто-то лезет, и значит, его желательно встретить. А имеющиеся в моем распоряжении встречающие хоть и называются морской пехотой, по боевой мощи если и превосходят отделение стройбата, то не намного. У майора же есть четырнадцать человек с реальным боевым опытом, да к тому же он их тренирует уже больше полугода. А сам он вообще профи, хоть и в возрасте.

– Ситуацию понял, – отстучал дядя Миша. – Жду канала на Хендерсон, сейчас можешь не волноваться, дежурные бдят. Но сначала вывези к себе Поля. Хватит ему сидеть на Чате, тем более что наверняка он подготовил хоть какую-нибудь смену. Тебя же на Флиндерсе заменить пока некому.

Я хотел возразить, что даже при равной скорости протекания времен все прогнозируемые задачи, кои придется решать в двадцать первом веке, потребуют не больше двух недель, но запнулся, не успев начать передачу. Ведь пока прорезался только один лишний кристалл! А если их станет два или три? Тогда время шестнадцатого века всегда будет идти почти в триста раз быстрее, чем двадцать первого, и две тамошние недели растянутся на десять здешних лет, если не больше. Майор же по определению будет со мной, так что действительно руководить колонией придется Полю. Потому как из Зябликова примерно такой же администратор, как из меня агроном. Наверное, если подопрет, что-то он сможет – как и я на грядах, – но лучше до этого вообще не доводить.

Да, но как быть с Изначальным островом?

– За Хендерсон не беспокойся, – запищали наушники. – Маша оказалась очень боевой девушкой. Ничего при ней с островом не будет, последнее время она тут и так всем командует, ведь мне приходится много времени тратить на обучение личного состава. Разве что производство револьверов без меня встанет, но мы, наверное, это переживем.

Сеанс связи с Полем я отложил на утро, потому как на Чатеме у рации вряд ли сидит дежурный, а времени уже третий час ночи. Да и мне не помешает поспать, все равно прямо сейчас молодого человека в Форпост не перетащишь, рейс «Мечты» туда и обратно в лучшем случае потребует недели две, а то и три.

Проснувшись, я первым делом додумал то, о чем начал размышлять еще ночью: кто поведет катамаран на Чатем? И быстро пришел к выводу, что не я. А оба местных экипажа, то есть Тонга с Власом и Мариком плюс семья Кири. Все они имеют опыт походов на «Мечте», мне же придется заняться межмировыми переходами, потому как тут меня не может заменить никто.

Связь с посольством небесных сил установилась довольно быстро – все-таки до Чатема куда ближе, чем до Питкэрна, и антенна там тоже находилась на довольно высокой горе. Поль сказал, что он все понял. Замена ему тоже есть, так что он готов и ждет «Мечту».

Итак, все озадачены, и остается только разложить по полочкам, что и как буду делать я. Тут особенно долго размышлять не пришлось – пойду на работу, даром что был там совсем недавно. Ибо хоть у меня на Форпосте и есть электронная лаборатория, ее возможности все-таки уступают той, что в институте, где я тружусь ведущим инженером. Задача же стоит не самая простая.

Ведь до сих пор я открывал каналы только на маяки, параметры излучения которых мне были известны с точностью до милливольт и микросекунды. Теперь же предстояло обнаружить работу какой-то совершенно чужой аппаратуры. Кое-какие мысли на эту тему у меня уже появились, и требовалось как можно быстрее превратить их в работающие схемы.

По вечерам же мне сидеть в гараже и открывать маленькую дырочку в прибрежные воды Изначального острова. Если у майора там действительно дежурят, то потребуется всего три открытия. А потом он со своим войском переберется ко мне в гараж. Причем даже если кто-то заметит народ в том самом гараже – не страшно. Это, предположим, бригада, которую я нанял для своего дачного строительства. Вряд ли хоть один из сотни среднестатистических москвичей сможет отличить полинезийца от таджика. Впрочем, если даже найдется такой умник, ему всегда можно будет сказать, что это никакие не таджики, а вовсе даже горные киргизы, выгодно отличающиеся от обычных пониженным аппетитом и повышенным трудолюбием.

Четвертого декабря «Мечта» отправилась в путь на Чатем, за Полем, а я перебрался в Москву. Но домой пошел не сразу, а высидев в гараже сорок минут, открыв новый мини-переход и замерив соотношение времен. Аж тяжесть с души свалилась – по-прежнему двести шестьдесят три к одному. Значит, нашего времени пока никто не ворует. Ладно, тогда не будем его терять!

До ночи я сидел и придумывал схемы, которые позволят настраивать мою аппаратуру на чужой кристалл, буде он появится в том мире, а с утра отправился на работу, причем пораньше, чтобы явиться туда заведомо первым. Потому как по моему календарю был я там довольно давно и успел основательно забыть, чем занимался, но в верхнем ящике стола как раз на такой случай лежала шпаргалка.

Впрочем, быстро выяснилось, что изучал я ее зря. В десять часов позвонил начальник, обрадовался, что я уже на рабочем месте, и велел никуда не убегать. Мол, он сейчас в дирекции, но минут через сорок придет в лабораторию и поставит задачу.

Ясно, подумалось мне, шефу вставляют фитиль. В связи с тем, что очередной спутник в очередной раз рухнул, даже не долетев до орбиты, на самом верху возмутились и грозно велели разобраться. Отраслевое начальство ответило «есть» и создало комиссию, но какую-то странную. Целью ее вовсе не было выяснить – кто, где и сколько ворует, по каковым причинам, насколько я был в курсе, с достижением космоса и возникли определенные трудности. Наверное, начальство это отлично знало само, так что комиссия должна была разбираться с инженерно-техническими аспектами данной проблемы. И судя по

возбужденному тону шефа, в ближайшее время дойдет очередь и до нашего института, потому как он делал кое-какую электронику для стартового комплекса.

Начальник прибежал через час с минутами и с ходу поставил задачу – как можно быстрее написать план относительно, как он выразился, «приведения параметров источников питания в соответствие с уточненными требованиями заказчика». Причем реальный, который мне потом самому придется реализовывать, и не позднее чем к следующему вторнику. Работа в выходные будет оплачена по двойному тарифу (аж четыре тысячи в день вместо двух, я сейчас разрыдаюсь от умиления), а если комиссия останется довольна, будет премия.

– Можно отгулами? – поинтересовался я.

– Ладно, – вздохнул шеф, – понимаю, у тебя сейчас самый разгар дачного строительства. В общем, не подведи, а потом можешь гулять хоть до сентября.

Озвученный объем работ, как и сроки, не вызывал у меня ничего, кроме тихой радости. Потому что я уже интересовался, как себя ведут в изделии наши новые источники питания. За что, между прочим, схлопотал втык, потому как отправили-то меня согласовывать какие-то дурацкие бумаги о том, почему тут, там и вон там применяется импортная, а не отечественная элементная база. Да потому что нету такой отечественной! В общем, на согласование я забил, а вместо этого поговорил с ребятами-наладчиками, так что теперь довольно ясно представлял себе проблему в целом. Она заключалась в том, что кому-то наверху очень надо было освоить бюджет.

Дело в том, что старые блоки питания стартового вычислительного комплекса нареканий у народа не вызывали и улучшать их не было никакой нужды. Ну зачем, скажите на милость, наземному оборудованию, к тому же стационарному, уменьшать вес аж на полкило? Или снижать энергопотребление на целый киловатт-час в месяц каждому блоку, коих там всего шесть штук, и из них два резервных. Уровень пульсаций, как потом оказалось, тоже был вполне нормальным для питаемой аппаратуры.

В общем, наша лаборатория корячилась почти год, сделала новые блоки, но тут выяснилось, что они как-то не очень подходят. Да, их напряжения были точнее и чище, но к старым наладчики уже привыкли, а к новым – пока нет.

И как-то раз их начальство обнаружило, что аппаратура питается от старых модулей, а полученные от нас и принятые по всем правилам мирно лежат в сторонке. Раздался рык – заменить! А потом, когда косяком пошли сбои, – новый, «кто виноват?!». И теперь перед разработчиками комплекса стояла дилемма – или признаться, что техзадание на разработку было от начала до конца лишним, или как-то изворачиваться. Вот мне и спустилась заявка на корректировку, смысл которой был прост, как мычание. Мол, сделайте нам блоки, чтобы они выглядели как новые, а работали как старые. На потребление же можно вообще начхать, хрен с ним, с коэффициентом использования сети.

Так как всю эту интригу я уже знал, я заранее подумал, как при случае можно будет опохабить новые блоки. Работы, в общем, тут было на три-четыре дня вместе с испытаниями, и это если не очень сильно напрягаться.

То есть ситуация позволяла мне под видом модернизации блоков приступить к расширению возможностей генераторов для своих кристаллов, причем задействовав на это ресурсы всей лаборатории, а по завершении работ получить заслуженные отгулы. «И не забудь про внеплановые четыре тысячи рублей», – напомнила жаба.

В силу вышеуказанных причин я с энтузиазмом взялся за работу, то есть включил паяльник и велел начальнику убираться из комнаты и не заходить сюда до вечера, потому как свободному полету инженерной мысли не должны мешать никакие отвлекающие факторы.

Вечером в воскресенье я закончил возню в лаборатории – как с блоками питания, так и со своими генераторами. После чего открыл переход в Форпост и изменил настройки тамошней аппаратуры, в десять раз уменьшив время излучения и, соответственно, во столько

же удлинив паузу. Вернулся в Москву и начал пытаться открыть переход в те отрезки времени, когда на тамошний кристалл не подавалось никаких импульсов.

Вскоре у меня получилось, причем нечто среднее. То есть далеко не так легко, как на работающий маяк, но и не с таким геморроем, как на Хендерсон в первый раз. И дырка вышла покрупнее, сантиметров пятнадцати в диаметре. Через такую можно уже вполне прилично осмотреться. Да и просунуть туда получится не только шест с аппаратурой, но и, например, гранату для профилактики.

Все это время скорости протекания времен вели себя так, как и положено при трех кристаллах, то есть четвертый, ненадолго мелькнувший в том мире, который я уже считал своим, больше никак себя не проявлял.

Утром в понедельник, заехав перед работой в гараж, я за полчаса открыл маленькую дырочку на хендерсонский пляж и держал ее три минуты. Все это время туда была просунута антенна передатчика, и теперь, если дежурные бдят, вечером в этом месте можно будет ждать лодку. А потом вновь взгромоздился на скутер и через полчаса уже брал на проходной ключи от лаборатории. Хоть блоки и были готовы, но ведь срок-то назначен на утро вторника! А сдавать работу, кою начальство считает объемной и сложной, следует в последние мгновения, иначе получится моветон. Типа, а за что ему давать отгулы и двойную оплату, если он, не напрягаясь, уже успел все сделать?

Поэтому я вез с собой читалку с десятком недавно скачанных, но еще не прочитанных книжек: на Манюнином острове читать было совершенно некогда, так хоть тут наверстаю. В последнее время у меня вызвали интерес произведения про попаданцев в прошлое – я ведь и сам такой. Причем авторы это как чуяли, потому что книги данной направленности шли бурным потоком, а их герои перли в прошлое, как мужики в горбачевские времена на ларек с пивом.

И вот я на рабочем месте. Ставлю кипятиться воду для кофе, включаю осциллограф, паяльную станцию, кладу на середину стола блок. Все, человек в творческом порыве, и отвлекать ни в коем случае нельзя, до окончания срока осталось меньше суток! Сунется шеф – обматерю.

Обозрев обстановку, я счел ее вполне соответствующей и достал ридер. Так, что у нас тут? Три книжки про попаданцев к Сталину. Ну их, надоели, им там как медом мазано. Два – в Россию, в конец девятнадцатого века. Сойдет, если не найду ничего поинтересней. Еще один – в древний Рим. Нет, на фиг, пусть он там и остается. А это что – Австралия, самый хвостик семнадцатого века? Пожалуй, с данной книжки я и начну – и по времени, и по месту это, можно сказать, совсем рядом.

Глава 4

Первая половина недели прошла в периодических открытиях маленькой дырки на Флиндерс и сравнениях текущих времен там и тут. Все это время в моей квартире было довольнолюдно – там гостили дядя Миша и трое лучших его бойцов с Мангаревы. Они коротали время в изучении арифметики – майор считал, что бездельничающий солдат есть позор для командира, и использовал визит в двадцать первый век для повышения образовательного уровня своего войска. Поэтому оно в основном решало задачи типа:

– Ты отстрелял три очереди по три патрона. Сколько их осталось в магазине?

Как ни странно, поводом к началу занятий стал телевизор. Дядя Миша, видимо соскучившись по этому ящику, включил его, посмотрел где-то полчаса, после чего с возмущением выключил и принялся вбивать науки в головы своего воинства. Вечером же поделился со мной:

– Зря я, старый пессимист, считал, что этот... да как же его, вредителя, зовут-то...

– Фурсенко, – хмыкнул я.

– Вот-вот, говорили, довел он образование до такого состояния, что хуже просто некуда. Оказывается, есть куда, очень даже есть! Новый-то что предлагает – вообще убраться

из обязательной программы старших классов все естественные науки. Они там наверху совсем рехнулись?

– Наоборот, прежние реформы образования страдали некоторой половинчатостью, а теперь предлагается довести их до логичного конца. Начать с того, что свести бесплатное высшее образование к тому минимуму, при котором вообще можно будет говорить о его наличии. Это, насколько я в курсе, уже принято. То есть учиться в институтах смогут только дети приличных людей, а отпрыскам быдла вроде нас с вами там делать нечего. Но ведь люди наверху помнят, какая утечка мозгов началась после развала Союза! Кто будет горбатиться на их детей, если все убегут? А чтобы не убежали, надо или создать им приличные условия для жизни здесь, что дорого, или сделать их никому не нужными за границей. Вот и делают – кому они там понадобятся со своими знаниями всяких искусств, истории, социологии и менеджмента? В забугорье своих таких девать некуда.

И в таких мирных занятиях прошли три дня. А утром четвертого я, ненадолго открыв переход, обнаружил, что с момента предыдущего действия в Форпосте прошло сорок минут. Закрыл, потом через десять минут повторил операцию – теперь и по ту сторону прошло те самые десять! То есть опять появился четвертый кристалл, и пока он никуда не исчез.

Вскоре войско майора в полной готовности стояло за моей спиной, а на экране осциллографа появились характерные изломы на импульсах, что означало – моя аппаратура видит этот самый кристалл. Еще раз убедившись, что в квартире настужь распахнуты все окна, я начал пытаться открыть переход по только что появившейся наводке.

Сначала получилась совсем маленькая дырочка, в которую тут же начал со свистом уходить воздух. То есть давление по ту сторону было заметно ниже, чем Москве, да еще на девятом этаже. Поднеся руку к мини-переходу, я оценил разницу миллиметров в шестьдесят, а то и семьдесят. Много, но окна открываются внутрь, так что самопроизвольно захлопнуться не смогут, а стены квартиры выдержат и не такое. Значит, увеличиваем...

Сначала я увидел золотистый шар примерно дециметр в диаметре, а потом, по мере расширения поля зрения, обнаружил, что на него насажено еще два меньшего диаметра, так что получилось нечто вроде снежной бабы, только маленькой и раскачивающейся, как игрушка-неваляшка. Так вот отчего у меня параметры плывут!

Повинуясь какому-то наитию, я схватил со стола деревянную рейку, просунул ее в дыру и остановил качание «снежной бабы». Сразу появилась возможность расширить дыру сантиметров до пяти. И как только это получилось, стоящий наготове дядя Миша просунул туда шест с телекамерой на конце.

Так, камера, похоже, оказалась в центре небольшого помещения с каменными стенами, закрытой дверью и двумя узкими окнами без стекол, в одно из которых видно верхушку какого-то пальмообразного дерева. Посредине – небольшой постамент с теми самыми золотистыми шарами, а в углу трясется смуглый субъект с перекошенной рожей.

– Можешь чуть повернуть, чтобы я взял его на прицел? – поинтересовался майор. – Не помешает, хоть он безоружен и здорово напуган, на нем аж лица нет.

Я изменил ориентацию перехода. Стало видно, что на субъекте нет не только лица, но и штанов. И вообще вся его одежда состоит из какого-то грязно-желтого мешка с прорезями для головы и рук.

– Прицепить фалы! – скомандовал майор. При планировании операции мы учитывали оба варианта, то есть и повышенное давление за открывшимся переходом, и пониженное. В общем, парни знали, что делать.

– Кристалл в этой матрешке? – уточнил дядя Миша.

Я кивнул, одновременно стараясь как можно больше расширить переход. Похоже, предел достигнут, значит...

В комнату полетел шест с моей аппаратурой, только сейчас он был снабжен восемью раскрывающимися ножками. Дюраль звякнул по камню, ножки в два щелчка растопырились, и шест застыл, а без них он еще как минимум секунду катился бы куда-то, сбивая мне

настройку.

Дядя Миша чуть присел, держа в руке концы фалов. Ведь туда ветер будет попутным, а обратно – встречным, и довольно сильным. Если у парней возникнут какие-нибудь трудности, мы сможем просто втащить их обратно на этих веревках.

Через несколько секунд мне удалось расширить дыру до площади примерно три квадратных метра. Хорошо, что мы заранее убрали всю мелочь, потому как в комнате теперь бушевал натуральный ураган. Интересно, заметят ли его соседи, и если да, то что подумают? Хотя мало ли какие природные явления могут приключиться – смерч, например, или какое-нибудь экзотическое торнадо. Так и скажу, если кто спросит, – мол, сидел, читал книжку. Вдруг оно как налетит! А потом как улетит! И тишина.

Как бультерьеры на поводках, два воина дяди Миши кинулись в переход. Путь одного был совсем коротким – только до конструкции из золотистых шаров. Схватив ее, он пригнулся и с трудом сделал три шага против ветра, назад в комнату. В самом переходе его чуть не выдуло обратно, но дядя Миша поддержал за фал, и парень со своей добычей оказался в двадцать первом веке.

Задача второго была чуть посложнее, но боец с ней справился. Впрочем, субъект в мешке не сопротивлялся, просто он создавал дополнительную парусность, но общими усилиями всей команды ее удалось быстро преодолеть. Я втянул назад свой шест и выключил переход. Ураган мгновенно прекратился, и в наступившей тишине раздавалось только звучное икание пленника, в полном обалдении взирающего на окружающую обстановку.

Открытие перехода в Форпост прошло как обычно, без каких-либо дополнительных трудностей, и вскоре вся наша компания оказалась на Манюнином острове. Дядя Миша со своей командой и пленником остались в сарае, который был построен для выравнивания давлений по обе стороны портала, а я с «матрешкой» пошел в лабораторию.

Войдя, первым делом схватил дозиметр и убедился, что мой трофей не фонит. А то ведь мало ли...

Кстати, золотистые шары оказались очень легкими – все вместе они тянули не более чем на полкило. Как, интересно, скреплено это сооружение и можно ли его разобрать?

Оказалось, что можно. То есть шары вели себя так, будто у каждого в какой-то точке изнутри имелся маленький, но мощный магнит. Причем самый маленький шар отталкивался от самого большого, притягиваясь только к определенной точке среднего.

Я включил свою аппаратуру и посмотрел, что она видит. Результаты выглядели следующим образом.

Когда шары разъединены, то ничего. Измерения времени в шестнадцатом и двадцать первом веках показывают наличие всего трех кристаллов.

Если же к большому шару прилепить средний, то появляется еще один кристалл, причем, судя по настройкам, он находится точно посередине большого шара. То есть, перевел я ситуацию в привычные для себя понятия, большой шар является абсолютным экраном для вроде бы находящегося внутри него кристалла, а средний эту экранировку нейтрализует. Интересно, что делает малый шар? По логике он вполне может что-то усиливать. Но что?

Перерыв, решил я. Общее впечатление уже составлено, теперь надо дать ему устояться, прежде чем что-то пробовать. Значит, разбираем шары, раскладываем их подальше друг от друга и идем к дяде Мише. Интересно, успел ли он допросить пленника? И если да, то на каком языке происходил этот процесс?

– Индейцев гуарани, – просветил меня майор. – Правда, выяснить удалось немного, потому что я знаю этот язык плохо, а наш гость если и лучше, то ненамного. Он, насколько я понял, инка.

– У которых был Монтесума с какой-то матерью... то есть дочерью? – напряг я память.

– Нет, сам он был у атцеков, а его дочь вообще у Хаггарда. Империя же инков была примерно там, где на наших картах Перу. Как раз сейчас испанцы заканчивают ее завоевание. Можно сказать, почти закончили. Но все же хорошо, что мы с тобой не испанцы.

Тот же Писарро на моем месте мог бы и схлопотать инфаркт. Знаешь, как называется место, откуда мы выдернули золотую матрешку? Пайтити!

Пришлось признаться, что мне это слово не говорит абсолютно ничего.

— Ну вот, а кто-то еще жаловался на уровень образования нынешней молодежи, — вздохнул дядя Миша. — Хоть про Эльдорадо ты слышал? Так вот, это нечто вроде того. Полумифический город инков, который долго искали, но так и не нашли. Якобы он набит золотом по самое дальше некуда.

Минуты две потребовалось на переваривание информации, а потом меня разобрал смех.

— Ведь мы тоже не знаем, где он! — объяснил я. — Кристаллов, по крайней мере незранированных, там больше нет. Действительно, порядочный конкистадор за такое убил бы. Ворвались в Эльдорадо, схватили за шкирку первого попавшегося хмыря и сбежали, даже не удосужившись уточнить координаты. Кстати, он не сказал, есть ли там еще кристаллы, и если да, то где они? Ведь теоретически, кроме того что мы захватили, может быть еще два.

— Нет, — разочаровал меня дядя Миша. — Тут, понимаешь, в первую очередь надо было убедить пленника, что мы совершенно не испанцы, а вовсе даже совсем другие люди, белые и пушистые, которых абсолютно не интересует золото. В общем, торопиться не надо, человек и сам все прекрасно расскажет, как только слегка освоится.

— А сейчас он где?

— Спит в библиотеке.

— Может, ему пока построить какой-нибудь сарай, чтобы было где держать? Хотя, с другой стороны, куда здесь бежать-то. И, кстати, можно попробовать вновь открыть микропереход в то самое место. Настройки сохранились, а вид той комнаты я себе представляю неплохо, так что может получиться. Вот только нужно ли? Хотя, как мне кажется, золото лишним не будет.

— Если в смысле геморроя, то конечно, — хмыкнул майор. — На него же в двадцать первом веке ничего не купишь, придется сначала продать, а это не так просто. Нет уж, деньгами лучше разжиться по старинке, сразу в виде денег. А вот люди могут и пригодиться. Хотя, конечно, эти инки были те еще мерзавцы, такую живодерскую империю у себя устроили, что Писарро их завоевал совершенно смешными силами. Да и то постоянно отвлекаясь на борьбу со своим конкурентом де Альмагро. Но, как говорится, в семье не без урода. Например, наш гость — он не то жрец, не то ученый. В общем, действительно попробуй, потому что мне на работу с ним потребуется еще примерно неделя.

— Ладно, попытаюсь открыть дыру в место нашего недавнего подвига. И, кстати, с золотом все не так пессимистично. Согласен — в двадцать первом веке непосредственно на него много не купишь. Но мы-то сейчас в шестнадцатом! А здесь оно очень даже в ходу.

Я оказался прав — сохранившиеся настройки плюс моя неплохая зрительная память позволили уже на третий вечер открыть маленькое окошко в каменную комнату. В ней, кажется, ничего не изменилось с момента предыдущего визита. А соотношение времен однозначно показывало, что в обоих мирах сейчас всего три незранированных кристалла.

Так как два из них были при мне, я взял честно заработанные отгулы и слинял на дачу, где не торопясь построил внутри гаража стальную коробку объемом восемь кубометров, способную выдерживать разницу давлений в двести миллиметров ртутного столба, что примерно соответствует разнице высот в два с половиной километра. Раньше нужды в этом не было, потому как такое сооружение нужно только по одну сторону перехода, а и на Хендерсоне, и в Форпосте они уже имелись. Но появились новые задачи, и теперь можно было не опасаться, что смерчи и ураганы, сопровождающие открытие переходов в высокогорные места, привлекут к себе ненужное внимание.

Закончив работу, я совсем было собрался ехать в Москву, чтобы оттуда перебраться на Форпост, но тут ко мне зашел сосед. Не с ближайшего участка, мой не граничил вообще ни с

одним из освоенных, но все же довольно близкий. Смущаясь, он спросил, нельзя ли ему как-нибудь воспользоваться моим сварочным агрегатом, потому как возникла необходимость приварить несколько уголков, а его маломощный генератор режима сварки не имеет. Прикинув, что спешить мне в общем-то некуда, я предложил сделать это прямо сейчас, и вскоре мы уже катили семидесятикилограммовую железку на колесиках по дорожке, недавно проложенной бульдозером.

На участке соседа я с профессиональным интересом рассмотрел его дом. Да уж, на наших островах строят совсем не так... Было видно, что возводиться он начал очень давно, и пока этот процесс так и не дошел до финиша. Кроме того, бросались в глаза явные корректировки первоначального проекта.

Дом стоял на мощном фундаменте, который выдержал бы нечто кирпичное и даже двухэтажное. Но обвязка была из стопятидесятимиллиметрового бруса, а на ней возвышалось довольно хлипкое каркасное строение. Вместо мансарды вообще торчал какой-то скворечник из реек, обшитых оргалитом.

Сосед показал мне, что именно он хотел приварить к воротам, а затем обернулся к дому и крикнул:

– Мальвина, не бойся, это свои!

Потом извиняющимся тоном пояснил:

– Это я кошке. Она у меня очень любопытная, но и очень пугливая, от чужих всегда прячется.

На его зов из-под крыльца появилось существо, при виде которого я совсем было собрался офигеть, но вовремя спохватился. Ведь работаем-то мы в одном институте, а у нашего монтажника наверняка был не единственный котенок, которого требовалось срочно продать. Вот, значит, и сосед тоже стал жертвой деловой активности парня.

В общем, к нам осторожно подошла точная копия кисы, некогда жившей у меня в Москве, а сейчас лежащей под пирамидой на Изначальном острове.

Глава 5

Пока дядя Миша втирался в доверие к пленнику, про которого мы уже знали, что он действительно жрец и ученый, в далекой молодости воспитывался в храме около города Куско, и зовут его Чан Уари, я занялся силовыми установками для строящихся катамаранов по проекту Поля. Сам автор был еще в пути: сразу по завершении захвата четвертого кристалла я радировал на «Мечту», что можно не очень торопиться. Теперь флагман нашего флота лавировал против ветра на одних парусах, экономя дизтопливо, и его появление в Форпосте ожидалось примерно через неделю.

С установками же основная проблема была не в ременных передачах. Вопреки распространенному мнению, они не так уж сильно боятся воды и грязи. Это я мог сказать на основании шестилетней эксплуатации пяти скутеров, которые и тюнингую, и обслуживал сам. Небольшие количества воды, попавшие в вариатор, действительно вызывали кратковременное проскальзывание, но из-за него тут же поднималась температура, вода испарялась, и все возвращалось в исходное состояние. Чтобы таким способом нанести серьезный вред ременной передаче, ее надо утопить.

С грязью – похожая картина, но вот всяких вибраций и несоосностей ременные передачи действительно боятся довольно сильно. У меня был случай, когда совсем небольшой люфт в подшипнике коленвала угробил ремень за пятьсот километров. Причем это был не какой-нибудь китайский ноднейм, а настоящий «Бандо», который при самой зверской эксплуатации может пройти тысяч десять, а при минимальной заботе о вариаторе – и все пятнадцать.

Поэтому в почти полностью деревянных катамаранах все-таки предусматривались стальные конструкции – рама, на которой будет стоять мотор, тоннель для винта и жесткая пространственная ферма между ними. Таким образом я надеялся обеспечить требуемую

геометрию. Грязи же в море взяться неоткуда. Вода, правда, в принципе может и просочиться в моторный отсек, но если она там появится в количествах, влияющих на работу ременной передачи, это будет означать, что катамаран давно утонул.

Однако у корабля между мотором и винтом, кроме главной передачи, должно быть и какое-то устройство, обеспечивающее реверс. До сих пор оно у меня получалось как-то само собой. На «Авроре» винты крутили электромоторы, которые ничего не стоит заставить вертеться в обратную сторону. «Тритон» имел хондовский лодочный мотор со всеми необходимыми опциями, а дизели для «Мечты» покупались в комплекте с реверс-редукторами.

Теперь же предстояло как-то решить эту проблему. Самый простой путь – это, конечно, купить готовые...

– Ага, по тысяче евро за штуку! – мгновенно проснулась жаба. – Даже и не думай, удавлю. Ручками работай, ручками. Вон, валы и шестеренки от четырехступенчатой жигулевской коробки стоят совсем ничего, их и используй.

Во исполнение данного наказа я смотался в Москву, где душевно попил пива с соседом по гаражам Пашей. Он с незапамятных времен ездил на «четверке», лишь недавно пересев на «Нексию», но почти половина его здорового гаража пока оставалась заваленной жигулевскими запчастями. Вот, значит, там я в процессе дегустации «Клинского» долго вертел в руках внутренности коробки, соображая, как бы собрать из них реверс-редуктор. Но ничего вдохновляющего в голову не приходило. Единственным реальным вариантом было купить коробку целиком, а потом ампутировать ей все передачи, кроме прямой и задней. Но это явно был не лучший путь.

Во-первых, коробка от «копейки» стоит все-таки не копейки, а четыре с небольшим тысячи рублей. Почти как сам движок, который я собираюсь использовать! Во-вторых, она довольно громоздкая. В-третьих, передаточное число четыре с лишним на заднем ходе будет совершенно ни к чему, у движка и так максимальные обороты всего три тысячи, и уменьшать их нет никакого смысла.

Но когда, допив последнюю бутылку, я попрощался с Пашей, сходил к забору с оросительными целями и вернулся в свой гараж, меня осенило. Вот же на самом виду замечательный скутер, хоть и китайский! А в нем есть редуктор, валы и шестеренки для которого стоят даже дешевле жигулевских. Но зато из них очень просто получится собрать требуемый механизм.

Значит, берем вторичный вал и самую малость подтачиваем его на токарном станке, чтобы получилось два гладких конца и шлицы в центре. Параллельно ему ставим еще один, точно такой же. Насаживаем на каждый по шестеренке с посадочными местами под тот же шлиц. Рядом – две мотоциклетные звездочки, соединенные короткой цепью. Это устройство будет иметь три возможных состояния.

Первое – шестеренки и звездочки находятся по обе стороны шлицованных зон и не входят в зацепление с валами. Это нейтраль.

Второе – все сдвинуты вперед. Звездочки еще дальше отошли от шлицов, то есть для них ничего не изменилось. А шестеренки сели на шлицы, и теперь через них можно передавать вращение на винт. Хоть его направление и меняется на обратное, будем считать это передним ходом.

Сдвинув же весь блок до предела назад, получим обратную картину. Шестеренки начнут вертеться вхолостую, а звездочки зайдут на шлицы. То есть таким образом реализуется третье состояние – задний ход.

И наконец в Форпост прибыла «Мечта». Произошло это событие вечером, а следующим утром в моей резиденции собралось совещание расширенного состава – дядя Миша, Женя, Поль и я. Нужно было выработать линию поведения в изменившихся условиях, о чем в краткой вступительной речи сообщил майор.

– Итак, наш гость однозначно утверждает, что матрешек с кристаллами было три

комплекта, и все они изначально находились в городе Куско, столице империи инков. Хранились шары в разъединенном виде. Кроме того, там же был алтарь малоизвестного и ограниченно почитаемого бога Ванко, на котором, согласно древним письменам, собранные матрешки могли продемонстрировать какие-то свои свойства. Причем не когда угодно, а только во время грозы. Какие именно – Чан не говорит. Думаю, что просто не знает.

Так вот, сорок девять лет назад Куско был захвачен испанцами, и начался грабеж, потому как в городе было действительно много изделий из золота и его сплавов. Однако до шаров руки у экспроприаторов не дошли – поначалу им хватало куда более весомых изделий. А потом началось восстание под предводительством некоего Манко Инки Юпанки, во время которого Куско был частично освобожден. Примерно неделю в городе шли бои, и за это время учителю Чана удалось найти все три комплекта шаров и алтарь.

Когда восставших все-таки выбили из столицы, они отступили сначала в какую-то крепость с длинным названием, но после ее обнаружения испанцами боя не приняли, а ушли вовсе в глушь, где в непроходимых джунглях затерялся город Вилькабамба. Там остатки инков, как мыши под веником, сидели сорок лет, изображая из себя империю. Пару раз около города появлялись испанцы, но небольшими отрядами, потому как добраться до новой столицы было очень непросто.

В общем, скоро Манко умер, и на трон сел новый император. А пятнадцать лет назад – еще один, этого звали Тупак Амару. Этот правил всего два года, а потом испанцы все-таки сумели провести через джунгли отряд и захватили последнюю столицу инков. Наш гость успел сбежать, но захватить с собой смог только один комплект без алтаря. От учителя он знал, где находится Пайтити, тайное убежище жрецов на самый крайний случай. И там он засел с полутора десятками своих коллег. Насколько я понял, почти десять лет подряд они там тряслись от страха, но недавно возвратившийся с охоты послушник сказал, что он видел отряд испанцев, явно держащий курс на Пайтити. Было в том отряде аж целых пять человек! Правда, уставших и больных, но все-таки приближение столь огромного войска привело обитателей Пайтити в панику. Кто-то сразу сбежал, а наш гость дождался грозы и попытался провести обряд активации шаров, толком не зная, чем он может кончиться. И на алтаре другого бога. Правда, близкого к Ванко. Что получилось в результате, все знают.

На этом дядя Миша, утомленный столь долгой речью, присосался к чаю с лепестками каких-то местных цветочков, а слово перешло ко мне.

– Исследования только начаты, – просветил я собравшихся, – но некоторые вещи уже можно сказать точно. Кристалл находится в большом шаре, который его экранирует. Присоединение среднего эту экранировку снимает. Малый шар – это блок управления, воспринимающий команды извне в виде определенных значений напряженности электрического поля. С системой команд я еще не разобрался, но не думаю, что здесь возникнут какие-либо непреодолимые трудности. Сами же шары явно продукт какой-то значительно более развитой цивилизации, чем у здешних инков. Сильно сомневаюсь, что даже в двадцать первом веке смогли бы сделать что-либо подобное, и поэтому считаю попытки разрушить шары недопустимыми. Как уже говорилось, изучение алгоритма управления малым шаром только началось, но одно я уже могу сказать точно. В отличие от моей аппаратуры, он может видеть и заэкранированные кристаллы. Думаю, через несколько дней можно будет сказать, где находятся оставшиеся два комплекта, и нам придется решать, что делать. Мое мнение – предпринять все возможные усилия для их захвата. Потому как ходить в двадцать первый век, рискуя напустить сюда прорву попаданцев оттуда, лично мне совершенно не хочется. А это вполне возможно, если в момент перехода кто-то догадается прилепить средний шар к большому.

Тут в разговор вмешался Женя.

– Это самое... – неуверенно произнес он. – У меня появилась мысль насчет влияния путешествий через переходы на здоровье. Может, оно и не совсем к месту, но я хочу сказать, что, если она подтвердится... В общем, из этих соображений я за попытки захвата остальных кристаллов.

– Да что за соображения-то? – оторвался от чая дядя Миша.

– Помните, вы жаловались, что у вас в двадцать первом веке начинает портиться самочувствие, а при возвращении сюда все моментально приходит в норму? И у Николая как-то раз случилось нечто похожее. Но тем не менее большинство путешествий проходит без заметных последствий, а Поль, например, во время своей командировки чувствовал себя отлично, зато по возвращении почти неделю болел непонятно чем. Это, конечно, могло быть и реакцией организма на стресс, но у меня сейчас другая гипотеза. Кажется, тут каким-то образом замешаны биоритмы. И если, упрощенно говоря, человек переместится в будущее на спаде ритма или в прошлое на его подъеме, организму станет хуже, а если наоборот – то лучше. Вот что мне хотелось бы проверить, причем не откладывая. Но, насколько я понимаю, спокойно шастать туда-сюда можно будет только после того, как мы соберем у себя оба комплекта – из того мира и из этого.

– Я считаю, что добывание недостающих кристаллов вообще должно стать нашей первоочередной задачей, – сказал Поль, – и вот почему. Для столь малочисленного сообщества, как наше, вопрос коммуникаций является одним из важнейших. А получив все кристаллы, мы сможем обеспечить переходы из одной точки этого мира в другую через будущее, причем с возможностью управлять знаком разницы скорости протекания времен. Если же снять данное требование, то точек, связанных между собой устойчиво открывающимися переходами, будет пять. Ведь сейчас, кажется, без кристалла в точке открытия можно попасть только на Изначальный остров, да и то с трудом?

– Один раз получилось на Флиндерс, но с еще большим трудом, – уточнил я. – На Чатем не вышло, несмотря на все мои старания.

– Вот именно, – продолжил Поль. – Поначалу, как мне представляется, мы вынуждены будем обойтись двумя точками, потому как не сможем по году ждать результатов закупок, которые займут в двадцать первом веке сутки. Но со временем, наверное, на это можно будет спокойно пойти. И уж всяко ситуация, когда любое открытие перехода чревато непредсказуемыми последствиями, для нас нетерпима. Поэтому повторюсь – считаю обсуждаемую задачу первоочередной.

Я же, слушая Поля, в основном думал не о предмете обсуждения, а о личности докладчика. Неужели это тот самый Поль, мастер по изготовлению рыболовных крючков из ракушек, которого я шесть лет назад принял за младшего брата Хани, хотя он был старшим? И которому потом долго не давались формы глаголов русского языка. Та же Ханя, не говоря уж о Тиме, вовсе не демонстрирует столь выдающегося прогресса. В чем причина? И нельзя ли ее как-нибудь распространить еще на кого-нибудь, потому что кадровый вопрос для нас даже более важен, чем коммуникации.

Дядя Миша понимающе глянул на меня, хмыкнул, отодвинул пустую чашку и попытожил:

– Получается, что в главном у нас разногласий нет – мне тоже не нравятся кристаллы в чужих руках. Значит, пусть Коля пробует определить их месторасположение, до этого строить конкретные планы рановато. И, кстати, появилась у меня мыслишка насчет незваных гостей. Насколько я понимаю, пока у нас нет возможности оперативно отслеживать соотношение времен и, соответственно, количества активных кристаллов в обоих мирах. Так?

– Именно что пока, я как раз сильно подозреваю у шаров наличие такой функции, только еще не знаю, как ее активировать.

– Вот-вот, а пока не знаешь, возможно выравнивание времен и, как следствие, появление здесь новых пришельцев оттуда. Кстати, и там отсюда они тоже могут появиться, просто для нас такая разновидность менее интересна. Мысль же у меня вот такая – нельзя ли организовать что-то наподобие маяка? Чтобы попаданцев, если они вдруг сюда полезут, выносило не черт знает куда, а в строго определенное место. На какой-нибудь небольшой островок, например.

До этого я как-то не задумывался о такой возможности, но предложение майора мне

понравилось. Поэтому следующий день начался с разработки схемы, которая по заранее заданной программе будет менять напряженности магнитного и электрического полей, пересекающих малый шар. Мне же останется сидеть в своей московской квартире и смотреть, что оттуда увидит моя аппаратура.

Сказано – сделано, и вскоре были получены результаты, даже несколько превосходящие ожидания. Оказалось, что комбинация среднего и малого шаров как раз и является универсальным маяком. Более того, он мог просто метить определенное место! То есть после воздействия определенной комбинации полей шары можно было разъединить и убрать, и все равно еще восемь суток после этого я мог открывать туда микропереход из Москвы, пользуясь всего одним кристаллом. Правда, восемь суток – это немного. Но не так уж и мало, да и не факт, что у меня сразу получилось добиться максимально длительного последствия. Однако, ясное дело, пока придется исходить из уже полученного результата.

И когда настала пора очередного посещения Москвы, я не засел у аппаратуры, а взошел на борт «Мечты», после чего кораблик бодро побежал на северо-запад. До цели, острова Дил в мини-архипелаге Кент, было восемьдесят с небольшим километров, то есть три с половиной часа ходу.

Если бы не ограничение по срокам постановки маяка, я бы не поленился сплавить поближе к Антарктиде и пометить какой-нибудь из тамошних островов, но, учитывая, что маяк держится всего восемь суток, следовало использовать место поближе. Вот я и выбрал Дил, потому как уже присматривался к нему на предмет построить там дачу, где смогу спокойно пожить на склоне лет. Но пока и до склона, и тем более до спокойствия было как до Пекина раком, так что Дилу предстояло на время стать отстойником для попаданцев, если вдруг во время моего пребывания в двадцать первом веке здесь кто-нибудь разэкранирует еще один кристалл. С архипелага Кент просто так не выберешься, нужна хорошая лодка.

Правда, мне могут возразить, что от южной оконечности острова Дил до северной Флиндерса всего-то около шестидесяти километров! Такое расстояние можно при желании преодолеть даже на бревне, а уж тем более на плоту, связанном из нескольких бревен.

На что я смогу ответить только «милости просим». Потому как в Бассовом проливе почти всегда дуют западные ветры, причем иногда довольно сильные. Плюс течение в ту же сторону. Оно хоть и слабое, но плоту хватит. Унесет к фидам свинячьим в Новую Зеландию, к людоедам, как чуть не унесло наших тасманийцев, хоть они и собирались преодолеть пролив шириной всего в двенадцать километров, а их плот все же был малость помореходнее простой связки бревен.

Поначалу у меня мелькнула было мысль оставить на Диле нечто вроде ящика, подкинутого капитаном Немо робинзонам Таинственного острова, но я, даже не обращаясь за помощью к жабе, быстро придушил совершенно неуместный приступ человеколюбия. Мало ли кого к нам занесет, а такой подарок однозначно покажет, что где-то здесь есть люди из двадцать первого века – раз, и они в курсе насчет возможного появления гостей – два. Нет уж, пусть кукуют с тем, что догадаются захватить с собой. Просто так в наш мир никто не провалится, для этого нужны желание, способности и внутренняя готовность. В конце концов, сейчас тут конец лета, ни хищников, ни особо ядовитых змей на Диле нет, зато пресная вода есть аж в целых трех ручьях. В таких условиях несколько дней без особого ущерба для здоровья протянет даже оригинал, пустившийся в межмировое путешествие совершенно голым.

Глава 6

По возвращении с Дила я, как и собирался, вновь отправился в Москву. Кроме проведения мелких текущих закупок мне нужно было ответить на недавно пришедшее электронное письмо из заводской лаборатории, куда я отвез порезанный при помощи включения и выключения переходов кремний. А потом, не дожидаясь результатов встречи,

на которую меня в этом письме приглашали, озаботиться изготовлением всякой охранной электроники. Покупать готовую я не хотел, потому как это, во-первых, могло привлечь ненужное внимание. А во-вторых, специалисту по всякому взлому гораздо проще будет справиться именно с промышленной системой, потому как к ней есть описание, коды, программы и прочее, а к моим творениям, пусть по каким-то параметрам и менее совершенным, никакой документации нет и быть не может. В-третьих, мне не хотелось нарушать спокойного сна верной подруги – жабы.

Но сначала я сел к компу и настучал ответ. В нем сообщалось, что патентование моего способа получения сверхтонких кремниевых пластин только началось. И пока оно не кончилось, никакой информации об этом способе предоставлено не будет. Однако я готов производить пластины из материала заказчика, минимальная толщина – сорок микрон, максимальный диаметр – сто миллиметров.

Про цену пока не писалось ничего. Потому как тем мужикам, которые исследовали мои пластины, я бы их настрогал и бесплатно. И следовало выяснить, идут ли работы пока на их уровне или к проблеме уже подключился какой-нибудь эффективный менеджер из дирекции. Если нет, то обойдемся бартером: на заводе полно списанных, но пока еще не проданных на металлолом станков. Ну а в случае появления начальства цена будет прямо пропорциональна произведению стоимости начальственного автомобиля в рублях на ширину его отъезженной на деньгах простых работяг менеджерской хари – в миллиметрах.

Пока не пришел ответ, я настраивал на работе охранную аппаратуру, сказав шефу, что хочу подзаработать, ибо малость поиздержался на строительстве дачи. Тот был не против, потому как очередной аврал недавно сменился столь же очередным затишьем, так что не все сотрудники даже утруждались каждый день ходить на службу.

Ведь если в деле появится начальство, то, сообразив, какими деньгами тут может пахнуть, оно...

Я бы сказал, что потеряет совесть, если бы хоть на секунду допускал ее наличие у так называемой элиты. И значит, вполне возможны попытки надавить на меня с целью заставить поделиться, причем как положено: им – все, а мне – что останется. На этот случай у нас с дядей Мишей уже имелись достаточно проработанные планы, так что я не очень волновался.

Однако если подойти к проблеме философски, то нетрудно сделать вывод, что всякую вещь, в том числе и изобретение, можно не только отобрать, но и украсть. В силу чего я занялся изготовлением электронных систем охраны, потому как датчиков объема, движения и скрытой телекамеры, испокон веку стоявших в моем московском гараже, в новых условиях, скорее всего, окажется недостаточно, а на даче нет даже такой малости.

Три дня я занимался прикладной электроникой, утром и вечером открывая микропереход в Форпост и получая данные о скоростях времен, – пока все было штатно, там каждый раз проходило по две-три минуты. А утром в четверг мне пришел ответ с завода.

Из него следовало, что я недооценил ребят из лаборатории и малость переоценил мощь начальственного интеллекта. Все правильно, идеально порезанные моим способом пластины позволяли достичь весьма неординарных результатов, но, чтобы это оценить, надо знать как минимум физику полупроводников, а в идеале и много чего еще. Насколько я себе представлял, такое еще было возможно на уровне заводделом, а вот выше – уже не очень. Больно уж разные это дисциплины – перераспределение финансовых потоков и производство полупроводниковых приборов, и среди мастеров первого редко встречаются хорошо разбирающиеся во втором.

Пропуск мне оформили оперативно, и утром в пятницу после пятидесятиминутной поездки на электричке я был уже на проходной, которая находилась в трехстах метрах от станции. Вскоре явился сопровождающий, и через полчаса мы уже пили чай в мощном подвале-бомбоубежище, где располагалась лаборатория.

В процессе чаепития меня посвятили в некоторые тонкости. Про перспективы, открываемые моими пластинами, начальству уже доложили, но только про те, что можно было реализовать наверняка, а планы ребята пока оставили при себе. Более того, они сейчас

как раз писали докторскую диссертацию кому-то с самого верха. Причем даже не сказали, кому именно! Вот что значит оборонное предприятие – секретность тут на самом высоком уровне, не подкопаешься.

Поэтому сразу после чая мне был вручен уже подписанный наверху и снабженный необходимыми печатями договор, где мое ИП обязалось распустить заготовки заказчика на пятидесятимикронные полированные пластинки с параметрами, оговоренными в приложении, причем коэффициент использования материала не должен быть ниже сорока процентов, а завод – по выполнению работы оплатить ее списанными станками, перечисленными во втором приложении, и с доставкой. Что интересно, именно такую форму оплаты ребята выдали за свое достижение – мол, пришлось долго уговаривать этого Кулибина, то есть меня, чтобы я взял не деньгами, а который год валяющимися без дела железяками. Правда, во избежание проволочек водителю и грузчикам придется доплатить, но с этим я согласился, чуть не забыв спросить, сколько именно. Но все же не забыл, а для гарантии еще и записал услышанное карандашом на полях своего экземпляра договора, ибо от столь умеренной суммы жаба даже не подумала просыпаться, а в нашем тандеме расходные цифры обычно запоминала именно она.

Что же касается весьма высокого для обычных способов резки коэффициента использования в сорок процентов, меня он не волновал нисколько. У меня без проблем выходило девяносто пять, да и то потому, что заготовку нужно было за что-то держать. Сам же разрез получался бесконечно тонким.

Вернувшись домой, я, не откладывая дела в долгий ящик, за пару часов распустил полученные заготовки на пластины, половину из которых аккуратно упаковал для отправки, а оставшиеся свалил в коробку – авось пригодятся зачем-нибудь. Столь долго возиться пришлось потому, что пластины, предназначенные для завода, шли строго через одну. Мало ли, вдруг в лаборатории как-то пометили свои заготовки по длине? Тогда, если им отдать пластины, изготовленные подряд, они смогут получить совершенно ненужные сведения о ширине моего распила. Ну а сейчас, даже если это и так, ребята вычислят, что толщина примененного режущего инструмента – пятьдесят микрон. Тоже, конечно, довольно серьезная цифра, но все же не ноль. Потому как трое из тех, с кем мы пили чай, показались мне вполне приличными людьми, а вот четвертый вызвал какие-то смутные сомнения. Как-то у него глазки иногда начинали не очень хорошо бегать, так что подстраховаться не помешает, подумалось тогда мне.

А утром в субботу очередное измерение показало, что времена в Форпосте и Москве текут с одинаковой скоростью. Продолжалось это недолго, минут пять, так что я еле успел настроить комплекс-пеленгатор на основе двух шаров из добытых в Пайтити трех. Поэтому точность получилась очень умеренной – когда я перевел электрические параметры в координаты и совместил их с картой, получилось пятно, закрывающее всю Центральную Америку, половину Мексики и две трети Карибского моря. Но зато удалось зафиксировать, как шары начинают реагировать на снятие экранировки с их собрата, так что появилась надежда дополнить аппаратуру, находящуюся в Форпосте, как минимум автоматическим регистратором, определяющим начало и конец совмещения большого и среднего шара из тех, что пока находились неизвестно где.

В силу чего охранная сигнализация была отложена, и все выходные я паял и настраивал дополнительные блоки к своей аппаратуре. Вечером же в воскресенье в порядке развлечения решил посмотреть, как работает мой маяк на Диле, причем с точки зрения обычного индивидуума, не отягощенного аппаратурой с кристаллами.

Связавшись с шестнадцатым веком, я попросил Поля взять большой и средний шары, через три секунды после закрытия перехода соединить их и так держать минуту, после чего разъединить, прилепить к среднему маленький и ждать вестей от меня.

Три секунды там – это пятнадцать минут в Москве, за которые я выпил кофе, поудобнее устроился в кресле, прикрыл глаза и напряг зрительную память. Итак, как оно

было во время первого открытия микроперехода в океан рядом с островом Хендерсон, ныне именуемым Изначальным?

Форму импульсов я помнил отлично, и как именно мне пришлось слегка напрячься, чтобы изменить ее в нужную сторону, – тоже. Вот только сейчас и осциллограф, и генератор стояли выключенными, но это не помешало появлению маленькой дырочки на стене квартиры.

По ту сторону, точно как в первый раз, был океан, а впереди – пляж, сильно смахивающий на хендерсонский. Но только с первого взгляда, а потом сразу стало видно, что пальм тут нет, вместо них отдельно стоящие кусты, по мере удаления от берега сливающиеся в рощи. И здоровая гора, поросшая лесом, справа. Остров Дил! Северная бухта или восточная, не понять, с моря они довольно похожи. Пожалуй, все-таки восточная, потому что в северной ручей впадает в океан почти точно по центру, а здесь его еле видно справа, у подножия горы.

Тут портал закрылся – кончилась оговоренная с Полем минута.

Интересные дела, мысленно хмыкнул я. Представлял-то себе совершенно однозначно Хендерсон! А оказался на Диле, просто в похожем месте. Причем весьма отдаленно похожем, надо признать. Ну-ка, а если чуть усложнить условия эксперимента?

Включив аппаратуру, я связался с Форпостом и попросил Поля повторить предыдущие действия, только соединять шары не через три секунды, а через шесть.

Время понадобилось мне на поиск в компе фотографий, сделанных во время экскурсии по Магдебургу. Если кто помнит, я там повышал свой культурный уровень путем не только употребления пива, но и любования собором, построенным черт знает когда. Вроде экскурсовод что-то говорил про даты, но в памяти они не удержались. Однако в конце шестнадцатого века это сооружение уже всю стояло, причем довольно давно. Ага, вот хорошее фото – кусок стены, сложенной из крупных серых с рыжеватыми пятнами камней. Как сейчас помню – стоял я около древних булыжников, вполуха слушал жужжание экскурсовода и соображал – следующую банку пива доставать из сумки прямо сейчас или сначала выяснить, где тут поблизости туалет. Значит, вновь садимся в кресло, расслабляемся и представляем себе ту картину. Ведь нет на Диле никаких соборов и никогда не было! Интересно, получится ли сейчас открыть переход, и если да, то куда он приведет?

Портал открылся столь же легко, как и в предыдущий раз. Но теперь по ту сторону были не вода и песчаный берег, а кладка из крупных серо-рыжих камней. Неужели там Германия шестнадцатого века?

Через пару секунд я понял – нет. Это не кладка, просто нагромождение камней явно природного происхождения, сходство со стеной собора довольно относительное. Так, разворачиваем переход, и что мы там видим?

Пролив шириной примерно километр, а за ним – две поросшие лесом горы. То есть я вновь на Диле, только теперь в западной бухте.

Значит, мой маяк работает, и теперь можно не особо беспокоиться о неконтролируемом наплыве попаданцев, когда кто-то в Мексике или на Карибах опять прилепит средний шар к большому. Если они и будут, то все окажутся на гостеприимном острове Дил, а сколько их тут столпится – это уже зависит от того, как долго неведомый экспериментатор будет держать два шара слепленными. Он ведь может и вообще оставить их в таком виде, тогда все время, что я пребываю в двадцать первом веке, дорога в шестнадцатый будет открыта едва ли не для любого желающего.

Доделав дополнительные блоки к аппаратуре перехода, я вернулся на Манюнин остров, где испытал их уже в реальных условиях, с шарами. Вроде все работало, и теперь мы сможем фиксировать снятие экранировки с находящихся неизвестно где шаров не только во время путешествия в двадцать первый век.

Потом вновь пришлось перебраться на дачу, где я два дня подряд напичкивал тамошний гараж всякой охранной электроникой. А учитывая, что он стальной и изначально делался так, чтобы выдерживать значительные перепады давления внутри и снаружи, даже

просто взломать его будет не так уж легко.

В числе прочего, на самый крайний случай, там теперь был предусмотрен и блок ликвидации аппаратуры открытия переходов, снаряженный полутора килограммами аммонала. Не факт, что взрыв уничтожит кристалл, но даже если так, то у меня останется еще как минимум три – это если мы так и не сможем добыть тех, что пока находятся в руках испанцев, – ибо кто еще может складировать трофеи в Мексике или на Карибах. Но уж электроника в любом случае будет разнесена в пыль, а от одного кристалла толку будет мало, даже если его и найдут после взрыва.

Хотя, конечно, у меня в таком случае возникнут определенные трудности. Придется или объяснять компетентным органам, что это так замечательно рвануло в моем гараже, или появляться в будущем исключительно нелегально. Наиболее вероятно, будет выбран второй путь, но это, как уже говорилось, меры предосторожности на самый исключительный случай. Когда кто-то вскроет не только гараж, но и гораздо более прочный сейф в его углу, намертво приваренный к забитым глубоко в землю и забетонированным мощным стальным сваям.

Скорее всего, нам с дядей Мишей удастся вмешаться в самом начале процесса... с соответствующими неприятными последствиями для взломщиков.

Когда я уже собирался домой, то есть в Форпост, времена в мирах опять выравнялись. И пребывали в таком состоянии двадцать пять минут, пока я вместе с кристаллом не перебрался в свой особняк на берегу лагуны. А регистратор, подключенный к шарам, показал, что на одиннадцатой минуте выравнивания времен восемь секунд подряд был открыт еще один переход – на остров Дил. Плюс какие-то дополнительные искажения, которых я пока никак не мог идентифицировать.

Глава 7

У многих людей имеются странности, иначе называемые хобби. Например, коллекционирование, моделизм, путешествия на байдарках, игры на лоне природы в древних викингов, а то и вовсе в эльфов, орков или даже гоблинов пополам с гномами.

Александр Матрохин не был исключением из вышеописанного правила. Более того, он имел довольно редкое хобби – во всяком случае, собравшись по духу ему попадались исключительно в Интернете. Не только в Волжском, но и на другом берегу Волги, в Волгограде, их вроде не было.

Сашино хобби состояло в том, что он был в любой момент готов к провалу в какой-то иной мир. Каковое событие, если верить заповедным прилавкам книжных магазинов фантастическим романам, случается чуть ли не по несколько раз на дню. Разумеется, Александр вовсе не настолько рехнулся, чтобы принимать за истину то, что там написано, причем большей частью не только неинтересно, но еще и безграмотно. Вот только верить и быть готовым – разные вещи!

Поэтому Саша и прилагал некоторые усилия, чтобы быть готовым всегда, – его это поднимало в собственных глазах. Ну а в кличке Попаданец, которая явилась следствием не совсем обычного увлечения, он не видел ничего плохого, скорее даже наоборот.

По теории, провалиться куда-то можно двумя способами. Первый – это твой разум вселится в кого-то, или вовсе изгнав то, что имелось в мозгах донора раньше, или оставив от него только обрывочные знания местных обычаев и языка. Второй – путешествие происходит в собственном теле, причем, как правило, тело остается не только одетым, но и с тем небольшим количеством барахла, кое у него имелось в руках или в карманах.

Подготовка к первому варианту состояла в том, что у Саши было железное правило – каждый вечер как минимум полчаса читать. Но не фантастику или просто художественную литературу, а исключительно по теме. То есть инструкции по выживанию в самых различных условиях, способы кустарной выплавки меди и железа, изготовления луков, арбалетов и так далее.

Следующие полчаса полагалось проверять, насколько хорошо запомнилось прочитанное. В случае положительного результата – завтра можно переходить к следующей теме, отрицательного – вновь мусолить эту же.

Все это пригодится и при втором варианте, но тут играло роль еще и то, что именно окажется при человеке в момент провала. Поэтому Попаданец почти всегда имел при себе как минимум малый набор необходимых вещей, напиханных в большую борсетку.

Однако только с нею Саша ходил далеко не каждый день. Чаще всего он имел при себе еще и сумку со средним набором – не очень тяжелую, всего два с половиной кило весом. А иногда вместо сумки он тащил семикилограммовый рюкзак.

Вот и сейчас Александр шел к пляжу с рюкзаком за плечами – жара, а тут выдалось несколько свободных часов. Скорей бы дойти... пока не истек потом, чему в немалой степени способствует рюкзак.

Саша представил себе пляж, до которого было еще минут пятнадцать ходу. Получилось очень реалистично, он даже прикрыл глаза. Лицо приятно обдул порыв прохладного ветра, Александр улыбнулся... да так и застыл, забыв убрать улыбку с лица.

Впереди действительно был пляж. Но совершенно безлюдный, и находился он на берегу не Волги, а моря или океана. Александр обернулся – сзади две горы, покрытые лесом. В общем, особых сомнений тут нет, подумал молодой человек. Или я перегрелся на солнце, что маловероятно, потому как вчера, например, было даже немного жарче и ничего не случилось, да и вообще на здоровье до сих пор не приходилось жаловаться.

Или – действительно попал. Если так, то куда именно, хотелось бы знать? Но какой же я молодец! Ведь поначалу хотел ограничиться только сумкой со средним набором, однако все же пересилил себя и взял рюкзак.

Дальнейшие действия протекали по много раз обдуманному плану. Итак, коли сразу после переноса не видно не только непосредственной, но и вообще никакой опасности для жизни, следует получить те сведения об окружающем мире, которые требуют минимальных усилий.

Попаданец глянул на компас, вмонтированный в ремешок часов, потом достал из рюкзака еще один, побольше и жидкостный. Так, на севере – вода, с остальных трех сторон – суша. А солнце, хоть и стоит довольно высоко, но все же видно, что оно смещено в сторону океана, то есть на север. Вывод – финиш попадания находится или на Земле в южном полушарии, или на землеподобной планете с аналогичной ориентацией и напряженностью магнитного поля.

Затем Саша отрезал от ближайшего куста полутораметровую прямую палку и воткнул ее в землю. Так себе земля, кстати, светлая глина пополам с песком, то есть конкретно в этом месте с сельским хозяйством будет не очень. Но пока требовалось только заметить время – восемнадцать тридцать две – и зафиксировать положение тени от палки. Время суток тут явно не совпадало с волгоградским – судя по положению солнца, было никак не больше одиннадцати часов утра.

Все это отняло меньше минуты, после чего Александр занялся вооружением. Первым делом он достал из рюкзака большой нож – результат доработки кухонного свинореза – и повесил его на ремень справа. Затем извлек еще один, поменьше. Этот изначально был сделан так, что его нетрудно было прикрепить к древку, – все-таки во многих случаях копье будет куда предпочтительней ножа. Опять подошел к кустам, на этот раз с целью выбрать палку под древко. Что, кстати, это за растение? Какой-то хвойный куст высотой метра три с половиной – четыре, иголки как у сосны, ветки сравнительно прямые, гибкие и довольно прочные, но при этом членистые, как у хвоща или бамбука.

Попаданец напряг память, пытаясь вспомнить, что он читал про флору южного полушария. Казуарина? Очень похоже на то. Тогда ему повезло – она растет только в Австралии и на некоторых островах Океании, а там практически нет опасных для человека хищников, в отличие от той же Африки или Южной Америки. Это, конечно, справедливо только в том случае, если его выкинуло на достаточно схожую с Землей планету, однако

пока нет оснований подозревать обратное.

Часть мыслей тем временем текла как-то сама собой, независимо от географических факторов. Черт возьми, они же с Наташей завтра собирались сходить на ролевую игру! Она ведь ими увлекается, у нее есть постоянная роль, какая-то эльфийка. Как же ее, кстати, в этой ипостаси зовут – вроде Голодристэль? Нет, кажется, все-таки немного по-другому, хоть и очень похоже. Но теперь, ясное дело, ролевая игра накрылась медным тазом, и все дальнейшие встречи, на которые Саша возлагал определенные надежды, тоже.

Стало немного грустно.

Хватит, одернул себя Попаданец, не об этом сейчас надо думать. В конце концов, Наташи приходят и уходят, а путешествие в иной мир выпадает всего раз в жизни, да и то далеко не всякому. Что у нас будет следующим пунктом программы?

Первым делом закончить изготовление копья. Затем осмотреться, для чего надо подняться на ближайшую гору. Не очень высокая, всего двести метров, и лес довольно редкий, так что особой трудности это не представит. А позволить себе вздохнуть об оставшейся где-то там Земле со всеми ее прелестями можно только после того, как будет сделано все первоочередное здесь.

Александр надел рюкзак – не оставлять же его на месте попадания, мало ли кому он покажется интересным – и зашагал по песчаному склону на юго-восток.

До вершины ближайшей горы, а точнее, покрытого невысоким лесом холма, пришлось идти чуть больше полукилометра, но только последняя треть пути представляла собой какую-то трудность. Да и то весьма относительную, так что через полчаса Саша закончил восхождение, снял рюкзак и огляделся. Итак, он на острове. Не очень большом, до его южной оконечности не больше пяти километров. Береговая линия изрезанная, образует по крайней мере три бухты с пляжами, не считая той, у которой произошло попадание. Возможно, их больше, просто южную часть острова закрывает гора несколько выше той, на которую он взобрался.

На западе – еще один остров, отделенный проливом примерно километровой ширины. Или даже два, соединенных узкой перемычкой. Небольших: каждый из них раза в три меньше Сашиного. Кстати, а не назвать ли его как-нибудь? По праву первооткрывателя, потому как ни малейших следов присутствия человека в пределах видимости не наблюдается. И никакой другой земли во всех направлениях – тоже.

Вскоре большой остров стал островом Попадания, а малые приобрели имена Ближний и Дальний, потому как тот, который севернее, был действительно немного поближе своего собрата.

Бухты Саша решил назвать по сторонам света. Та, на пляж которой его выбросило, стала Северной. Дальше по часовой стрелке шли Северо-Восточная и Восточная. Как уже говорилось, юг острова с горы не просматривался, так что тамошние бухты, если они есть, пока обойдутся без названий.

И, наконец, Западная бухта, выходящая в пролив. С горы она показалась Саше самым удобным местом для устройства лагеря, однако перед принятием решения, разумеется, туда надо будет сходить. Но это потом, пока следует вернуться к шесту и посмотреть, куда переместилась его тень.

Кстати, какое тут сейчас время года? Судя по траве, среди которой часто попадалась сухая, и отсутствию цветов – либо конец лета, либо начало осени. Климат явно не тропический – ни одной пальмы на глаза не попало. Лес состоял из уже определенной казуарины и небольших деревьев, которые Попаданец отнес к эвкалиптам, что тоже указывало на Австралию.

Спускаясь к Северной бухте, Саша издали увидел, что вокруг его шеста суетится какой-то серый зверек размером примерно с зайца. Но близко он человека не подпустил, быстро упрыгав в кусты на мощных задних лапах и лишь изредка касаясь земли маленькими передними.

Пока путешественник ходил на вершину холма и обратно, тень от шеста заметно

укоротилась. Саша присел рядом и, достав из рюкзака пластиковую фляжку с водой и шоколадку, приступил к обеду, а заодно и ожиданию астрономического полдня, после которого тень вновь начнет удлиняться.

Оное событие наступило минут через сорок, при этом высота солнца над горизонтом составляла от шестидесяти одного до шестидесяти трех градусов. Для точного определения широты нужно было знать еще и дату, но Саша и так уже довольно ясно представлял, где именно он оказался. Если, конечно, это Земля или малоотличимая от нее планета.

Австралийская флора, зверь, похожий на кенгуру, климатический пояс где-то между субтропическим и умеренным плюс отсутствие земли по крайней мере на тридцать километров в любую сторону – все это однозначно указывает на пролив между Австралией и Тасманией. Как он называется, Саша сразу припомнить не смог, но в том, что там есть порядка десятка островов самых разных размеров, он был уверен. Вот, значит, на один из них его и выкинуло. Причем не похоже, что это наше время: приемник в рюкзаке был хоть и маленький, но чувствительный, однако ни в одном из диапазонов не обнаружилось ничего, хоть отдаленно напоминающего передачу. Итак, это или прошлое, причем достаточно далекое, или вовсе Земля без человечества. Как вариант – достаточно далекое будущее, в котором оно уже давно исчезло.

Однако раз уж решено устраивать лагерь где-то у Западной бухты, значит, пора туда идти, подумал Саша, аккуратно свернув обертку от шоколадки и засунув ее в рюкзак. В обозримом будущем он не сможет позволить себе выбрасывать хоть что-то, привнесенное сюда из родного мира.

Попаданец шел не спеша, внимательно осматриваясь вокруг, поэтому путь занял час с минутами, хотя при желании его можно было преодолеть раза в два быстрее. Сначала он пролегал вдоль русла ручья, впадающего в Северную бухту, затем по невысокому перевалу с торчащими из камней редкими, кривыми и невысокими эвкалиптами, а после него – вдоль уже другого ручья, поменьше. Этот, как Саша разглядел с холма, впадал в Западную бухту.

Место для лагеря нашлось довольно быстро – там, где ручей сначала разливался почти на метр в ширину, а потом низвергался маленьким водопадиком примерно с полуметровой высоты. До бухты оставалось метров шестьдесят по горизонтали и порядка пятнадцати по вертикали.

Саша прошел вверх и вниз по ручью с целью определить, до какого состояния тот может разливаться – например, в случае многодневных проливных дождей. Но даже по предельно пессимистичным прикидкам получалось, что выбранную Сашей площадку не зальет. С другой стороны, она вовсе не была самым высоким местом в округе, и значит, можно было не особо опасаться молний.

Из рюкзака был извлечен отрез три на три метра легкой, прочной и непромокаемой палаточной ткани «оксфорд» с подвернутыми и прошитыми краями, к тому же через каждые полметра снабженными дюралевыми люверсами. При необходимости он мог быть плащом, тентом, даже парусом для небольшой лодки, а сейчас ему предстояло стать палаткой, колья для установки которой предоставит ближайший куст казуарины.

Из него получились не только колья, но и пара неплохих удилищ, потому как следующим пунктом Сашиной программы было спуститься к бухте и посмотреть – кто, как и на что там клюет. Но перед этим он решил развести костер, благо метрах в двадцати торчало небольшое засохшее дерево, которое так и просилось на дрова.

Сказано – сделано. Спичек Попаданец тратить не стал, хоть их и было достаточно в карманах рюкзака – как простых, так и охотничьих, причем герметично упакованных. И это не считая неприкосновенного запаса в борсетке. Кроме них на всякий случай имелся кремьен с кресалом, сделанным из грубого напильника, но сейчас солнце стояло достаточно высоко, и для добывания огня было использовано увеличительное стекло.

Клевало неплохо, и минут через сорок Саша вернулся к лагерю, имея при себе три рыбины вроде селедок и одну похожую на бычка, но только здоровенную, почти на

килограмм. Теперь их следовало почистить, а потом пожарить на палочках наподобие шашлыка. Потом можно будет как-то разнообразить свое меню, соорудив, например, коптильню, но пока сойдет и так.

После ужина Попаданец решил культурно отдохнуть, для чего из рюкзака была извлечена... портативная тепловая электростанция. На истории ее появления там, пожалуй, стоит остановиться подробнее.

В самом начале своего увлечения Александр задумался – что будет с современным человеком, если ему вдруг придется провести какое-то – а возможно и немалое – время в одиночестве. Мало ли куда можно провалиться! Ведь прототип Робинзона Крузо, матрос Селькирк, чуть не рехнулся на своем острове! Причем некоторые утверждают, что на самом деле обошлось безо всяких «чуть».

Для проверки Саша как-то раз потратил почти весь отпуск (учительский, между прочим, это вам не стандартные две недели), робинзона на небольшом островке в дельте Волги. По результатам чего вынужден был признать, что временами там действительно было на редкость скучно. И вскоре содержимое рюкзака пополнилось недорогим планшетным компьютером «Самсунг» с семидюймовым экраном. Но это было еще полдела – ведь оставалось еще решить вопрос с питанием.

Поначалу Попаданец, немного разбирающийся в электронике, попробовал использовать для зарядки аккумуляторов планшета ручную динамку от светодиодного фонаря, но эта затея потерпела полное фиаско. Тогда пришлось обратиться за помощью через Интернет, и вскоре какой-то электронщик из Москвы подкинул Саше замечательную идею, а потом пару раз помогал советами по мере ее реализации. Результатом стало появление в рюкзаке той самой электростанции.

Она представляла собой пятимиллиметровую медную пластину размером семьдесят пять на двести пятьдесят с четырьмя резьбовыми отверстиями по краям, куда можно было ввинтить ножки. На одном краю короткой пластинкой той же толщины к длинной пластине были прижаты двенадцативольтовые элементы Пельтье. Рядом был укреплен небольшой термометр. Для преобразования выхода в потребный для планшета вид устройство имело простенький стабилизатор на трех транзисторах.

Оставалось только сунуть пустой конец длинной пластины в костер, а на маленькую пластинку поставить алюминиевую кружку с холодной водой. Пока она не нагреется, термоэлемент будет выдавать ток – в такой конструкции не полный, а всего ампера полтора, но для подзарядки планшета этого более чем достаточно.

Но не наливать же в кружку воды каждые пять минут! Из этих соображений ближе к ее верхнему краю было проделано две дырки, в которые Саша сейчас вкрутил латунные штуцеры от старой газовой плиты. На один надел шланг, опустив свободный конец в ручей выше водопада.

Вскоре кружка наполнилась, из второго штуцера потихоньку потекла вода, и загорелся светодиод, сигнализирующий, что электростанция вышла на режим. Теперь надо было только иногда поглядывать на термометр, чтобы температура горячей грани термоэлемента не превысила сто пятьдесят градусов, и тогда он прослужит очень и очень долго.

Наступал первый на новом месте вечер. Солнце уже скрылось за горой на Дальнем острове, но было еще светло. Саша достал из рюкзака банку пива. Оно, разумеется, не входило в попаданческий большой набор, но ведь поход-то был на пляж! А там то же самое пиво стоило почти вдвое дороже, чем в магазинчике у дома.

На экране планшета тем временем пошли титры старого фильма «Сеньор Робинзон». Несмотря на допотопность, дурацкий сюжет и лезущую из всех щелей малобюджетность, Александру почему-то нравилась эта незамысловатая комедия.

Глава 8

Мы не кинулись на Дил в то же утро, когда я вернулся на Манюнин остров и

расшифровал содержимое памяти регистратора. Ибо, как не устал повторять дядя Миша своему воинству, поспешность нужна только при ловле блох, и я с ним в этом был совершенно согласен. В конце концов, переход был открыт всего восемь секунд, то есть большой толпы там собраться никак не могло. Скорее всего, на Диле кукует один человек. Может, два, если перед попаданием они шли рядом. Три – это уже маловероятно, а больше – практически невозможно. Так что мы не стали ускорять планового техобслуживания «Мечты», на котором она стояла, а двинулись в путь через день утром.

«Мечта» подошла не к Дилу, а к острову Эрис, причем обогнув его с запада по широкой дуге, и встала на якорь в единственной бухте, расположенной на северо-западной оконечности. Место высадки было выбрано так, что его не представлялось возможным увидеть ни с какой точки Дила. На берег сошли мы с дядей Мишей и четверо его солдат.

До вершины холма, выбранной под наблюдательный пункт, идти пришлось примерно километр. Мы залегли среди растущих на ней редких кустов, вооружились биноклями и приступили к осмотру Дила, который с этой точки был виден больше чем наполовину.

Долго напрягать зрение не пришлось – палатка стояла чуть ли не на самом видном месте неподалеку от западной бухты. Как раз там я, исследуя остров на предмет посмотреть, где тут со временем можно будет построить дачу, собирался разбить огород. Дом, правда, хотел поставить повыше, на таком мини-поскогорье, потому что оттуда открывался значительно более красивый вид, а поднять воду на двадцать метров нетрудно, потребуется совсем недорогой насос. Ну а пришелец выбрал место у ручья, что в его положении вполне объяснимо.

– Действуем по второму варианту, – предложил дядя Миша, отрываясь от бинокля. Я кивнул.

Примерно через час от южной оконечности острова Дувр отчалила надувная лодка с подвесным мотором. Перед этим ей пришлось незаметно, прячась за камнями, перебраться к соседнему с Эрисом острову, потому как вся его восточная часть отлично просматривалась из бухты с палаткой. А еще полчаса спустя лодка уже была в юго-западной бухте Дила – самой неудобной из всех, имеющихся на нем. Но зато точки и старта, и финиша не попадали в зону обзора от палатки, а идти до нее было около семисот метров.

Утро третьего дня на острове началось для Попаданца как обычно – то есть с рыбной ловли, после чего он, как и в предыдущие дни, собирался продолжить исследование острова, а заодно присмотреть место, где удобнее всего будет рубить местные карликовые эвкалипты для постройки более капитального жилища, чем кусок палаточной ткани, хоть и с названием «оксфорд».

План действий на ближайшее время у Саши в общих чертах уже сложился. Ему удалось уточнить, что здесь сейчас самое начало осени, то есть примерно первые числа марта. Значит, на постройку дома отводится не больше двух месяцев, чтобы он был готов к зиме.

Саша решил не рисковать и не высаживать никаких овощей – все-таки семян у него было не бесконечное количество. И не хотелось проверять, переживут капуста с картошкой здешнюю зиму или погибнут.

Зато зима, надо думать, будет самым подходящим временем для заготовки древесины. Хоть она тут и не как в России, но все же деревья, наверное, малость убавят жизненной активности, и в них будет меньше соков, то есть их не придется потом долго сушить. Жить же на острове без всякой возможности его покинуть Саша считал просто неприличным, так что после постройки дома он собирался приступить к созданию корабля. Какого – будет зависеть от того, насколько подходящие деревья удастся найти на острове.

Но в этот день, в отличие от двух предыдущих, планам Попаданца не суждено было осуществиться. Ибо, только поднявшись по склону, он увидел, что с другой стороны, отдуваясь и вытирая платком пот с лысины, на площадку выбирается какой-то толстый пожилой дядька в потрепанной одежке – типичный небогатый дачник.

– Доброе утро, молодой человек! – не выказывая никакого особого удивления, приветствовал Сашу пришелец. – Вы, похоже, тоже попали? Причем, судя по вашему виду, совсем недавно. В общем, я вас приветствую.

– Взаимно, – чуть приподнял камуфлированную шляпу Попаданец. – Позвольте представиться – Александр Матрохин, город Волжский. А вы, наверное, коллега, только с несколько большим стажем?

– Михаил Владимирович Анисимов, деревенька Раково Тверской области, – представился в ответ дядька. – Дача у меня там была. Хотя что это я «была» – она там и сейчас есть. И точно, я сюда попал существенно раньше вас. Хотите – расскажу, но только давайте присядем, больно уж у вас тут горки крутые, тяжеловато в моем возрасте по таким лазить.

Слушая потом запись беседы дяди Миши с гостем из города Волжского, я восхищался. Майор ухитрился, ни разу не соврав даже в мелочах, так описать историю своего появления в этом мире, что она практически ничем не напоминала реальную, случившуюся на моих глазах и с моей же помощью.

По рассказу получалось, что ничего не подозревающий скромный военный пенсионер только-только загрузил было свою «ниву», чтобы следующим утром ехать на рыбалку, как вдруг перенесся на остров, да к тому же еще и населенный аборигенами. Но они оказались очень приличными и доброжелательными людьми и радушно приняли пришельца из будущего.

Дальше майор вкратце описал наши свершения на нивах строительства и сельского хозяйства, а также колонизации близлежащих островов. Вот, мол, он и решил сплавить на лежащий несколько в стороне Дил, чтобы посмотреть, каков он при ближайшем рассмотрении. После чего Александр был зван в гости на Флиндерс – это означало, что, по мнению дяди Миши, парню в принципе можно доверять.

Кстати, на вопрос о профессии тот ответил: учитель. А потом уточнил, что немецкого языка, а в последний год вел еще и физкультуру, два часа в неделю.

– Замечательно-то как! – восхитился дядя Миша. – А то ведь, честно говоря, кой-какой педагогический опыт у меня есть, но он довольно специфический и не всегда подходит. Учить же здесь надо много кого и чему, так что не будете ли вы, Александр, столь любезны помочь?

Тот согласился, сказав, что ему приходилось вести уроки и в младших классах, и, закусив рыбой Сашиного приготовления, недавние знакомцы отправились в юго-западную бухту, к лодке, чтобы, не откладывая дела в долгий ящик, сегодня же посетить Флиндерс. Причем Саша полностью собрал свой попаданческий рюкзак, не оставив на месте даже палатки. На замечание дяди Миши, что тут вроде не воруют, он возразил:

– Мало ли, а вдруг по дороге начнется какой-нибудь шторм и нас унесет черт знает куда? Нет уж, лучше собраться заранее, тем более что это совсем не трудно.

Ветра почти не было, волн тоже, и лодка могла развивать до двадцати пяти километров в час. В общем, через два с небольшим часа пути впереди показался берег со входом в лагуну, на другом конце которой стоял город Форпост. «Мечта» все это время шла километрах в восемнадцати сзади, чтобы, с одной стороны, не обнаруживать себя, но, если понадобится, быстро прийти на помощь.

По прибытии в Форпост дядя Миша, сплавив гостя доктору Зябликову на предмет проверить, не болен ли он, например, гриппом, еще раз связался с «Мечтой» и подтвердил, что парень ему понравился. Такому уже сейчас можно рассказать довольно много, а малость присмотревшись – и все. Ну что же, подумал я, оно было бы очень неплохо. Потому как до сих пор у меня не было заместителя по одному из важнейших вопросов – созданию переходов в будущее и обратно. Как некоторые могут помнить, для этого мало иметь кристаллы. Аппаратуры тоже недостаточно, сама она ничего не открывает. Нужны еще и врожденные способности, которые могут усиливаться от частой практики.

Так вот, у моих соратников со способностями было просто никак. Ни дядя Миша, ни

Женя, ни Поль не могли открыть даже самой маленькой дырочки, сколько ни старались. Я тестировал даже Ханю с Тимом, но результат получился аналогичным. А тут вдруг появляется гость, который совершенно точно умеет открывать переходы! Он явно стоит того, чтобы присмотреться к нему повнимательней.

Вечером я уже принимал Сашу Попаданца в библиотеке своего особняка. И довольно быстро выяснилось, что мы, оказывается, заочно знакомы.

Думаю, многие слышали слово «конверсия». В наших условиях оно означает экономическую теорию, согласно которой танковые заводы надо заставить выпускать даже не трактора – их и так много, – а ломы с топорами. Авиационные перевести на выпуск титановых лопат и дюралевых мисок, судостроительные озаботить изготовлением ножиц для подрезания кустов и лестниц-стремянков. Вот когда это будет сделано, наступит всеобщее благоденствие и небывалый расцвет экономики!

Я по молодости не застал самого расцвета этой вакханалии вредительства, когда была разрушена большая часть оборонной промышленности, оставшейся от СССР, – мне про нее рассказывал отец. Но и во время моей трудовой биографии тоже иногда случались рецидивы – видимо, кому-то казалось, что наша оборонка еще дышит и поэтому ее надо окончательно добить. Вот, значит, во время одного такого нам в отдел было спущено указание – срочно разработать товар народного потребления, укладывающийся в основную тематику. Шеф, недолго думая, поручил это дело мне.

Собственно, мысли у меня были – один мой знакомый турист жаловался на трудности с электроснабжением в походах. Поначалу я вспомнил детство и удивился – а на кой хрен оно там вообще нужно? Но меня, темноту, просветили, что сейчас люди берут с собой джиписы, фотоаппараты, читалки, планшетники, и, если поход предполагается достаточно длительным, на все это хозяйство не напасешься батареек.

– Может, использовать солнечные модули? – задумался я, но ненадолго, только до знакомства с их параметрами. То есть это были прекрасные и не такие уж дорогие вещи, но, например, двадцатипятиваттный имел размер сорок сантиметров на полметра и весил три кило. При этом вовсе не отличался запредельной прочностью, так что для использования в походах его еще надо было во что-то упаковать.

В общем, солнечные батареи годились не так чтобы очень, и я сел изобретать.

Результатом через месяц стала приставка на модулях Пельтье к бензиновому примусу «Шмель». Примус с ней мог ничуть не хуже готовить пищу, но при этом он еще и вырабатывал электричество – те самые двадцать пять ватт. Весила моя электростанция всего четыреста граммов, по объему составляла пятую часть от примуса и при этом была уж всяко прочнее солнечной батареи.

Опытный образец без нареканий прошел испытания в байдарочном походе какой-то там неслабой категории сложности, но, пока суть да дело, приступ маразма в верхах иссяк, и тема была втихую похерена. Что лично мне пошло только на пользу, потому как в порядке халтуры туристы заказали еще четыре штуки, причем не жадничая с оплатой.

А тут вдруг на одном электронном форуме, куда я иногда заходил, образовался какой-то парень из провинции с похожей задачей. Но только у него еще и с деньгами было не так чтобы уж очень хорошо, поэтому он, кроме всего прочего, хотел, чтобы комплектующие генератора были подешевле.

В принципе задача была вполне решаемой – дело в том, что в своей примусной электростанции я использовал специальные генераторные модули. В отличие от бытовых, предназначенных для кондиционеров и холодильников, они допускали температуру горячей поверхности не сто пятьдесят градусов, а триста, в силу чего были гораздо эффективнее именно для выработки электроэнергии. Но при этом, естественно, стоили немножко других денег.

И я посоветовал парню взять именно бытовые, а для повышения эффективности использовать водяное охлаждение. Кроме того, специально для него был разработан

контроллер.

Дело в том, что приемлемый КПД термоэлементы дают в очень узком диапазоне токов и напряжений, да он еще здорово зависит от температуры. В приставке для примуса я, не мудрствуя, сделал контроллер на меге-шестнадцатой, и он нормально работал, но сейчас такое решение не годилось. Не из-за цены – по сравнению с термоэлементами большинство микропроцессоров стоят копейки, а из-за, так сказать, производственных возможностей. То есть парень разбирался в электронике на уровне сельского радиолюбителя, коим он и являлся.

И вот тут я сделал одну из немногих разработок, которой, без всяких преувеличений, можно было гордиться. Тот самый контроллер, но всего на трех транзисторах и с десятком прочих элементов! Работал он, конечно, похуже микропроцессорного, да к тому же требовал внешнего контроля температуры, но все это окупалось совершенно выдающейся примитивностью. Заказчик был в восторге, он даже звал меня в гости, обещая какую-то ну просто офигительную рыбалку на Ахтубе.

Так вот, выяснилось, что этим заказчиком и был наш гость – Саша Матрохин, он же Попаданец.

Я с интересом посмотрел на воплощение своих идей – закопченную длинную медяшку и сравнительно чистую короткую, укрепленную с одной стороны длинной. Между ними можно было рассмотреть модули Пельтье, а электронный блок прилагался отдельно, засунутый в аккуратно сделанную герметичную коробочку из стеклотекстолита.

– Часто приходилось смотреть на термометр и менять положение пластины? – поинтересовался я.

– Да не очень – где-то примерно раз в час. А вы здесь что, не используете таких устройств?

Действительно, подумалось мне, а не упущение ли это? Да, генераторы на термоэлементах хоть как-то эффективны только на небольших мощностях, а даже на средних уже можно придумать что-нибудь получше. Правильно, но у нас есть область применения именно единиц ватт – освещение домов!

Разумеется, оно везде было светодиодным, причем светильники набирались из большого количества маломощных, но дешевых. Не только из-за жабы, хотя подруга, разумеется, тоже приняла посильное участие в обсуждении проектов электрификации, но и по другим соображениям. Среди мощных светодиодов преобладают имеющие температуру излучения порядка пяти тысяч градусов Кельвина, а это не самый приятный для глаза спектр. Он хорош для фонарей, но в быту лучше что-нибудь не столь резкое. Найти же маломощные светодиоды с температурой три тысячи никакой проблемы не представляет.

Так вот, светильники питались от автомобильного аккумулятора. Когда он садился, жители дома волокли его на зарядную станцию, получая взамен такой же, только уже заряженный, который соседи притащили раньше. Но ведь в любом доме есть буржуйка, и зимой она топится каждый день! Да и летом на ней иногда что-нибудь готовят. Значит, надо навесить на печки такие устройства, только с более совершенной электроникой, и аккумуляторы будут спокойно стоять на месте, не подвергаясь лишнему перетаскиванию. Тем более что один уже ухитрился уронить, причем прямо на ногу.

Вообще, конечно, Попаданец был весьма интересным человеком, а в его рюкзаке содержалось много оригинальных приспособлений и инструментов, про которые мне хотелось разузнать поподробнее, но у него тоже нашлись свои вопросы. Первым, судя по всему, он задал тот, что показался самым главным.

– Так вы, значит, попали не раз и навсегда, а с самого начала имели возможность ходить туда-сюда? – поинтересовался гость. – Тогда у вас должна быть какая-то достаточно важная цель. Не расскажете, какая именно?

А что, подумалось мне, это можно. Потому как есть известный алгоритм – если сам не можешь в чем-нибудь разобраться, возмись объяснить проблему кому-то еще. Причем тут

просматривается сразу два выигрышных варианта.

Или рассказчик сам наконец хоть как-то разберется, где тут зарыта собака.

Или он по-прежнему останется в неведении, но его собеседник, вникнув в объяснения, что-то поймет и потом поделится своим пониманием.

Глава 9

Самое интересное, что гость действительно творчески подошел к вопросу «что делать?». Он внимательно выслушал мой, скажем прямо, не блещущий ораторским мастерством рассказ о том, что только на островах я увидел нормальное человеческое сообщество, в котором интересы народа имеют совершенно однозначный приоритет над личными, но в силу внешних причин обреченное исчезнуть и уступить место тому, что мы видим в двадцать первом веке. То есть мало того, что там явное превалирование интересов личности над общественными, но ведь еще и не абы какой личности, а только самой гнусной – которая с положением, деньгами и связями. Кстати, ее интересы могут совпадать с общенародными только в совсем мелких вопросах, да и то в порядке исключения. А устремления лиц без денег и положения вообще никого, кроме них самих, не интересуют, хотя часто именно они хотят того, что действительно нужно обществу в целом. И вот, значит, увидев ростки иного общественного устройства, я решил приложить все силы, чтобы не допустить их увядания.

– Интересно, – почесал в затылке Попаданец, – выходит, хочешь взять за образец муравейник? Где у каждой отдельной особи никаких личных интересов вообще нет. А как же быть с утверждением, что свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех?

– Нормальное утверждение, только надо помнить, что это не только не единственное, но и не самое главное условие. Насчет муравьев – вполне приличные существа. Живут уже сотни миллионов лет, и ничего. А человечество за куда более короткие сроки изгадило среду обитания так, что теперь даже на сто лет вперед могут загадывать только самые отмороженные оптимисты. Но все-таки муравьи – это не идеал. Они не развиваются именно из-за отсутствия индивидуальности у каждого члена муравейника. Из столь бедного набора комплектующих приличной системы не получается. Тут важно не переборщить, и все. Вот я, например, как организм, состою из множества разновидностей клеток. Но что будет, если не все они, а хотя бы процентов пять вдруг задумаются о свободах и желании жить так, как им хочется? Сдохнут, такую ситуацию в медицине называют раком. И дуры-клетки, кстати, тоже склеят ласты вместе со мной или совсем ненадолго позже. Так вот, мне кажется, что в двадцать первом веке человечество не просто больно, а пребывает уже в неоперабельной стадии.

– Ну... – без особого энтузиазма протянул Саша. – Что-то в этом, может, и есть. Но лично меня волнует другое. Ты уже знаешь, что у меня за хобби, но оно довольно редкое. Однако есть много людей, которые стараются подготовиться не к провалу в иные миры, а к глобальной катастрофе в своем. У них это называется Большой Песец, или просто БП. Они мне довольно близки, и поэтому вот что я подумал. Ведь песцы бывают разные, и если придет действительно большой, да еще и полный, то там не получится отсидеться даже в самом глубоком бункере, а тем более без него. Но зато можно будет эвакуировать хоть кого-то сюда! Вот над подготовкой условий для этого я готов работать на голом энтузиазме и со всем прилежанием. Правда, хотелось бы перед этим заскочить домой, но если нельзя, то ладно, переживу.

Идея Попаданца нормально соответствовала тому, что мы и так делали, тут у меня возражений не возникло. Но вот насчет заскочить домой...

Разумеется, никакого труда захватить его в Москву или на дачу не составляло, но такой путь мне не очень нравился. Ведь если кто заинтересуется перемещениями Матрохина, без труда сможет раскопать, что тот вдруг с самолетной скоростью, но без предъявления

документов, за один вечер перебрался из Волжского в Москву! Откуда потом вернулся на поезде, самолетом или еще как-нибудь. В принципе это не криминал, но я вообще старался не давать властям ни малейших зацепок относительно реального положения дел. И Саша, между прочим, в этом был со мной полностью согласен. На вопрос – что, по его мнению, будет, если сведения о возможности путешествий в прошлое достигнут властных структур, он без тени сомнений ответил:

– Третья мировая война.

– Думаешь, наши зажмут, а американцы возмутятся?

– Нет, наши попытаются это дело продать. Разумеется, по дешевке, но империю добра возмутит сам факт. Открыт прекрасный новый мир, и при чем тут какие-то русские? А совсем утереться, отойти в сторонку и не мешать серьезным людям делать деньги слуги народа не смогут: жадность не позволит.

– Ты так говоришь, словно это будет первый случай, когда интересы нашей элиты вступят в противоречие с интересами их верхушки. И раньше такое случалось, по-моему. Правда, там наверняка шла речь о меньших суммах, чем светят при освоении нового мира, – возразил я.

В принципе ответ на мою реплику у меня уже был, но хотелось послушать, что по этому поводу думает Попаданец. Выяснилось, что абсолютно ничего оптимистического.

– Во-первых, деньги там светят не просто большие, а ни с чем вообще не сравнимые, – сказал он. – Во-вторых, кроме денег, в новом мире можно получить власть, причем практически неограниченную и над всей Землей. Это тоже очень сильный стимул – кому-то он покажется даже серьезней денег. И наконец, в-третьих, именно то, что делает полномасштабную ядерную войну неизбежной: безнаказанность. Сейчас вряд ли кто решится на первый удар, потому как у всех причастных к принятию такого рода решений хоть есть личные противоатомные бункеры, но выживание в них все равно не гарантируется. А уж уровень комфорта вообще упадет ниже плинтуса – туда же толпу слуг не затащишь, придется обходиться хорошо если десятком, вилл на морском берегу там тоже нет, со свежей черной икрой возникнут трудности, ну и так далее. Поэтому мы пока и живем, а вовсе не потому, что кого-то там наверху пугают миллиардные жертвы. Но ведь с открытием дороги в новый мир все эти ограничения исчезнут! Здесь можно организовать не только все то, что было там, но и многое сверх того. Так что песенка «Каждому, каждому в лучшее верится. Падает, падает ядерный фугас!» – она в этом случае окажется глубоко реалистической, причем сразу.

Попаданец помолчал, а потом негромко добавил:

– Хоть и понимаю, что ересь это несусветная, но все же мне тут уже пару раз приходила вот такая мысль. Жалко, нет у тебя такой кнопки, на которую нажал – и весь тот мир аннигилировал. Или дезинтегрировал, что ли. Или даже просто взорвался на хрен, чтобы одна пыль осталась! На тот случай, если избежать утечки сведений все же не удастся и они дойдут до властей. Потому как в этом варианте, сколь ни дико оно звучит, такой исход для всего населения той Земли будет все равно гуманней, чем всеобщая катастрофа. Но зато этот мир останется как есть. Я бы на такую кнопку сам нажал, причем, разумеется, находясь там, а не здесь.

Офигеть и не встать, подумалось мне. Он ведь, похоже, серьезно! Вон как смотрит внимательно – а вдруг у меня действительно есть такая возможность или я по крайней мере представляю, как ее реализовать? Ну и учителя же у нас встречаются, однако! Гуманисты, блин, куда нам с дядей Мишей до них. И ведь я даже не задумывался о таком варианте вовсе не потому, что считал его неисполнимым! Вполне возможно, что кристаллы способны и на такое, тем более с появившимися незнамо откуда золотистыми шарами. Но мне ведь не приходила в голову даже сама идея! Интересно, это оттого, что предложенный Матрохиным вариант противен человеческой сущности, или просто потому, что я дурак? Надо будет, пожалуй, посоветоваться сначала с дядей Мишей, а потом, если получится, с Полем. Правда, тут есть хоть и небольшой, но все-таки риск...

Они, конечно, могут сказать что-нибудь умное, но не только. Просто если хотя бы один из них решит, что на такие темы нельзя даже думать, есть отличная от нуля вероятность, согласно которой я совершенно незаметно для себя окажусь на том свете. Зато если оба признают подобный вариант допустимым хотя бы на уровне абстрактного обсуждения, можно будет прикинуть, насколько это вообще возможно. Пожалуй, рискну, а Попаданца пора отправлять спать, пока он тут еще чего-нибудь не наговорил.

Впрочем, оставшись наедине после беседы с гостем из Волжского, я довольно быстро сообразил, что предложенный им выход – далеко не единственный. Все правильно, гильотина – самое радикальное средство от головной боли. Но ведь та же кувалда, строго говоря, даст аналогичный эффект, однако ее преимущество в том, что совершенное воздействие не обязательно будет необратимым. То есть при достаточной квалификации оператора ею можно так дать в лоб, что человек отрубится и у него ничего не будет болеть, но при этом со временем пациент все-таки оживет. Со временем... эврика! Коли искать, то не способ тотального уничтожения, а возможность увеличения разницы скоростей протекания времен! Например, когда ее удастся увеличить в тысячу раз, то получается уже вполне приемлемая картина. Даже если предположить, что информация об этом мире сразу попадет на самый верх и ей там мгновенно поверят, то все равно до первого ядерного взрыва пройдет как минимум сутки, а у нас это будет... ага, лет четыреста или даже чуть больше. Если за такое время наши потомки не смогут ничего придумать, то тут уже ничем не поможешь.

Я попытался настроиться на проблему. Вообще-то у меня это получалось хоть и не всегда, но довольно часто. В таком случае интуиция, никак не объясняя почему, подсказывала мне, в каком направлении следует искать решение.

В этот раз она тоже не заставила себя ждать, и где-то к часу ночи у меня сложилось мнение, что если требуемое и возможно, то для получения результата нужны все три комплекта шаров, а не один, как у меня.

Утром я рассказал о беседе и последовавших за ней размышлениях дяде Мише.

– Да не бери ты в голову! – отреагировал майор. – Это я про Попаданца. Молодой он еще, двадцати пяти нет, вот и лезет в голову всякая радикальная хрень. А тут еще перенос с пляжа на Дил, это по-любому немалый шок, хоть парень старается казаться спокойным. Я, кстати, в его годы тоже был порядочным дурнем. Жениться ему пора и детей заводить, тогда, глядишь, и поумнеет. А насчет ядерной войны – вполне вероятный сценарий. Причем, что паршиво, даже в том случае, если разжиться возможностью открыть переход сюда не выйдет ни у одной из сторон, но хоть одна будет уверена, что у другой она есть.

– А тут-то почему?

– Представь себя на месте того, кто дергает за ниточки американского президента. Или нашего, разницы никакой. Итак, тебе положили на стол убедительные доказательства возможности открытия межмировых переходов. Ты, конечно, тут же ставишь себя на место оппонента и получаешь вот какую картину. Пора колонизировать тот мир, строить там властную вертикаль или укреплять демократию, опять же дворцы себе и виллы челяди, но ведь этот гад из-за океана может помешать! Шваркну-ка я туда всеми мегатоннами, что есть, пусть ему и без меня найдется чем заняться, а моим планам это никак не помешает.

– Да, но на самом-то деле у него нет никакой возможности открыть переход!

– Но оппонент этого не знает. И вполне может принять решение о превентивном ядерном ударе, во избежание. Если же оба будут уверены, что противник владеет секретом открытия переходов, вероятность конфликта удваивается. Так что действительно неплохо было бы научиться как-то управлять соотношением времен. И независимо от этого – усилить бдительность, сколь ни дико это для тебя может звучать. Например, я категорически против того, чтобы Попаданец возвращался домой на поезде. Если не получится открыть переход в Волжский, вези его туда из Москвы на машине.

– Да как же оно может получиться, если там нет кристалла, а я даже отдаленно не

представляю себе точку финиша!

– Зато он прекрасно представляет – вот и посмотри, как этот Саша покажет себя в качестве оператора перехода. Но спешить не надо, пусть поживет тут еще недельки две – так и быть, задержусь я у вас в Форпосте и повнимательнее присмотрюсь к парню. И этот его пунктик насчет попаданства, из-за которого он даже на пляж таскается с рюкзаком, а на уроки – с полной железяк борсеткой, очень кстати. Если случайно проговорится, подумают, что он слегка поехал крышей от своего хобби, и все. В общем, я с ним познакомлюсь поближе. Но потом – домой, меня жена и дочка заждались!

– Само собой, – согласился я, – туда даже можно будет выделить один кристалл, так что в случае чего вы сможете быстро оказаться и здесь, и в Москве.

– Может, лучше снабдить им Рекоху, чтобы облегчить переселение?

– Не надо его облегчать, – поморщился я. – Поль и так отбирал лучших, но все равно примерно половина вообще не может ничему толком научиться! До сих пор об печки обжигаются. И тракторов боятся, и циркулярки, не говоря уж про бензопилу. А у нас чисто физически нет возможности возиться с каждым. Пусть лучше те переселенцы, у коих есть хоть какая-то перспектива, ее реализуют и не только перестанут нуждаться в постоянном понукании, но сами смогут помочь нам в этом процессе. Вот тогда и расширим иммиграцию, а пока рано. Ты же это сам видишь, потому, наверное, и предложил Матрохину заняться педагогией.

– Ну как-то так, – кивнул дядя Миша, – хотя в основном мне хотелось посмотреть – интеллигент он или все же не совсем.

Я уже успел заметить, что слово «интеллигенция» было для майора если и не однозначно ругательным, то где-то близко к этому. Никакого положительного смысла он тут, похоже, не усматривал, а сейчас и вовсе решил уточнить:

– Интеллигент – это который, про что ни спроси, все знает, но ни хрена не может, кроме как языком молотить. Правильно их в свое время в «Кратком курсе» обозвали прослойкой.

– Согласно последним теориям, – решил уточнить я, – бывшую прослойку принято считать классом. Уже и устоявшееся название появилось – «креативный класс».

– Во! – поднял палец дядя Миша. – Наверняка умный человек придумывал! Потому что если это название, как и положено, сократить, то получится два «К». Произносится – «кака». Она самая и есть, тут я целиком согласен с Владимиром Ильичом.

У меня же на этот счет имелось несколько иное мнение. Если, как это изначально делалось, проводить разделение на классы по отношению к собственности на средства производства, то этих самых классов получается всего два. Потому как собственность сейчас есть у всех, исключая разве что совсем опустившихся бомжей. Но для одних основой их благополучия является владение своей собственностью – это, условно говоря, народ. А для других – распоряжение чужой. Это правящая элита – ну и примкнувшие к ней бандиты, которых правильнее будет рассматривать просто как кандидатов в элиту. И отличие России от тех же Штатов, например, только в том, что у нас кандидатский срок совсем коротенький, а процедура приема в действительные члены упрощена до предела. Впрочем, сто с небольшим лет назад и в Америке было то же самое.

– В общем, договорились, – кивнул я. – Иду к аппаратуре – продолжать смотреть, на что еще могут быть способны шары.

Но перед этим надо будет, пожалуй, внести небольшую поправку в чертежи корабликов, строящихся по образцу того, что соорудил на Рекоху Поль. Пока все они помещались на двух тетрадных листах и были насквозь эскизными, но первый экземпляр уже практически готов, и по результатам его испытаний будет создана рабочая документация. Которой пора присвоить какое-то иное название. Потому что имеющееся – «каботажный катамаран» – в свете последних лингвистических озарений дяди Миши смотрится как-то не очень.

Глава 10

Утром я пригласил Попаданца на завтрак. Меня интересовал вопрос, который мы как-то не успели поднять вчера, а именно – чего еще интересного, кроме тепловой электростанции, можно найти в его рюкзаке. Например, не может быть, чтобы там не оказалось оружия!

– Действительно, не может, и оно там есть, – согласился Саша. – Впрочем, и в борсетке тоже имеется несколько полезных вещей, но в ней, кроме двух метательных ножей, полуфабрикаты, а в рюкзаке есть и готовые изделия. Кстати, ты же обещал дать пострелять из «глока» и из нагана? Вот после чая давай и сходим туда, где у вас стреляют.

Сказано – сделано, тем более что стрельбище находилось в трех минутах ходьбы от моего дома. И всех остальных тоже, понятное дело. Я специально расположил его так близко, чтобы вновь прибывшие сразу начинали учиться не бояться грохота выстрелов. У некоторых это действительно получилось быстро, но, к сожалению, не у всех.

Попаданец пошел со своим рюкзаком. На огневой позиции он поставил его на землю и выразил желание для начала посмотреть, как буду стрелять я.

Первый рубеж находился в десяти метрах. Я выпустил три пули из нагана, продемонстрировав попадания в семерку, пятерку и тройку. Попаданец усмехнулся, порылся в своем рюкзаке и достал оттуда нечто. Поначалу я даже не смог определить, что это такое, однако потом сообразил – рогатка. Но, блин, до чего же навороченная! В охотничьем магазине я мельком видел подобную, но она там была все-таки заметно меньше и проще.

Тут же передо мной было настоящее произведение искусства, причем явно самодельное.

Рукоятка напоминала пистолетную, причем скорее спортивную, а не примитив, как, например, у ТТ. Но имелся еще и выдвижной упор на запястье. Резинка – или как оно может называться у столь мощной даже на вид хреновины – оказалась сплетена из трех довольно толстых жгутов разного цвета. Крепилась она к заковыристой формы стальным рожкам – они походили на знак доллара.

Попаданец стал в позицию, вытянул правую руку с рогаткой, левой взялся за кожаную блямбу посредине резинки. Затем выстрелил три раза, причем даже быстрее, чем я из нагана самовзводом. Ей-богу, я не видел, как он вкладывал туда шарики или что там у него было! У меня создалось полное впечатление, что он только оттягивал резинку и спускал ее. Оказалось, что Саша стрелял не только быстрее, но и точнее меня – десять и две девятки. Причем пятимиллиметровую фанеру, на которую были наклеены мишени, рогаточные снаряды пробили ничуть не хуже нагановских пуль – во всяком случае, края дырок получились столь же аккуратными.

Следующие мишени располагались в двадцати пяти метрах. Я сменил оружие, взяв «глок»: из нагана на таком расстоянии попасть в мишень можно было только случайно.

Бах! Бах! Бах!

Теперь, чтобы как следует рассмотреть мишень, потребовался бинокль. Единица, двойка и пятерка – а что, очень даже неплохо.

Вжик! Вжик! Вжик!

Опять беру бинокль. Да-а, блин...

Попаданец выбил девять, шесть и пять. И даже с такой дистанции его оружие легко дырявило фанеру. Причем я вновь не смог углядеть, когда же и как он ухитряется совать в рогатку новые шарики. Или она у него какая-нибудь автоматическая и самозарядная?

И, наконец, последнее упражнение для пистолета – грудная мишень на расстоянии пятидесяти метров. Я попал в нее со второго раза.

Теперь Попаданец все-таки полез в карман рюкзака и достал оттуда что-то вроде очень короткой стрелки – или, наоборот, очень длинной пули с оперением. Просунул ее хвост сквозь отверстие в коже, натянул резинки и выстрелил. Фьють! – и грудная мишень приобрела дырку практически точно в центре отростка, изображающего голову.

М-да...

У меня, собственно, после такой демонстрации оставался всего один вопрос – и на кой хрен, спрашивается, я в свое время геморроился с переделкой сигнального нагана в боевой? Когда ничуть не худшего результата, оказывается, можно было достичь и более простыми методами.

Однако вскоре оказалось, что все же нет. Попаданец, по его словам, увлекался стрельбой из рогатки с двенадцати лет, оттого сейчас и демонстрировал столь выдающиеся результаты. Я попробовал и убедился, что тренировка действительно необходима. У меня и натянуть-то толком его могучую резину не вышло, хотя жаловаться на хилость до сих пор вроде не приходилось, а уж попасть во что-нибудь меньше сарая было и вовсе проблематично. То есть мой наган все-таки имел два преимущества – из него было куда проще научиться стрелять, и, кроме того, на малых дистанциях он все-таки обладал куда большей пробивной способностью. Но, естественно, никакого сравнения с «глоком» он не выдерживал.

После стрельб Саша показал мне, откуда брались боеприпасы на первых двух упражнениях. Оказывается, в рукоятке имелся двенадцатизарядный подпружиненный магазин, который при нажатии на спусковой крючок выбрасывал очередной шарик, и в принципе его можно было поймать в самом начале взвода тетивы. Я попробовал, но получилось не так чтобы очень. Мало того что шарик улетел, так еще и резинка сорвалась, больно хлопнув по руке.

– Ничего, полгода тренировок всего минут по пятнадцать в день – и будешь ловить их не глядя, – обнадежил Попаданец, после чего продемонстрировал еще одну функцию своей чудо-рогатки. Оказалось, что она, ко всему прочему, снабжена и довольно мощным лазером, то есть термогенератор был нужен не только для зарядки аккумуляторов планшета.

– Зачем? – удивился я. – Неужели это помогает целиться?

– Во-первых, да, а во-вторых, лазером можно кого-нибудь ослепить.

Потом парень немного просветил меня насчет оружейного законодательства. По его словам, я совершенно зря считал, что стартовый револьвер в том виде, как его продавали, безупречен с точки зрения Уголовного кодекса.

– В инструкции о проведении экспертиз написано, что для признания оружия огнестрельным эксперт должен выстрелить из него не менее двух раз, используя либо стандартные боеприпасы, либо проходящие по одному делу с исследуемым образцом. Значит, если кроме нагана у тебя при обыске обнаружили бы еще порох и свечка, то эксперт просто насыпал бы того пороха в каморы, потом капнул туда стеарином, потому что пыж не пойдет, он застрянет в ствольной перегородке. И можно спокойно стрелять все семь раз подряд, засовывая в ствол спереди хоть шарики от подшипника, хоть просто камешки подходящего размера.

– Но ведь в каморы не обязательно набивать именно порох, сера от спичек тоже сойдет!

– Все правильно, наличие спичек у владельца сигнального револьвера уже может подвести его под статью. Чему тут удивляться – у нас половина статей составлена так, что сажать по ним можно любого. Не веришь – почитай налоговое законодательство. Впрочем, с оружием у властей особая паранойя.

– Боятся, что применят против них, – кивнул я.

– Не сказал бы, – покачал головой Саша. – Ведь если присмотреться, то у нас довольно либеральный закон об оружии. В Америке, например, тебе ничего похожего на «Сайгу-12» или «Вепря» в большинстве штатов не продадут – потому как они там считаются штурмовыми ружьями. И похоже, это не случайно. Ведь все случаи применения оружия – это или оборона, или нападение. Охота – это в основном частный случай нападения, только на зверей, вот и все. Так вот, планируя на кого-нибудь напасть, человек заранее знает, когда и как он применит свой ствол. То есть его устроит и такой, который нельзя хранить или носить в готовом к стрельбе виде. Оборона же – наоборот, тут никогда не знаешь, в какой момент вдруг понадобится стрелять, и требуется нечто небольшое, но всегда готовое к бою.

И у нас достаточно свободно продается именно оружие нападения. А пригодное для обороны – под строжайшим запретом. Тут, как мне кажется, все просто. Спокон веку раб не имел права защищаться сам! Он мог только пожаловаться хозяину. Вот власть и показывает нам наше место. Кстати, и драконовские строгости в вопросах самообороны из того же ряда. Убьешь грабителя – почти стопроцентно сядешь. Ибо нефиг, у тебя для этого хозяин есть! Он и защитит, если будет настроение, а сам не моги.

Я слушал Попаданца с большим интересом. И не потому, что он изрекал какие-то откровения, хоть я и не знал раньше о порядке проведения экспертизы на огнестрельность. Какая разница, за что меня когда-то там могли посадить в случае чего! Теперь-то есть гораздо более весомые причины, но зато сильно повысилась трудоемкость самого процесса. Но сейчас меня заинтересовало другое.

Итак, переход может открыть далеко не всякий. Как говорил Виктор Семенович, нужны врожденные качества и особый душевный настрой. И если с первым все ясно, что дело это темное и непредсказуемое, то с настроением что-то начинает проясняться. Похоже, тут надо, чтобы человек не считал свой мир лучшим из возможных! Вот как Попаданец, например. Или я. А Женя, когда трезвый, неплохо себя чувствовал и в России, и в Штатах, его только по пьяни пробивало на критику. Хм, надо будет попробовать еще раз проверить нашего доктора на предмет способностей, но перед этим слегка подпоив.

Жалко, если это действительно так, подумалось мне. Потому как скоро придется вновь ненадолго выравнивать скорости протекания времен, это нужно для очередного эксперимента. И значит, на Диле могут появиться новые гости. Но если я прав, то ни губернаторов, ни депутатов, ни просто олигархов среди них не будет: им и у себя хорошо. А как было бы замечательно – вышел этаким барин к морю из своего дворца, прикрыл глаза от самодовольства, а открыл их уже на берегу Тихого океана. И остался там потихоньку созреть для задушевной беседы. Увы – похоже, нам не следует ждать милостей от природы. Ничего, мы не только помним, но и умеем творчески применять заветы Ивана Владимировича Мичурина.

Однако то, что мне продемонстрировал Попаданец, наводило на определенные мысли. Похоже, он сможет принести немалую пользу не только в роли учителя. Боец из него выйдет тоже очень неплохой – почему-то у меня не возникало сомнений, что в случае чего парень без колебаний применит свои убойные таланты на практике. А ведь нам, возможно, скоро предстоит совершать какие-то действия по приобретению болтающихся где-то не то в Мексике, не то на Карибах оставшихся двух кристаллов. Причем вполне возможно, что эти самые действия будут насильственными.

Решив подойти к вопросу издалека, я поинтересовался, как Саша относится к испанцам.

– Здешним, то есть образца конца шестнадцатого века? – уточнил Попаданец. – С большим уважением. Прямо-таки по Лермонтову: «Да, были люди в наше время!..» Мизерными силами, с очень небольшим преимуществом в вооружении они смогли при жизни всего полутора поколений покорить огромные пространства. Англосаксам для этого потребовалось куда больше времени. Да и результаты получились принципиально разными – в Северной Америке местное население было практически уничтожено, причем довольно подлыми методами вроде зараженных оспой одеял, подаренных индейцам. А в Южной оно перемешалось с завоевателями.

Помолчав, Саша поинтересовался:

– А что, у вас планируется небольшая войнушка именно с испанцами? Вроде здесь в это время должны подвизаться в основном голландцы. Тоже те еще сволочи, едва ли не хуже англичан. Но это не так важно, в случае чего можешь на меня рассчитывать. Пистолетов мне действительно держать в руках почти не приходилось, но из мелкашки, например, я стреляю неплохо. Из охотничьих ружей тоже доводилось. Опять же историческим фехтованием немного увлекаюсь. Кстати, у вас тут сабли есть? А то я с собой не взял – рюкзак не резиновый.

– Откуда? Но кузница есть, вон она дымит. Надеюсь, сам сделать сможешь? Отлично.

Заодно и наших ребят подучишь, а то они пока освоили только производство ножей, да и то довольно хреновых. Рядом с кузницей – сарай, я туда потихоньку сваливаю всякий металлолом. Автомобильных рессор там хватает. В общем, глянь, ты наверняка хоть что-то знаешь в этой области.

Через десять дней народ начал потихоньку расползаться из Форпоста. Сначала мы отправили в двадцать первый век Попаданца, причем это получилось хоть и не с первой попытки, но зато сразу в Волжский, в кусты неподалеку от пляжа. Саша действительно смог открыть переход при помощи моей аппаратуры. И не один.

Сначала я долго пытался ему объяснить, как надо одним глазом смотреть на экран осциллографа, а другим представлять себе место, куда хочешь попасть. И где-то минут через сорок, когда надежда уже почти исчезла, у Саши что-то получилось. Ма-аленькая такая дырочка миллиметров двух в диаметре – и это при идеально работающей аппаратуре! У меня так в свое время сразу образовалась существенно большая, хотя электроника тогда была куда примитивней.

Но все-таки переход открылся, и теперь я тоже мог подключиться к процессу. Результатом моих усилий стало увеличение диаметра окна раз в двадцать. Я уже собрался с силами для следующего рывка, но вовремя опомнился.

Ибо пейзаж по ту сторону перехода если и напоминал пляж, то только одной деталью – обнаженной девушкой, стоящей спиной к нам. Судя по ее мокрому виду и полотенцу в руках, она только что вышла из ванной. В комнату. На вид очень даже ничего, особенно то, что просматривалось в нижней части сектора обзора...

Давления в обоих мирах сейчас были почти одинаковыми, но все-таки у нас чуть побольше, так что из дырки, наверное, подуло – девушка начала оборачиваться. Я быстро щелкнул тумблером, несмотря на то что мне хотелось взглянуть на нашу визави еще и спереди. Перевел взгляд на Попаданца – он сидел красный, как монтажный патрон мощностью четыреста пятьдесят джоулей.

– Нам точно надо было именно туда? – на всякий случай поинтересовался я. – Если да, то давай, что ли, какой-нибудь букет нарвем – мы же воспитанные люди.

– Н-нет, нам на пляж, а это как-то случайно получилось... к одной моей знакомой...

– Так ты тогда и думай про тот пляж, а не про знакомых! Прямо сейчас будем снова пробовать или чуть позже? Я бы советовал немного обождать. Пообедать, например, да и потом тут уже несколько дам на тебя вполне определенно заглядывались. Если хочешь, могу показать, каких именно, тогда тебя после общения с ними точно не потянет куда не надо. Мечтать будешь об уединенном месте, где вообще никого нет!

Ближе к вечеру мы попробовали еще раз, причем Попаданец так и не осчастливил своим благосклонным вниманием женщин Форпоста, оставив это на будущее. Канал у него получился практически сразу – и в те самые кусты, куда задумывалось. Правда, и тут не обошлось без небольшой накладки: на момент открытия там в позе горного орла сидел какой-то мужик и звучно тужился. Пришлось сворачивать дырку до миллиметрового диаметра и ждать, пока он закончит свои дела и уйдет. На это потребовалось минут пять, после чего переход был расширен до нескольких сантиметров. Потом в двадцать первый век был пропихнут контейнер с аппаратурой, и вскоре Попаданец шагнул в расширившийся до приемлемых размеров переход. Поднял с земли шест, кинул его мне, помахал рукой и осторожно двинулся вперед, стараясь не вляпаться в густо засеявшие кусты «мины». Я вырубил генераторы.

Следующим вечером домой отправился дядя Миша. Сейчас мне потребовалось всего две итерации почти без паузы между ними – похоже, сказывалась практика, да и дежурные на Изначальном теперь несли службу как положено. В общем, майор перебрался в свой двор, придерживая под локоток нашего гостя из Пайтити Чана. Потому что этот жрец не пойми какого бога дичился и, похоже, подозревал всех, кроме дяди Миши, в намерениях

немедленно начать его пытаться с целью узнать, где там спрятано золото. Ничего, пусть поживет в тропическом раю на берегу океана, поработает на огороде или где там еще требуются рабочие руки...

Трудотерапия – великое дело, она и не таким помогала.

Глава 11

В далеком детстве я еще самым краешком застал те времена, когда в телевизоре регулярно рассказывали про центнеры с гектара. По словам отца, и в газетах часто встречались они же, но я их по малолетству не читал. А когда научился, гектары и центнеры кончились. На их месте буйно расцвели сплошные ужасы сталинизма и прелести демократии, которую нам предстояло построить. По телевизору же шла стрельба с мордобоем, а в перерывах – истошные рекламные завывания всяких хопров и властилин. Впрочем, я этот ящик, как уже говорилось, почти не смотрел.

И вот тридцать лет спустя мне вновь пришлось окунуться в описание урожаев с площадей. Правда, мы их мерили не в гектарах, а в сотках, так пошло еще с Изначального острова, где этим самым гектарам было просто неоткуда взяться. И конечный продукт измерялся не в килограммах, центнерах или тоннах, а в литрах.

Итак, что мы имеем по итогам уборочной кампании?

Пшеница – четыре с половиной литра с сотки. Мало! Правда, Женя говорит, что пшеничный спирт получается наилучшего качества. Может быть, но так ли оно нам нужно? Пить, говорят, вообще вредно для организма, а двигателям на вкусовые качества наплевать.

Картошка – четыре литра да плюс еще повышенные трудозатраты на подготовку производства. Нет, это не годится, ее в будущем году будем сажать немного, только на питание.

Сахарная свекла – пять с половиной литров при минимальной трудоемкости. Все бы хорошо, но дядя Миша утверждал, что она быстро вырождается, и через несколько сезонов сахара в ней станет существенно меньше. Однако пока – очень приличный результат. Жаль, что здесь не растет сахарный тростник, – ему все-таки нужен климат потеплее.

И, наконец, царица полей, она же кукуруза. Почти восемь литров с сотки! Глядя на эти цифры, я поневоле чувствовал себя каким-то Хрущевым. А ведь она дала еще прорву ботвы, или как там называются эти стебли, которые мы просто свалили в компостные ямы. То есть явно надо расширять посевы, но не чревато ли оно тем, что для потомков «кукурузник» – это будет не самолет, а некто Коля Мещерский, он же Ник-ау? Не хотелось бы войти в историю именно таким образом.

Правда, в соседней тетрадке можно увидеть и более привлекательные цифры. Рапс – семнадцать литров с сотки, а подсолнечник – и вовсе почти тридцать! Но это другие литры – дизельные. Однако надо учесть, что из подсолнечного масла биодизель приготовить немного труднее, и он получается несколько хуже качеством. Кроме того, подсолнухи можно сажать только в защищенном от ветров месте, а рапс – где угодно. В общем, пока, наверное, будем продолжать выращивать обе эти культуры.

А под спирт, никуда не денешься, придется разводить кукурузу. Свиной, что ли, опять привезти, чтобы они жрали отходы производства? Так ведь не факт, что будут, да и не очень они нам пока нужны.

При нашем мизерном населении и непуганых кенгуру вокруг три охотника, не напрягаясь, легко обеспечивают потребное количество мяса. Вот когда счет народа пойдет на тысячи, действительно придется озаботиться развитием животноводства. А сейчас – рано, тем более что им и заниматься-то некому.

К текущей осени у нас сложилось следующее разделение руководящего труда.

Я был кем-то вроде президента, но не сказать, что это отнимало много времени или сил. А на мне еще висела и почти вся промышленность, а также вопросы дальнейшего исследования свойств кристаллов. В общем, выходило, что я кто-то вроде президента

Академии наук, а по совместительству и просто президент.

Женю вполне можно было считать министром не только здравоохранения, но и самогонной промышленности – он знал массу тонкостей приготовления браги и успешно применял их на практике. Однако изготовлением биодизеля заниматься не желал, это мне пришлось взять на себя.

Дядя Миша – он, понятно, был у нас министром обороны и сельского хозяйства. А Поль – заместителем абсолютно всех должностных лиц да плюс еще кем-то наподобие директора иммиграционного бюро.

Кроме того, я надеялся на скорое возвращение Попаданца, чтобы тут же спихнуть ему вопросы образования и культуры. Потому как даже с первым у нас было не так хорошо, как хотелось бы, а насчет второй составляющей, то есть культуры, я не мог сказать вообще ничего. Хотя вроде пора. Ввести, что ли, какой-нибудь критерий? Типа сколько и каких книг человеку надо прочесть, чтобы в отношении его уже можно было говорить про культуру. Или хотя бы про интеллигентность – слово-то вроде неплохое, и не мешает наполнить его новым смыслом. Правда, с выбором у нас, прямо скажем, не ахти, но надо же с чего-то начинать! Итак, сколько томов про Незнайку должен прочесть абориген, чтобы получить высокое звание интеллигента, – один, два или все три?

Введем градации, а заодно и обозначающие их значки, решил я, чуть подумав. Пусть прочитавший только первый том получит звание интеллигента третьего ранга. Тогда у него будет стимул заняться вторым томом, про Солнечный город, чтобы получить более красивый значок интеллигента второго ранга. А осиливший еще и «Незнайку на Луне» – ясное дело, приобретет первый ранг. После чего уже сможет приступить к детской энциклопедии, чтобы стать не только интеллигентом, но еще и образованным человеком.

Пожалуй, этим займется Ханя – вот она-то уж точно прочла все три книги, потому что недавно спрашивала, есть ли у них продолжение. Но не одна, пусть наберет еще пару человек, а сама будет председателем... ну, например, квалификационной комиссии.

Да что же это за хрень, в некоторой растерянности подумал я. Чего ни возмись обозвать, вместо аббревиатуры получается «кака»! Ладно, пусть это будет не комиссия, а департамент – заодно люди и выучат еще одно красивое слово.

Вскоре я вновь оказался в Москве, потому как для модернизации аппаратуры управления кристаллами требовалось не просто посетить работу, а и достаточно долго там посидеть. В силу чего я прибыл в институт в половине девятого. Работать было одно удовольствие – шеф в отпуске, сотрудники кто где, но только не на рабочем месте, так что до обеда в лаборатории вообще никого, кроме меня, не было. Институтские коридоры тоже не поражали многолюдностью. Собственно, мне там встретился всего один сотрудник, да и тот писатель – я про него уже рассказывал. Причем в девять утра – и чего это его понесло на работу в такую рань? Наверное, у человека творческий кризис, решил я. И как потом выяснилось, ошибся. Потому что опять встретил его же, но уже в восемь вечера. Причем он, похоже, ждал меня, но не знал, с чего начать разговор. Решив помочь, я поинтересовался:

– У вас что, какая-то срочная работа? В это время все ваши уже обычно расходятся.

– Нет, – вздохнул писатель, – просто на улице сейчас очень жарко, а у меня окна на южную сторону и нет кондиционера, дома просто невозможно находиться. А здесь прохладно, вот я и не тороплюсь.

Я смотрел на собеседника в некоторой растерянности. Ведь на складе полно элементов Пельтье, а тема по ним уже закрыта, так что они никому не нужны и выдадут их без всяких вопросов. Возьми сколько надо, зажми меж двух радиаторов, присобачь к ним по вентилятору – и все, кондиционер готов! Подавай на него двенадцать вольт и наслаждайся прохладой хоть до посинения. Или он не знает даже таких вещей и хочет, чтобы я его проконсультировал?

Но, как оказалось, его интересовали более возвышенные вещи. Человек начал писать новую книгу, причем он почему-то не хотел повторять уже набивших оскомину сюжетных

ходов. Его герой должен был перенестись в какой-то иной мир, но стандартные способы писателя не устраивали – хотелось чего-то оригинального.

– А какие пути считаются стандартными? – поинтересовался я.

– Умер и воскрес где-то там – раз. Напился до пороссячьего визга, а потом пришел не в себя, а в кого-то другого и в другом мире – два. Получил по башке – три. Вот вроде и все. Но хотелось бы чего-то более оригинального, и желательно связанного с техникой.

– Пусть ваш герой заберется в торсионный генератор, – предложил я, – а какой-нибудь урод в это время включит питание.

– Извиняюсь, а этот генератор... он большой?

– Огромный! В общем, размер можете задавать любой, потому как наличие торсионных полей до сих пор не доказано, в силу чего соответствующих генераторов просто нет. А куда, если не секрет, собирается попасть ваш герой?

– О, я придумал особый мир, в котором живут исключительно вомпергеи.

– Простите, кто?

– Ну, вампиры нетрадиционной ориентации. Читатели такого еще не видели!

Мне стало как-то немного неуютно. Это что же, я хоть и косвенно, но все же способствую тому, что теперь они это увидят? Кошмар. Пора идти к себе, пока у собеседника не появилась какая-нибудь новая идея.

Домой я поехал в десятом часу. Дороги были свободны – похоже, в это время чуть ли не половина москвичей куда-то разъехалась. Но все же у Беляева обнаружился небольшой затор. Вскоре я увидел его причину – вставшую посреди дороги «Нексию». Водитель тщетно пытался оттолкнуть ее к обочине, но пока получалось не очень. Я притер свою «девятку» неподалеку, подошел, предложил помощь, и вдвоем мы довольно быстро подкатали детище узбекско-корейского автопрома к бордюру. Пока шел процесс, было не до взаимных разглядываний, но потом, переведя дух, водитель «Нексии» присмотрелся ко мне и не очень уверенно предположил:

– Коля?

Я его тоже узнал. Вовка... да как же его фамилия... кажется, Бобунский. Мы с ним учились вместе с девятого по десятый класс и даже немного приятельствовали. И жил он тогда где-то рядом. Значит, просто так бросать его у бордюра не следует.

– Да, это я, давно не виделись. Что с твоей тачкой?

– Не знаю, я в них не очень разбираюсь. Сначала поехала какими-то рывками, а потом и вовсе встала.

– Могу глянуть, – предложил я.

Для диагностики хватило неполных трех минут – потому как без бензина машины, мягко говоря, действительно ездят очень плохо, а он у Вовы кончился. Стрелка указателя при этом стояла в положении «четверть бака». Я отсоединил провод, чтобы проверить, кто виноват – поплавков в баке или показометр. Стрелка не шелохнулась, то есть ее там просто закусало.

В общем, я достал из своего багажника канистру, плеснул несколько литров, завел машину и сообщил:

– У тебя сдох указатель уровня топлива. Не знаю, как он у «Нексии» меняется, – отдельно или вместе со всей приборной панелью. В общем, можешь ехать.

– Да ты просто волшебник! Ну, спасибо тебе, так спасибо. А то я уже начинал соображать, как дожить до полочки после вызова эвакуатора. Слушай, а ты живешь все там же? И я тоже. Может, зайдешь ко мне? Жена с дочерью на даче, самое время выпить пива.

Я согласился – Владимир жил у самых гаражей, куда я и так гнал свою «девятку». Так что вскоре мы с ним сидели в шестиметровой кухне и беседовали за жизнь под «Клинское» и воблу.

– Ты кем стал по профессии? – поинтересовался старый знакомый где-то в районе второй бутылки.

– Электронщик, – пожал я плечами.

– Никогда бы не подумал. Вид у тебя... ну, как у геолога, например. Или вовсе какого-нибудь майора спецназа. Где так загореть-то смог? Видно же, что не на курорте.

– Так не кабинетный же электронщик, а, если можно так выразиться, полевой, – отбрехнулся я, а сам подумал, что, наверное, коллеги не обращают внимания на изменения моей внешности потому, что наблюдают их сравнительно постепенно. А если сразу, как Вова сейчас, то получается очень заметно.

Сам он подвизался кем-то довольно мелким на телевидении. В общем, ближе к завершению нашей встречи я даже слегка заскучал, но собеседник сумел развеять мою апатию.

– Знаешь, – задумчиво сообщил он, – тут ко мне недавно приезжал двоюродный брат, он работает в Пулкове. И сказал, что, как они там думают, будет несколько очень холодных зим подряд. То ли на Солнце появляются лишние пятна, то ли, наоборот, исчезают необходимые, я не понял. Но он довольно серьезно советовал подготовиться. Не знаешь, продаются сейчас буржуйки и вообще реально ли поставить ее в квартире?

Вот уж что-то, а это я знал – набрался опыта за зиму в Форпосте. И поделился с Владимиром:

– Их полно, но только я бы советовал приобрести не буржуйку, а пошехонку. Буржуйка – она, конечно, греет здорово, но дрова жрет как в прорву и при этом прилично воняет. А у пошехонки КПД куда выше, она с одной заправки вообще может греть часов девять. Но, ясное дело, за все приходится платить – из нее неудобно выгребать золу. Они продаются и стоят какие-то копейки. Интернет есть? Могу показать сайт.

В общем, мне пришлось составить чуть ли не детальный проект утепления квартиры, да к тому же исходя из весьма ограниченных финансовых возможностей моего школьного знакомого.

– Значит, покупаешь подложку, – объяснял я ему. – Что это такое? Тьфу на тебя, набери в Яндексе «магазин стройматериалов». Так, сойдет, теперь лезешь в «изоляция», выбираешь «подложки». Значит, вот на эту комнату нужен рулон десятимиллиметровой, он стоит тысячу. Как раз хватит оклеить стены, потолок и положить на пол. Площадь этой комнаты три на четыре? Добавляем двенадцать метров огнеупорного брезента, его постелешь на пол поверх подложки – это еще чуть больше штуки. Плюс пошехонка, бери среднюю, но с экранами, – еще три с половиной. Когда все это сделаешь, то даже при неработающих батареях и минус сорока на улице у тебя тут будет вполне комфортно, пока дрова не кончатся.

В процессе инструктажа своего собеседника я задумался и сам. Конечно, вполне возможно, что все это ерунда, но вероятности аномально холодных зим никто не отменял. Таких, например, какая приключилась с семьдесят восьмого на семьдесят девятый год. Понятное дело, меня тогда не было даже в проекте, но отец рассказывал про холодные батареи, едва работающие газовые конфорки и периодически отключающееся электричество. А ведь с тех пор коммуникации, мягко говоря, лучше не стали! У нашего дома они и вовсе не менялись, хотя который год ходят какие-то слухи о капремонте. Так что в случае даже повторения такой зимы последствия будут еще хуже. А если придет более суровая? Пожалуй, на всякий случай действительно не помешает принять кое-какие меры. Тем более что к аномальной жаре я, в общем-то, был готов еще с лета десятого года, а вот обратной ситуации всерьез как-то не рассматривал.

Итак, главный вопрос. Что утеплять – квартиру или гараж? Пожалуй, все-таки гараж, потому как на девятом этаже без света, воды и с замерзшими батареями при любой степени утепления будет как-то не очень. Но, в отличие от Владимира, мне финансы позволяют и более широкие жесты. То есть покупать надо не подложку, а пенопласт. А на пол – пеноплекс в решетке из досок, поверх настелить фанеру-десятку, чтобы в случае чего пол выдерживал и машину. Дымоход вывести и заизолировать заранее, чтобы не греть за свой счет улицу и не собирать в трубе конденсат. И пристроить к маленькой дверце в воротине небольшой тамбур.

Ладно, к тому, о чем рассказывал отец, подготовиться нетрудно. И даже к более сильным холодам – тоже. Но что изменилось с тех пор, не считая прогнивших труб? Увы, многое.

– И последнее, но, пожалуй, самое серьезное, – сказал я Вове. – Разрешение на охотничье ружье получить не очень сложно, а само оно стоит не так чтобы уж сильно дорого. Те, что за семь-восемь тысяч, вполне сойдут. Покупай двенадцатый калибр и запасись патронами с восьмимиллиметровой картечью. Потому как если во всем доме будет лютая Сибирь, а в твоей квартире Сочи, то вполне могут найтись люди, которых возмутит такая несправедливость. И они захотят ее исправить. По результатам чего ты в лучшем случае останешься без печки, а в наиболее вероятном – на улице вместе с семьей. Если, конечно, у тебя в руках не будет достаточно весомого аргумента, который тыпустишь в ход не задумываясь.

– Так ведь посадят же... – вздохнул школьный знакомый.

– Во-первых, это все-таки не сто процентов. Может, отделаешься условным сроком. Во-вторых, пусть уж лучше тебя трое судят, чем четверо несут. И наконец, самое главное – у тебя семья! В общем, подумай, действительно тебе советую, а мне, пожалуй, пора.

Уже уходя, я обернулся к провожающему меня до дверей Владимиру:

– Значит, так. Если будет совсем хреново – дай знать, помогу. Но только после того, как увижу – сам ты сделал все, что в твоих силах! А если обнаружится, что ты тут сидел и тупо ждал чьей-то помощи, не отрывая зада от дивана, развернусь и уйду, хоть мне и жалко будет твою жену и дочку. Вот такие дела.

Глава 12

Саша Попаданец поправил сумку на плече и перешел с быстрого шага на бег трусцой. От дома до школы, где он работал, было около двух километров, и ради преодоления столь небольшого расстояния Александр никогда не лез в маршрутку. Там сейчас мало того что жарко и душно, так недавно, говорят, они опять подорожали. Нет уж, пусть эти средства передвижения обходятся без него. И вообще в таком городе, как Волжский, можно прекрасно перемещаться и пешком, лишь для самых протяженных маршрутов используя велосипед.

Давно, только обзаведясь своим хобби, Матрохин решил, что фланировать неспешным шагом ему отныне допускается только под руку с девушкой. А во всех остальных случаях – в зависимости от того, какой набор в данный момент при нем имеется. Если одна борсетка, то есть малый, – исключительно бегом, в Волжском просто нет расстояний, которые не сможет пробежать тренированный молодой человек. Правда, такова была теория, на практике Саша поначалу выдыхался в конце первого километра. Но потом это стало происходить в конце второго, затем – в начале четвертого...

И уже почти два года Попаданец мог, не свалившись при этом от усталости, пробежать свой город из конца в конец, от берега Волги до поселка Киляковка. Пока только с борсеткой, но скоро он собирался перейти на бег и с сумкой – как, например, сейчас. Перешел через дорогу – и можно вновь увеличивать скорость. Не только и даже не столько для экономии времени, хотя и оно лишним не бывает, сколько для физического развития, от которого в значительной мере будет зависеть его жизнь в случае переноса куда-то в собственном теле. И тренировки силы воли, результат которой обязательно скажется, если произойдет перенос разумов.

Тут Саша чуть не споткнулся, сбившись с ритма. Ведь все уже свершилось – совсем недавно он побывал в прошлом! В своем теле, а не мозговым паразитом. Причем теперь можно точно сказать, что вся его подготовка оказалась очень кстати. И скоро, наверное, опять получится посетить тот мир! Про который теперь точно известно, что там и как.

Еще не факт, хмыкнул про себя Попаданец, вновь попав дыханием в такт бегу. Этот Коля, кажется, сам до конца не понимает, как работает то, что он изобрел. И значит,

очередной переброс может пойти не так, как задумывалось, и закончиться вообще черт знает где. То есть ничего не изменилось – необходимо по-прежнему быть готовым в любой момент оказаться то ли у питекантропов, то ли на Бородинском поле за пять минут до начала битвы, то ли вообще в волшебном лесу, да еще в теле эльфийской принцессы. Разница только в том, что раньше Саша всего лишь допускал такую возможность, да и то с массой оговорок. Теперь же он на собственном опыте убедился в реальности путешествий между мирами. Но благодаря длительным тренировкам никаким потрясением это для него не стало.

Молодой человек держал путь в школу. Хотя отпуск у него еще не закончился, имело смысл там появиться. Во-первых, узнать у директрисы, которая уже вышла на работу, насчет часов в приближающемся новом учебном году – кажется, она собирается их сократить. И зайти в школьную мастерскую, к учителю труда Игорю Алексеевичу – одному из немногих, кто без усмешки воспринимал Сашино хобби. Нет, рассказывать ему про свое путешествие в прошлое Попаданец пока не собирался. А вот попросить помочь сначала с материалом для нормальной сабли, а потом с ее изготовлением – это можно. Те ржавые рессоры, которые Матрохин видел в сарае города Форпоста, в особый восторг его не привели. Возможность же конфликта с испанцами подразумевала повышенное внимание к вооружению. Огнестрел – это прерогатива Николая с дядей Мишей. А вот холодное лучше всего самому и сделать.

Незаметно для себя Александр ускорился и последние полкилометра пробежал даже быстрее, чем у него обычно получалось на этом маршруте с одной борсеткой, без сумки. Метров за сто до школы он перешел на быстрый шаг, чтобы успокоить дыхание, – все-таки в храм просвещения не подобает врываться галопом, да еще и во взмыленном виде. Правда, сейчас там почти никого нет, однако важен сам принцип. А приличный человек тем и характерен, что не только имеет упомянутые принципы, но и соблюдает их даже тогда, когда этого никто не видит.

Беседа с директрисой уложилась в десять минут и не содержала ничего неожиданного и почти ничего хорошего, а после нее Попаданец спустился в школьную мастерскую.

– Здравствуйте, Саша, – приветствовал его трудовик. – Вы что, решили более активно участвовать в очередных эльфийских плясках и поэтому вам понадобилась хорошая сабля?

– И я вас тоже приветствую. Насчет же плясок – нет. Во-первых, через неделю собираются колобродить не толкиенисты, а реконструкторы. Насколько я в курсе, планируется битва казаков с викингами.

– Хорошо, хоть не с самураями, но тогда с чем связано ваше желание занять очередную железяку? Ее же, мягко говоря, будет неудобно носить в рюкзаке. Или вы замахнулись на персидский клинок, который можно обернуть вокруг талии?

– Было бы неплохо, но, боюсь, не получится. Насчет же почему вдруг именно сейчас – интуиция, и ничего более.

– Да? Тогда это серьезно, – согласился Игорь Алексеевич.

Так уж получилось, что с недавних пор он с большим уважением относился к интуиции Попаданца. Два с небольшим месяца назад они подошли к остановке около школы – Саша, хоть и не собирался ни на чем ехать, провожал учителя труда, у них тогда завязалась довольно интересная беседа. Но рядом стояла, потела и натуральным образом воняла толстая и густо размалеванная тетка.

«Лень тебе было помыться, заразе», – подумал тогда Матрохин и предложил отойти чуть в сторонку. На вопрос «зачем?» не отличающегося столь тонким обонянием Игоря Алексеевича последовал ответ: «Мне так интуиция подсказывает». Но не успели они сделать и десятка шагов, как в остановку влетело шахид-такси марки «ржавый жигуль». Правда, удар пришелся по касательной, так что ожидающие не получили не только смертельных, но и хоть сколько-нибудь тяжелых травм, однако троих, в том числе и толстую тетку, все-таки увезла «скорая». Этот эпизод произвел на трудовика большое впечатление.

– Скажите, а ваша э... интуиция не конкретизирует, зачем именно понадобится сабля? – осторожно поинтересовался Игорь Алексеевич. – И главное, только ли вам, а то, может, и

мне пора озаботиться чем-нибудь этаким?

Услышав, что пока предупреждение было неопределенным и адресовалось только лично Попаданцу, но он в случае чего обязательно сообщит, учитель труда выложил на стол чуть тронутую ржавчиной метровую слесарную линейку.

– Вы не смотрите, что она одна, в подвале еще с советских времен лежат десятка три. А на режущую кромку у меня есть хорошая пружина. В общем, чтоб не откладывать, завтра приглашаю вас на дачу.

У Игоря Алексеевича тоже имелось хобби – кузнечное дело.

А на сегодня, ближе к вечеру, у Саши был запланирован еще один визит. К одной знакомой девушке – той самой Наташе, в чью квартиру они с Николаем случайно заглянули во время первой попытки открытия перехода из Форпоста в Волжский. Кроме ролевых игр, она увлекалась еще и конным спортом. Попаданец в принципе тоже умел ездить на лошади, при его хобби это был один из обязательных пунктов, но он учился в деревне у двоюродной тетки – для регулярных занятий в клубе у Саши не было ни времени, ни денег. И теперь Николай попросил его подобрать литературу о коневодстве – сам он за это не брался, и правильно делал.

Многие думают, что в Интернете можно найти ответ на любой вопрос. В принципе это так, но с небольшим дополнением. Не один ответ, а десятки, сотни и тысячи! Среди которых подавляющее большинство если и имеет какое-то сходство с истиной, то очень небольшое и чисто внешнее. Даже про столь, казалось бы, несложный процесс, как самостоятельное изготовление черного пороха, часто пишется такое, что хоть стой, хоть падай! В общем, во Всемирную сеть лучше лезть только за уточнением деталей, а общее представление о проблеме желательно все-таки получить в каком-нибудь другом месте.

Четыре дня спустя Попаданец прочитал на одном из сайтов условное сообщение. Оно означало, что завтра ровно в двадцать ноль-ноль скорости протекания времен в шестнадцатом и двадцать первом веках будут выравнены на восемь секунд. То есть ему предлагалось, как и в прошлый раз, самостоятельно переместиться на остров Дил. Если же этого не получится, сообщить на том же сайте, и тогда Николай приедет за ним на машине.

В этот раз Саша тащил несколько больше груза, чем в прошлый. В рюкзаке добавились две довольно толстые книги, а сбоку был прикручен сверток с заготовкой под абордажную саблю. Она была почти закончена – ее требовалось только обработать наждаком, заточить и снабдить рукоятью. Из бокового кармана торчала маленькая рация.

Нельзя сказать, что Попаданец так уж сильно рвался в бой с испанцами. Тем более что Николай ему толком так и не объяснил, чего с ними не поделили островитяне. Но Саше хотелось войти в эту странную команду на правах своего, а такое желание подразумевало обязательное участие во всех общих мероприятиях, пусть даже они и будут иметь характер боевых действий. Впрочем, Николай производил впечатление весьма обстоятельного человека, совершенно не склонного к неподготовленным авантюрам. Подготовленные же, особенно тщательно – совсем другое дело, но тогда, кажется, они и называются как-то иначе.

За раздумьями Саша потихоньку приближался к участку, где в прошлый раз сумел открыть переход на Дил. Дорога в этом месте довольно круто спускалась вниз, проходя меж двух холмиков, а за спуском открывался пляж. Почти такое же место было и у Северной бухты Дила, только там пока не имелось специально проложенной дороги.

Попаданец глянул на часы – до события оставалось полторы минуты. Оглянувшись – сзади пусто, а с боков и спереди видимость ограничена рельефом. Ну, кажется, пора...

Матрохин прикрыл глаза. Ибо в прошлый свой переход никаких порталов он не видел, а просто зажмурился, сделал несколько шагов и оказался в шестнадцатом веке. Тем более что сейчас он хорошо представлял себе место, где желал очутиться. Так, кажется, под ногами появились заметные неровности, и спуск стал вроде как покруче, чем должен быть по дороге к волжскому пляжу. Да и вообще восемь секунд давно прошли, глаза в любом случае пора

открывать.

Сказано – сделано. Перед Попаданцем расстился знакомый спуск к Северной бухте. Метрах в тридцати из земли торчал шест, при помощи которого Саша в прошлый раз определял астрономический полдень.

Зашипела рация. Взяв ее, Саша услышал:

– «Мечта» вызывает Попаданца!

– Здесь Попаданец, прием.

– Говорит Поль. Мы в Западной бухте, ждем. Пока идете, обратите внимание – нет ли в пределах видимости следов пребывания иных гостей, кроме вас.

– Тогда лучше идти не напрямую, а через холм, с его вершины виден почти весь остров, но это примерно лишний час.

– Ничего страшного, мы будем ждать столько, сколько потребуется.

Через сорок минут Саша поднялся метров на двести и, достав бинокль, приступил к осмотру острова. И вскоре пришел к выводу, что если на Диле и есть визитеры, кроме него, то они совершенно не желают афишировать своего присутствия. Он уже потянулся было к рации, чтобы поделиться своим выводом с Полем, но краем глаза увидел что-то неправильное.

– Что же мне не понравилось, причем когда я уже опустил бинокль? – пробормотал Попаданец, снова осматриваясь. – Вроде на острове все так, как оно было спокон веку. Ни костров, ни следов на песке, никто не бежит, не орет, руками не размахивает... Блин, ну и урод же я слепой – смотрел только на сушу!

Причиной столь эмоционального вывода стало ярко-оранжевое пятно в океане, у входа в Восточную бухту. Опять взяв бинокль, Саша разглядел, что это байдарка с парусом в виде треугольника вершиной вниз. И в ней находятся три человека, двое из них гребут.

Экипажем обнаруженной Попаданцем байдарки была семья Провоторовых, а именно – муж, жена и тринадцатилетний сын. Еще час назад они плыли по озеру Охват, приближаясь к острову в его восточной части, как вдруг...

Глава семьи не мог отделаться от ощущения, что какие-то высшие силы смогли угадать его потаенные желания и исполнили их – правда, на редкость своеобразно. Ведь он совершенно не хотел возвращаться в Москву! Разве можно нормально отдохнуть от того гадюшника, коим, без сомнения, являлась риэлторская компания, где работал Олег Самуилович, за какие-то две недели? А тут еще перед самым отпуском ему довелось прочитать про семью, которая, доведенная до ручки наездами всяких жаждущих мзды проверяющих, продала свой бизнес в Москве и уехала аж на какой-то остров в архипелаге Кука. И теперь живут там, всем довольные, и даже в мыслях не держат возвращаться в Москву! Только раз в два года приезжают в отпуск, и все. Ей-богу, Олег даже начал подумывать – а не последовать ли их примеру. Как раз когда впереди показался остров, он попытался представить себе, что это не клочок земли в дальнем конце узкого и длинного озера, где их семья проводила отпуск, а кусочек... ну, например, архипелага Фиджи. Или даже Гавайских островов. И вдруг все как-то незаметно, но радикально изменилось! Волны стали больше, вода под днищем байдарки в разы прозрачней, а вместо заросших лесом берегов вокруг простиралась бескрайняя водная гладь. Только впереди, примерно в двух километрах, из нее выступал небольшой гористый остров. Господи, да что же это такое, чуть не закричал Олег Самуилович. Ведь я же не хотел!

Однако вовремя опомнился. Себе-то зачем врать – хотел, да еще как! Может, и не совсем того, кое только что приключилось, но это уже не принципиально. Правильно, выходит, говорится: бойся своих желаний... Да, но жене-то с сыном за что страдать?

Если бы глава семьи лучше знал своих близких, он не задавал бы себе подобных вопросов. Потому что его супруга перед случившимся катаклизмом думала, в общем, о том же самом. Только компания в ее мыслях фигурировала не риэлторская, а страховая, и в качестве рая на земле женщина представляла себе Канары. Или, на худой конец, архипелаг

Тристан-да-Кунья.

Что же касается младшего Провоторова, то ему уже давно была омерзительна сама мысль о том, что лето скоро кончится и придется опять тащиться в школу. Кроме того, он, в отличие от большинства своих сверстников, любил читать. И поэтому с первых же секунд происшедшего понял – ура, они *попали* ! И теперь Дима изо всех сил налегал на весла, хотя байдарке хорошо помогал попутный ветер. Ему почему-то казалось, что пока они в океане, чудо может в любой момент как произошло, так и кончиться, оказавшись каким-нибудь особо хитрым глюком. А вот когда высадутся на этот берег...

Впрочем, до него уже оставалось не больше пятисот метров.

Глава 13

В процессе очередного выравнивая времен я не только открыл Попаданцу дорогу в наш мир, но и получил уточненные данные о месторасположении пятого кристалла. Зона его вероятного пребывания сузилась до эллипса примерно двести на триста километров, в центре которого находился остров Пуэрто-Рико. Но все равно прикидка получалась слишком грубой. Разумеется, можно было подождать, когда искомый кристалл опять окажется разэкранированным, и тогда найти его будет заметно проще, но мне этот путь как-то не очень нравился. Тем более что появились мысли, как можно увеличить точность измерений и в имеющихся условиях, то есть когда все шары хранятся отдельно.

Правда, нынешнее выравнивание времен привело к очередному побочному переходу, и теперь на Диле куковали трое московских туристов. «Мечта» оттуда ушла, а Попаданец пока остался, чтобы поближе присмотреться к гостям. То есть, как он сам сказал, поработать капитаном Немо из «Таинственного острова». Правда, вместо подводной лодки у него имелась всего лишь надувная, но зато с ямаховским подвесным мотором. И оптика у Попаданца была куда лучше, чем у индийского принца-подводника, не говоря уж об узконаправленных микрофонах, при помощи которых даже тихие разговоры гостей можно было слушать метров с трехсот. В общем, Саша занимался наблюдениями два дня, а на третий отправился в Форпост.

– Нормально устроились поднадзорные, – сообщил он, уписывая рагу из сумчатого зайца, потому как рыба ему уже малость поднадоела. – Моральных травм вроде ни у кого нет, пацаненок так вообще счастлив, но робинзоны из них получились те еще. Прикинь, они до сих пор даже приблизительно не определили своих координат! И вообще думают, что их выкинуло в какой-то иной мир – звездное небо незнакомое. Правда, мужик вспомнил про Южное полушарие и начал искать на небе Южный Крест, но не нашел и только уверился в своих подозрениях. Компаса у людей нет. Часов тоже, вот ведь жертвы цивилизации! Мобильники им время показывают.

– Не голодают?

– У них четыре удочки, а рыбы в бухтах полно. Опять же люди плыли на остров, то есть захватили с собой несколько банок тушенки, кило макарон и немного картошки с луком. Интересно, сожрут или оставят как посадочный материал? Да и вообще, я так думаю, им бы матпомощь подкинуть не помешает, а то топорик всего один, да и тот такой, что на него смотреть просто огорчительно. Приличного ножа тоже нет. В общем, не собрать ли небольшой ящичек? И письмецо туда положить, чтобы люди не волновались.

– Ты там с эвкалипта рухнул или на солнце перегрелся, пока сюда плыл?

– Так ведь не от нашего же имени письмо! А от каких-нибудь высших сил типа Галактических Смотрящих. Мол, Земле угрожает глобальный катаклизм, и вас включили в... ну, скажем, Избранные. Данный же перенос – последний тест перед окончательным утверждением кандидатур.

– М-да, с фантазией у тебя нормально. Только почему «Смотрящие»? Что-то в этом проскальзывает такое, вроде как уголовное.

– Вовсе нет, я недавно книжку как раз про них читал. Ладно, не нравятся смотрящие –

пусть будут кураторы. Так что, после обеда сажусь писать письмо?

Он действительно написал. Причем, по-моему, получилось весьма недурно. Хрен его знает – может, люди и поверят!

Потом Матрохин собрал им небольшой ящик и отвез все это на Дил. Вернувшись, Попаданец поделился впечатлениями:

– Порядок, мое творение прошло на ура.

В нем, кроме сообщения об избрании, он поставил наших гостей в известность, что робинзонить им придется не меньше двух недель. А вот больше – сколько угодно, для этого каждый должен выразить свои пожелания в письменном виде и оставить их на месте появления ящика. Про работу и учебу можно не волноваться, они будут возвращены на Землю не позднее чем через сутки по тамошнему времени, считая от момента переноса.

– И знаешь, что запросили эти несчастные жертвы межмирового пробоя? Муж – три месяца, жена – четыре, а пацаненок вообще десять лет. Наверняка думает, что за это время помрет либо ишак, либо эмир.

У меня, честно скажу, даже полегчало на душе, а то было как-то немного неудобно – мол, захватил ничего не подозревающих людей против их воли. Ерунда, против воли, сам собой, тут никто не оказывается! А только после очень хорошо подготовленного приглашения.

– Надеюсь, они понимают, что тут скоро начнется осень? – поинтересовался я. – И ты им хоть один компас в ящик положил?

– Вот еще, пусть тренируют изобретательность, там есть два магнита и иголки. Да и какая тут осень – начало сентября в Подмосковье! Палатка у них хорошая, переживут.

В общем, прибытие на Дил отдыхающих не привело к изменениям наших планов, согласно которым настала пора строить самолеты. Именно так – во множественном числе, то есть сразу две штуки, причем разных. Отборные доски для них сушились уже почти год – другими словами, с запасом. Дома были построены, три каботажных катамарана тоже, благодаря чему высвободились умеющие держать молоток, ножовку и рубанок руки, коих у нас все-таки было значительно меньше, чем хотелось. Наконец, появилась еще одна универсальная рабочая единица, почти не уступающая дяде Мише: Попаданец.

Первый из предназначенных к постройке самолетов должен был стать точной копией оставшегося на Изначальном острове ремейка Ша-2 с модернизированным шасси и двумя китайскими моторами вместо штатного М-11. Да, в процессе эксплуатации выявились незначительные огрехи конструкции, но они были не столь вопиющими, чтобы ради их исправления затевать переделку с негарантированным результатом. То есть мы решили поступить согласно народной мудрости, гласящей: не тронь дерьмо – вонять не будет.

А вот второй самолет задумывался довольно революционным, что вытекало из поставленных перед ним задач. Ему предстояло стать первой единицей нашего военно-воздушного флота, то есть штурмовиком-бомбардировщиком. И если со штурмовкой «Шаврушка» в принципе могла как-то справиться при установке на нее пулемета или легкой пушки, то бомбометание с этого аэроплана получалось только в самом ублюдочном варианте. Пассажир должен был просто брать бомбу или гранату, взводить взрыватель и бросать ее за борт. Да, в начале Первой мировой бомбардировки производились именно так, но люди быстро увидели всю неэффективность подобных методов. Ну а мы собирались сразу делать как положено, но у Ша-2 просто не было нормальных мест для бомбодержателей. Фюзеляж для этого не годился, потому как представлял собой лодку, а крылья можно было использовать только за креплениями подкосов, то есть на расстоянии не менее трех метров от центроплана, что тоже не вызывало восторга.

Вот поэтому я и спроектировал практически новую машину. Главное ее отличие от «Шаврушки» было в том, что она являлась двухпоплавковым гидросамолетом. Ведь лагуна, на берегу которой стоял Форпост, представляла собой идеальную взлетную площадку. Да, такой самолет не сможет нормально сесть на сушу, но ведь вокруг нас в основном вода.

Кроме того, плюх на брюхо при посадочной скорости пятьдесят с небольшим километров в час вряд ли приведет к фатальным последствиям, так что в принципе допускалась и аварийная посадка на суше.

Но компоновку я выбрал довольно экзотичную. Обычно поплавки торчат у самолета вместо колес, то есть под фюзеляжем, в котором сидит пилот. Это не такая уж простая конструкция, к тому же создающая хоть и небольшой, но все же дополнительный пикирующий момент как в полете, так и при посадке. Разумеется, летчику высокой квалификации это не мешает, но где нам таких взять?

Приняв во внимание эти соображения, я решил строить самолет несколько иначе. Его основа получилась чем-то вроде маленького катамарана с пилотским местом и моторамой, а сверху к этому сооружению крепились крылья и узкая труба фюзеляжа с хвостовым оперением. Да, по сравнению с классическим вариантом я проигрывал в обтекаемости, потому как у меня пилот сидел между поплавками, а не в фюзеляже. Но зато сам фюзеляж можно было сделать очень тонким, ибо малая скорость такое вполне позволяла. То есть в целом ухудшение обтекаемости получалось довольно незначительным. В качестве же бонуса получалась очень удобная подвеска бомб – прямо за пилотским сиденьем.

Конструкцию бомбы мы уже давно отработали до мелочей. Итак, берется двухлитровая бутылка из-под кока-колы. Туда заливается смесь спирта, древесной смолы и растительного масла в соотношении два к одному к трем. Вместо пробки ввинчивается взрыватель, состоящий из длинного гвоздя, предохранительного штыря, который не дает гвоздю двигаться внутрь, капсюля жевело, ста граммов черного пороха и большого термитного сварочного стержня. Затем на «талию» бутылки насаживается фанерный стабилизатор, фиксируется хомутом, после чего зажигательную бомбу можно отправлять на склад готовой продукции. Испытания показали, что при попадании она гарантированно сжигает деревянный сарай – а значит, и корабль тоже, и потушить этот пожар без углекислотных или пенных огнетушителей очень проблематично.

Кроме зажигательной, в нашем ассортименте наличествовала и осколочно-фугасная бомба – та же бутылка, но вся наполненная черным порохом, поверх которой надевалась чугунная труба с прорезями. То есть бомбы у нас уже имелись, и не хватало только бомбардировщика. Я уже сделал его радиоуправляемую модель, которая неплохо летала, и теперь настала пора приступить к изготовлению настоящего самолета.

Как уже упоминалось, мы закончили постройку и испытания трех небольших катамаранов, предназначенных для плаваний по Бассову проливу. Один из них с большим энтузиазмом осваивали тасманийцы – охотник Бунг, трактористка Зина и ее сыновья от первого брака Брам и Дан – такие имена им дал отец. Судя по некоторым словам, которые смогли запомнить Зина и сыновья, он был голландцем.

Но вообще-то у нас жило семь гостей с Тасмании – кроме уже перечисленных, старший сын Бунга, уже успевший заработать имя Павел, его жена, которая не имела даже тасманийского имени и откликалась на просто «женщина», и дочка Зины, коей в настоящее время было лет семь. Причем малышка оказалась очень способной – меньше чем за год она научилась сносно читать по-русски, а недавно перешла к сложению и вычитанию двузначных чисел, в силу чего ей было торжественно присвоено имя Юлия. Но эти трое не рвались плавать – Павел проявил неплохие способности к столярному ремеслу и сейчас строгал рейки для самолетов, его жена по определению своего мнения не имела, а Юле надо было продолжать учебу. В общем, катамаран «Тасмания», совершив несколько рейсов на близлежащие острова, готовился к большой экспедиции на остров, в честь которого он был назван.

Через неделю, когда заготовка планок нужного размера для обоих самолетов закончилась, «Тасмания» отбыла в дальнюю экспедицию – Бунг собирался найти остатки своего племени и предложить им перебраться на Манюнин остров.

Вскоре начали приобретать очертания наборы крыльев – они у обоих самолетов были

почти одинаковыми и потому делались вместе. Работа шла быстро – Попаданец вполне ожидаемо смог внести в нее немалую лепту. Но на нем, кроме всего прочего, был еще и присмотр за туристами на Диле, так что он ненадолго сплавал туда. С собой Саша взял пневматического «крыса» – близнеца того, из которого когда-то учились стрелять Ханя с Тимом. Это ружье у нас использовалось для первоначального обучения мориори, чтобы привить им самые первые навыки, не пугая до полусмерти грохотом выстрелов, но еще в начале лета ученики перешли к освоению мелкашки, так что «крыс» валялся без дела. Вот Попаданец и захватил его на Дил, потому как на валлаби вполне можно было охотиться и с этим стволом – они на том острове были совсем непуганые. Кроме винтовки, туристам предполагалось подбросить десяток бомж-пакетиков с дошираком, две пачки чая и кило рафинада, потому как их запасы подходили к концу. Ну и вообще посмотреть, как там живут московские робинзоны.

Через три дня Матрохин вернулся и поделился впечатлениями. Оказывается, люди неплохо устроились.

Глава семьи посмотрел, какие ягоды едят местные карликовые кенгуру, осторожно попробовал сам и, убедившись, что они неядовиты, набил ягодами два ведра из трех, имеющихся у семьи, и теперь ждал, пока ягоды перебродят. Попаданец ночью, когда москвичи спали, осторожно подобрался к палатке и оставил свои подарки, заодно попробовав содержимое одного из ведер.

– Очень даже ничего, – резюмировал он, – у этого Олега, похоже, есть какой-то опыт. Еще неделька – и получится вполне приличный продукт!

Утром семья с восторгом узрела свалившиеся с неба ништяки. Правда, муж довольно громко, наверняка надеясь, что его услышат таинственные «кураторы», посетовал, что сахара можно было положить и побольше, а заодно добавить дрожжей. Зато у сына никаких претензий не появилось. Он за полчаса научился взводить тугую пружину, после чего раз десять выстелил по камешкам, а потом, увидев неосторожно выглянувшего из кустов валлаби, пальнул по нему. И, что удивительно, попал! Но дальше все пошло наперекосяк. Сумчатый заяц был не убит, а только ранен, сучил задними ногами и жалобно верещал. Парень дрожал и размазывал по лицу слезы – он оказался совершенно не готов к такому зрелищу. Наконец отец не выдержал, взял топор и добил зверюшку. Но так как он делал это зажмурившись, то получилось у него только с третьего удара. Пацана вырвало.

Потом семья долго соображала, что же теперь делать, и наконец было решено снять со зверька шкуру, а мясо съесть. Увы, этим наполеоновским планам не суждено было осуществиться. Шкура совершенно не хотела слезать. Ребенок убежал к океану. Муж с женой перемазались в крови, дерьме и вдрызг переругались. Уже к вечеру, помирившись, они решили отложить разделку тушки – мол, утро вечера мудренее.

Однако с утра обнаружилось, что за ночь на трупик сбежалось и слетелось множество насекомых. И, кроме того, он уже пованивал, так что растерзанные останки несчастного валлаби были завернуты в два полиэтиленовых куса и отнесены подальше в лес, а семья вместо завтрака обошлась чаем. Похоже, им даже доширак не лез в горло.

– Ничего, – закончил свой поучительный рассказ Попаданец, – когда я уже собирался обратно, пацан снова начал возиться с винтовкой. Так что, по-моему, у них еще не все потеряно – приспособятся.

Я посоветовал:

– Когда в следующий раз повезешь им подарки, напиши подробную инструкцию по разделке тушки. В конце концов, курируемых нужно не только подкармливать, не помешает и привить им какие-нибудь полезные навыки. А пока приступаем к фюзеляжу «Шаврушки», он сложнее, но будет в основном на тебе. Как закончим его силовой набор, дальше будешь возиться с ним один, а я начну ваять свою двухпоплавковую раму.

Наконец к началу апреля оба самолета приобрели почти законченные очертания, а гостей пора было выпроваживать обратно в двадцать первый век. Потому как по результатам предыдущего выравнивания времен я внес изменения в аппаратуру, и нужна была еще одна

итерация. Попаданец опять сплавал на Дил, но теперь уже не на моторке, а на каботажном катамаране, ибо осень вступила в свои права и спокойное море было редкостью. С собой он имел радиоуправляемую модель вертолета, потому как вручение последней инструкции мы решили обставить чуть торжественнее, чем предыдущих.

И вот, значит, когда семья сидела у костра и думала о том, что робинзонство осенью, даже такой мягкой, как на этом острове, все же не то что летом, и гадала, чье пожелание о сроках кураторы примут за основу, метрах в пятнадцати над ними появился вертолет. Но люди не смотрели вверх, а сам он летел практически беззвучно, так что появления модели никто не заметил. Попаданец дернул рычажок на пульте, вниз полетел небольшой картонный тубус, а вертолет резко ушел в сторону и начал снижаться. Когда неподалеку от семьи упал подарок с неба, люди, естественно, задрали головы, но увидели только небольшое облачко примерно в километре над ними, а вертолет в это время уже лавировал на бреющем между кустами, возвращаясь к Попаданцу.

Кроме бумаги, в тубусе были часы, потому что мобильники у туристов давно сели. Документ же состоял из двух абзацев. В первом описывалось – что, когда и как нужно сделать для возвращения на озеро Охват двадцать первого века. Второй содержал напоминание о строжайшем сохранении тайны – мол, в случае ее разглашения дорога в иные миры будет закрыта для всей семьи и навсегда. Там же указывалось, какие условные сообщения на каких сайтах можно оставить, если семья захочет заранее навсегда переселиться в этот мир, то есть не дожидаясь момента, когда в том наступит полный и окончательный Большой Песец.

Глава 14

На следующий день после отправки домой московских туристов в Форпост вернулась экспедиция под руководством Бунга. До того никаких сведений о ней у нас не было, потому как рации я им не давал. Вообще-то поначалу хотел и даже потратил почти неделю на обучение сыновей Зины, но ничего хорошего из этого не вышло – они ухитрились терять связь, даже находясь на одном острове со мной. В общем, толку от рации все равно не было бы, разве что мы начали бы волноваться при неизбежном пропадании связи, и экспедиция поплыла просто так, наподобие каких-нибудь колумбов или магелланов. А теперь, значит, вернулась, и в сильно расширенном составе.

Сейчас, наверное, уже мало кто себе представляет, что такое телефонная будка. А вот я видел одну, когда мне было лет шесть, – ее почему-то, видимо, забыли убрать. Отец рассказал мне, в чем смысл этого странного сооружения, а потом поделился воспоминаниями времен своей студенческой молодости. Оказывается, у них был популярен такой спорт – какая команда набьет в эту самую будку больше народу? Играли на деньги – участники скидывались по рублю, болельщики – по двадцать копеек, и все это доставалось победившей команде. Причем главная трудность заключалась в том, что дверь надо было закрыть изнутри, ибо утрамбовывать ее снаружи запрещалось правилами. Абсолютный рекорд был восемь человек.

Помнится, я тогда впервые смог оценить, что такое масштаб. Потому что таких, как я, в эту будочку влезло бы и десять. Но таких, как отец... В общем, вечером этого дня он рассказал мне, что такое объем, и провел первый урок по его вычислению.

Теперь же при взгляде на приближающийся катамаран ко мне вернулось то детское воспоминание. Ибо если бы мы вздумали проводить соревнование – кто набьет больше народу на палубу этого небольшого суденышка, Бунг с домочадцами имел бы все шансы на чемпионство. И вообще плотная толпа, из центра которой торчала мачта, смотрелась в океане довольно своеобразно. А самого катамарана было толком и не разглядеть.

Когда «Тасмания» пристала к берегу, выяснилось, что она везла девятнадцать человек всех полов и возрастов, не считая команды. Однако приемом и обустройством гостей занялся

Поль, потому как я вышел только ненадолго проветриться, а вообще-то мне было пора в двадцать первый век, на дачу около райцентра Пруды. Дело в том, что полученные при отправке туристов данные были наконец-то расшифрованы, и я получил точные, с ошибкой не больше пятидесяти метров, координаты месторасположения пятого шара. Когда я привязал вычисленные координаты к карте, получилась картина, не отличающаяся особым разнообразием топонимики.

Бухта Сан-Хуан в северной части острова. От океана ее отделяет островок Сан-Хуан, на котором стоит город Сан-Хуан. Вот в этой самой бухте, метрах в семидесяти от берега, и находился центр вероятного расположения шара. Зона допусков имела радиус примерно пятьдесят метров и вся располагалась в воде. То есть мой шар пребывал на каком-то корабле, стоящем в той самой бухте.

Сначала я дернулся было на второй этаж, к рации, чтобы срочно связываться с дядей Мишей, потому как корабль мог в любой момент куда-то уплыть, но потом сообразил, что никаких особых причин пороть горячку нет. Это же не самолет, чтобы за несколько часов оказаться на другом конце шарика! Даже до Кубы этой посудине плюхать не меньше недели, а до Европы и вообще как минимум два месяца.

Правда, здешние корабли не так уж редко тонут, но ведь не сразу же по выходе из порта! Короче, несколько дней у нас точно есть. Даже если калоша утонет, ничего страшного. Ведь заполучить находящиеся на ней шары – это программа-максимум, а минимум заключается в том, чтобы их гарантированно никто не трогал, а на океанском дне именно так и будет. Тем более что со временем ничто не помешает нам организовать экспедицию для подъема со дна шаров. А может быть, и не только их.

И значит, теперь я собирался на дачу, чтобы открыть оттуда переход к шару и для начала изучить место, где тот лежит.

Прибыв на дачу, я не кинулся сразу включать аппаратуру, потому как спешить было особенно некуда: время в шестнадцатом веке теперь текло почти в триста раз медленней. Можно было спокойно снять записи с множества понатыканных в гараже и бытовке телекамер и датчиков, внимательно осмотреть оставленные тайные знаки в виде веточек, камушков и якобы просто брошенных кусков провода. Вроде все нормально, признаков чужого проникновения на территорию не наблюдалось. Теперь можно было залезть в Интернет и посмотреть новости – в прошлый раз я делал это более суток назад по здешнему времени. Кроме того, во время последнего сеанса связи с Изначальным островом дядя Миша просил меня обратить специальное внимание на финал одного судебного процесса, где трех девиц судили за непотребное поведение в церкви. Я, честно говоря, не очень понимал, чем майора заинтересовало именно это дело, – потому как, например, он вовсе не следил за ходом параллельного процесса, где судили спортсмена. Тот подрался со студентом из мажоров, а оный возьми да и помри через несколько дней после этого.

Впрочем, не выполнить просьбы было затруднительно, ибо весь Интернет как с цепи сорвался – материалы по приговору пусям-хулиганкам лезли даже на запрос «точило с ручным приводом». Я хотел купить таких десятков-другой, потому как крутить ручку в Форпосте были способны почти все, а обращаться с электроприборами – увы. Но оказалось, что даже «Гугл» не знает, где можно приобрести подобные изделия, – похоже, они уже проходили по разряду антиквариата. Куда катится мир, покачал я головой и наконец сел за аппаратуру управления кристаллом.

Сначала была открыта дыра примерно пятисантиметрового диаметра, за которой оказались какие-то доски. Измерения показали, что шар находится сантиметрах в шестидесяти вперед, и следующий переход я открыл, сдвинув координаты предыдущего на полметра. Так, что-то тут темновато, берем фонарь...

Какая-то длинная, порядка метра, хреновина, завернутая в тряпку наподобие мешковины. Под ней прямоугольный сверток, а все вместе явно является внутренностью довольно большого ящика. Шар, судя по всему, за этой самой палкой в тряпке. Как бы его

достать? Открыть переход еще ближе не получится. Может, расширить этот?

Сказано – сделано. Сначала в мой гараж вывалился прямоугольный сверток размером примерно с кирпич, да так шарахнулся о бетонный пол, будто весил под центнер. Затем удалось вытащить длинную хреновину, за которой действительно оказался шар. Я его сразу узнал, хотя он тоже был завернут в мешковину, да еще обложен чем-то вроде ваты, только коричневого цвета. Протянул было руку, но вовремя опомнился и закрыл переход. Ведь мне нужен не только этот большой шар, но и весь комплект, то есть плюс к нему еще средний и маленький! А как их потом найдешь, без маяка?

В результате примерно десятиминутных раздумий я пришел к выводу, что передо мной всего два пути.

Или не торопясь, спокойно переправить в двадцать первый век содержимое всего трюма. Тогда искомые шары, скорее всего, окажутся у меня. Да, но сколько же времени придется ворочать все это барахло? Учитывая, что его может быть и больше ста тонн. И, кстати, куда девать вытасченное? Не факт, что оно поместится в гараже. Да и вряд ли удастся сохранить столь масштабную разгрузочную операцию в тайне, так что не миновать мне знакомства с экипажем корабля. Что автоматически означает переход ко второму варианту.

То есть, не отвлекаясь на всякие свертки и ящики, проникнуть в трюм, оттуда еще куда-нибудь, где взять пару-тройку языков, вдумчиво с ними побеседовать, а потом действовать по обстановке. Значит, пора связываться с дядей Мишей, без него тут никак не обойдешься. Но перед возвращением в прошлое не помешает глянуть на трофеи. Итак, что это у нас такое длинное и узкое?

Оно оказалось широким бронзовым кинжалом на полуметровой рукоятке из темного дерева, украшенной золотым орнаментом и утыканной небольшими зелеными и красными камнями. Двуручный нож или копье-недоросток? Весомая вещь, признал я, взяв в руки это странное оружие. Пожалуй, им удобнее не колоть, а рубить. Вот только куда бы его теперь загнать и, главное, почему?

Сверток, по форме похожий на кирпич, внутри именно кирпич и содержал, только он отчего-то был серебряный и с орнаментом. Вот ведь невезуха – и почему, спрашивается, его не отлили из золота? Ладно, и такой пригодится, найдем мы ему применение. Двадцать с небольшим кило серебра лишними точно не будут.

Звать дядю Мишу я собирался не только из-за его боевых качеств и знания испанского языка – в свое время он успел побывать и в Никарагуа. Но не меньшее значение имело то, что он мог захватить с собой своих бойцов с Мангаревы. Потому как я уже убедился, что менталитет, или как еще там можно назвать впитанные с молоком матери основы поведения, – великая вещь.

Из уроженцев Хендерсона и Питкэрна нормальные солдаты пока не получались ни у кого и никак. То есть Тим с Ханей, например, очень неплохо стреляли, причем после истории с испанским кораблем они смогут палить и по людям. Но попытки научить их работать ножом ни к чему не привели – даже подумать о том, что себе подобному можно вот прямо так взять и загнать в брюхо острую железяку, было выше их сил. Марик, правда, столь высокой чувствительностью не отличался, но и сообразительностью тоже. Кроме того, он очень плохо стрелял из ружей, предпочитая им лук. Поль моральных тормозов не имел, но из-за своей инвалидности на хоть сколько-нибудь полноценного бойца тоже не тянул. Зато у него начало что-то выходить на воспитательном поприще.

Все-таки мориори были какими-то неправильными аборигенами. Понятно, почему жители Питкэрна и Хендерсона отличались столь мирным характером: когда вас и так меньше, чем требуется для гарантированного выживания, и это ясно многим, воевать как-то совершенно не тянет. Но на Чатеме-то жили две тысячи! Той же Мангареве подобной численности вполне хватало для непрерывных боевых действий в течение почти целого столетия. Которые, кроме всего прочего, выполняли роль регулятора этой самой численности, не давая ей выйти за предел возможности архипелага.

Каковы вообще могут быть механизмы регулирования численности населения?

Эпидемии, прекрасно справлявшиеся с данной задачей в средневековой Европе, отпадают – не было их на Тихом океане. Тогда остаются всего три варианта.

Первый – он, если можно так выразиться, естественный. То есть население растет до того момента, пока ему не становится нечего жрать, и потом балансирует в этом состоянии. Не самый лучший вариант, потому как при нем голодают все, излишков нет по определению, и прогресс начинает идти вспять.

Второй вариант – войны. Здесь наибольшего успеха добиваются самые сильные, агрессивные и рискованные индивидуумы. Но в силу последнего пункта живут они, как правило, недолго.

И, наконец, третий вариант, который удалось реализовать шаманам острова Чатем, – искусственное ограничение рождаемости. Потому как оным совершенно не хотелось рисковать и они понимали, что в случае развязывания войн у власти быстро окажутся совсем другие люди. Поэтому шаманы поддерживали полный запрет на убийство веками и всерьез, а не как, например, практически все ветви христианской церкви. Кой уже больше тысячелетия учили паству, что заповедь «не убий» следует понимать не разумом, а душой, то есть с точностью до наоборот. Вообще-то лично я не видел в этом почти ничего плохого, если бы не один досадный побочный эффект. Выделить одну упомянутую заповедь из общей массы у церкви так и не получилось, в результате чего и остальные тоже понимались и пастырями, и паствой примерно так же. Например, каждый может глянуть в окно и посмотреть, как на практике реализуется заповедь «не укради». А уж по поводу «возлюби» и выглядывать никуда не нужно.

Так вот, по вышеописанным причинам из всей толпы переселенцев-мориори нам удалось хоть как-то научить стрелять из мелкашек всего девять человек. Да и то только по грудным мишеням! Потому что когда одному парню предложили стрельнуть не в два черных квадрата один над другим, а в довольно натурально выпиленного и раскрашенного фанерного человека, стрелку стало плохо. Настолько, что его пришлось отвести к Жене, который потом объяснил мне, что у парня произошел когнитивный диссонанс. Надо же! Я-то считал, что это просто ругательство, а оказалось – медицинский диагноз.

Вот почему мы с Полем решили основную ставку сделать на детей, и сейчас он планировал, как заинтересовать их военными играми. Кроме того, у брата Хани появился еще один план, который лично мне казался насквозь сомнительным. Я вообще собирался ни под каким видом не допускать в новые земли шаманов мориори – хватит, они уже достаточно поработали на Чатеме, пусть там и остаются. До самого того момента, когда туда приплывут новозеландские людоеды и всех на фиг сожрут, в том числе и шаманов, не встретив от островитян почти никакого сопротивления.

Однако Поль считал, что тамошние идеологи уже продемонстрировали недюжинные способности в области управления общественным сознанием в своих интересах. И значит, если им объяснить, что интересы могут быть разными, то от понявших этот факт служителей культа может образоваться большая польза. Я в ответ напомнил про судьбу некоего Камира, но услышал, что он был дурак. А был бы умным, не стал бы противиться моим планам, а постарался бы стать незаменимым для их претворения в жизнь. Он, Поль, собирается беседовать с самыми умными шаманами, а остальные пусть себе остаются на Рекоху.

Однако, ясное дело, и воспитание в нужном ключе детей, и приглашение шаманов не дадут мгновенного результата. И даже не очень мгновенного тоже – процесс растянется как минимум лет на десять. В ближайшее же время пополнение наших вооруженных сил будет происходить за счет мангареванцев, дрессируемых дядей Мишей. А в качестве резерва сойдут те, что недавно явились в Форпост с Бунгом. Вот уж у этих нет никаких внушенных табу насчет приглубить ближнего по тылке хорошей суковатой дубиной! Или выпустить ему кишки коротким копьем с кремневым наконечником. Кстати, надо поинтересоваться, сколько патронов осталось у наших тасманийцев.

Дело в том, что при отбытии я их снабдил боеприпасами с очень хорошим запасом. Зря они патронов почти не переводили, сколько дичи надо было добыть для пропитания

экспедиции за время ее работы, тоже легко считается. Откуда вывод – разницу расчетного и действительного остатка патронов следует отнести на стрельбу по людям. Потому как я вполне допускал, что похождения наших тасманийцев на своей родине могли быть и не так чтобы уж исполнены пацифизма.

Ну а пока следовало вновь отправляться на дачу, откуда начинать нудные и многоступенчатые попытки открытия перехода на Хендерсон, благо дядя Миша уже предупрежден по радио. Будем надеяться, что это в последний раз и по результатам грядущей операции у нас прибавится хотя бы один кристалл, который можно будет с чистым сердцем оставить на Хендерсоне. После чего без особых трудностей посещать колыбель нашей цивилизации хоть по десять раз на дню.

Глава 15

Следующим вечером я с интересом слушал допрос дядей Мишей дона Хулио, суперкарго¹ стоящего в бухте Сан-Хуан корабля. После имени у него шло «де», а дальше еще четыре слова, одно из которых было двойным, но майор посчитал их излишествами и прекрасно обходился без них.

Список вопросов у нас был готов заранее, а ответы тут же переводились на русский, поэтому я не терял нити беседы, несмотря на то что изучение испанского пока находилось в самом начале, – запомнились только слова, напоминающие русские нецензурные и сопутствующие им. Впрочем, таковых в испанском оказалось более чем достаточно. Куда больше, чем в том же английском.

В самом начале беседы дону пришлось объяснить, что Испания, оказывается, находится в состоянии войны с Океанией – так мы решили назвать себя.

– Четыре года назад испанский корабль «Сан Франсиско» совершил неспровоцированное нападение на мирный океанский остров, – внушительно сообщил дону дядя Миша. – Именно в силу того, что поселение было мирным, то есть не готовым к отражению никакой агрессии, бой с вашим кораблем, в результате которого он был уничтожен, сопровождался огромными жертвами с нашей стороны. Погибла замечательная женщина, в честь которой сейчас названа эта земля. Правительство Океании проявило выдержку и не стало немедленно принимать ответных мер, тем самым давая Испании шанс как-то объяснить и компенсировать свое выходящее за рамки допустимого поведение. Но ваша страна не воспользовалась этим шансом, поэтому вчера Высший совет Океании объявил, что с нуля часов сегодняшних суток Испания и Океания находятся в состоянии войны. То, что вы об этом не знаете, – ваши трудности, нас они не касаются. Вы уже имеете представление как о мощи нашего оружия, так и о возможности мгновенно преодолевать огромные пространства.

Тут дон непроизвольно потер здоровенный синяк под левым глазом. А вот нечего было тянуться к шпаге, когда рядом стоит сильно сомневающийся в своей фехтовальной квалификации Попаданец! Кстати, одним из следствий этого необдуманного действия явилось то, что испанец преодолел два межмировых перехода в полубессознательном состоянии и вряд ли мог разглядеть детали своего перемещения. Однако он уже убедился, что сейчас находится в Южном полушарии, – для этого ему хватило взгляда сначала на компас, а потом на солнце. Все-таки, в отличие от московских туристов, человек знал прикладную географию.

– Теперь вы и два сопровождающих вас матроса являетесь военнопленными, – продолжал дядя Миша. – А это означает, что кормить вас начнут не раньше, чем от Испании поступят средства на это. Или вы сами заработаете себе на пропитание, помогая нам разобраться в содержимом трюма. В принципе мы можем прекрасно обойтись и без вас, но

¹ Доверенное лицо фрахтователей судна.

все же хотелось бы сэкономить силы и не тащить сюда малоценные вещи, коих у вас там наверняка немало.

– А что станет с кораблем? – осторожно спросил дон Хуан.

– Опять же зависит от вашего поведения. Если оно будет правильным, то по завершении разгрузочной операции вас переправят туда, снабдив нотой нашего правительства вице-королю Испании маркизу де Вильяманрике. Если же нет, то вместо вас мы обойдемся ящиком аммонала – это взрывчатка, которая раз в пять сильнее пороха. Не думаю, что оставшиеся после взрыва щепки будут хоть сколько-нибудь крупными, – это я про корабль. Лично же вы будете валить лес, пока не сдохнете на этой каторге. Впрочем, в порядке утешения могу предположить, что данный процесс надолго не затянется.

Сидевший рядом со мной Попаданец вздохнул. Он уже озвучил пожелание насчет того, что пленника надо использовать в качестве учителя фехтования, и теперь воспринимал намеки дяди Миши про лесоповал как покушение на свою собственность. Впрочем, по виду дона было нетрудно догадаться, что он совершенно не склонен проявлять неуместный героизм, в силу чего мы вскоре лишимся удовольствия принимать у себя этого дорого гостя. Но кроме него оставались еще два матроса, которые тащили в трюм какой-то ящик, в процессе чего вся компания и была взята за хобот.

Потом дона, попросившего немного времени на раздумья, за неимением специальной тюрьмы отвели в сарай, предназначенный для переходов в случае большой разницы давлений, а мы занялись допросом первого матроса. Ничего интересного про содержимое трюма он нам не сказал. Более того, лично у меня сложилось впечатление, что этот тип вообще никогда и никому не скажет ничего интересного, потому как подобное явно выходит за пределы его скромных возможностей. И вообще допрос чем-то неуловимо напоминал рассказ Чехова «Злоумышленник». Вскоре дядя Миша с облегчением выгнал интервьюируемого на улицу, приказав ждать там, и приступил к беседе с последним гостем.

Этого звали Хосе Мария. Причем дядя Миша объяснил мне, что «Мария» – не отчество по матери и не фамилия, а просто второе слово имени – у испанцев, мол, и не такое бывает. Почти сразу выяснилось, что парень немного знает английский, ибо начал свою морскую карьеру с должности мальчика на побегушках именно на английском корабле. Узнав это, дядя Миша хмыкнул и спросил, так ли уважаемого Хосе тянет возвращаться на родной корабль.

«Уважаемый», услышав такое обращение, примерно на полминуты впал в ступор, а потом заявил, что его туда совершенно не тянет. Потому как за пропажу двух сундуков, кои мы уже перетащили сначала в гараж на даче, а потом в Форпост, накажут обязательно и очень больно. А у нас, хоть он видел совсем немного, ему нравится. Попаданец тут же сбегал за пивом и копченой кенгурятиной, после чего допрос быстро превратился в душевную беседу.

Парень оказался наблюдательным и сразу рассказал, какие именно ящики были загружены вместе с тем, в котором находился интересующий нас большой шар, и где они сейчас лежат. Потом поделился воспоминаниями, что из груза было тяжелее всего тащить при не очень большом объеме. Описал общий план трюма и рассказал, где расположены оба ведущих в него люка. Про второй, кстати, мы были не в курсе. В общем, беседа получилась очень содержательной, в силу чего дону пришлось скучать в сарае не полчаса, как поначалу планировалось, а почти полтора.

Войдя, дон Хулио сразу сообщил, что он готов принять наши предложения, после чего начал рассказывать о содержимом трюма. Но благодаря Хосе дядя Миша уже имел неплохое представление о предмете, поэтому, выслушав несколько фраз, он встал и рывкнул по-русски:

– Врешь, доходяга!

После чего без замаха оформил собеседнику строгий выговор с занесением в печень.

– Класс! – восхищенно шепнул Попаданец. – У меня так красиво не получилось бы.

Когда дон смог разогнуться, майор объяснил уже по-испански, что по нем плачет

дальняя роща, где мало того что эвкалипты диаметром в метр и больше, так еще и полно змей.

Испанец оказался понятливым и больше в своих ответах бросающихся в глаза неточностей не допускал. Он поведал, где малый и средний шары, причем оказалось, что Хосе Мария уже упоминал этот ящик. Подтвердил, что в трюм ведут всего два люка, и нарисовал подробный план. После чего был отправлен обратно в сарай. Дядя Миша сел инструктировать пришедших с ним двух мангареванцев, а мы с Попаданцем отправились в мастерскую, где надо было срочно изготовить четыре стальные полосы с дырками. Операцию по изъятию с галеона всего лишнего было решено начинать через час.

И вот вся наша команда заняла свои места в гараже на даче неподалеку от райцентра Пруды. Дядя Миша сидел на раскладном стульчике, периодически утирая платочком пот с лысины – на улице жарко, солнце, а гараж железный, да к тому же закрытый во избежание чего-нибудь, так что тут была просто парилка. За спиной майора застыли два его гвардейца, им жара нипочем. Я настраивал аппаратуру на трюм. Рядом стоял Попаданец. Свою саблю он снял, так что на ремне висела только кобура с револьвером. В руках он держал только что изготовленные нами стальные полосы и два шуруповерта.

Сзади за событиями напряженно следили два испанца – дон Хулио с письмом для вице-короля и матрос, которого допрашивали первым. Им, собственно, только и оставалось, что смотреть, потому как люди были надежно связаны и аккуратно прислонены к стенке. Причем с северной стороны, хоть тащить туда их было метра на два дальше. Ничего не поделаешь – гуманизм, мы же не собирались никого поджаривать.

Я вывел генераторы на режим и открыл малый переход для уточнения, туда ли мы попали. Оказалось – туда, но для удобства разгрузки тамошние координаты окна лучше поднять сантиметров на двадцать и сдвинуть вперед на полметра. Так, новый переход – теперь уже видно, что получилось в самый раз, можно развертывать его до полного размера. Есть!

Попаданец передал мне две полосы с шуруповертом, нырнул в трюм и сразу свернул налево. Я пролез за ним, но мой путь лежал направо. После нас в трюм просунулись мангареванцы и потащили в гараж ящик с большим шаром. Я тем временем вскарабкался по крутой лестнице без перил и оказался под люком. Сейчас он был закрыт, но запереть его можно было только снаружи, что нас категорически не устраивало. Так что я приложил к люку полосу наподобие засова и быстренько ее пришурупил. Затем – вторую, это уже для очистки совести. И, спустившись по лестнице, встал около ящика, в котором, как утверждал дон Хулио, были золотые слитки. Через несколько секунд рядом образовался Попаданец, тоже заблокировавший свой люк. Затем подошли гвардейцы дяди Миши, и мы начали корячиться, ибо чертов ящик при весьма небольших размерах весил, пожалуй, даже побольше двухсот кило.

В трюме было мало того что ничуть не холоднее, чем в гараже, так еще и довольно мерзко воняло, поэтому мы порядком упарились со своей ношей. Но отдохнуть было некогда, ибо по планам переноске подлежали шесть ящиков.

– Работай давай, отдыхать потом будешь! – вовсю подбадривала меня жаба. – Ты же парень здоровый, Попаданец вообще лось, да и дядя Миша привел нормальных мужиков, хоть и немного мелковатых. Что вам шесть ящиков? Подумаешь, золото только в них. Серебро тоже пригодится, и украшения, с инковских храмов ободранные, лишними не будут, а уж статуэтки из императорского дворца тем более. Ни к чему все это испанцам – у них, не приведи господь, еще от избытка драгоценностей инфляция разыграется! Ты же сам про такое читал в детской энциклопедии.

– Цыц, земноводное! – отвечивал я, вновь ныряя в вонючую полутьму трюма. Хотя, если хорошо подумать, в чем-то моя подруга права...

Кажется, у Попаданца тоже произошел подобный внутренний диалог, потому что он согласился с моим предложением сразу, и мы в хорошем темпе вперли в гараж еще и

здоровенный сундук со статуэтками. Но тут сверху послышался шум голосов, вскоре сменившийся звуками ударов по крышкам люков. И чего, спрашивается, колотить, когда они открываются наружу, думал я, надрываясь над какой-то замотанной в полотно тяжелой хреновиной. И, пропихнув ее в гараж, объявил:

– Шабаш! А то как бы переход сам собой не закрылся.

Мангареванцы подтащили к окну испанцев. Дядя Миша перерезал связывающие донна веревки, вручил ему крестовую отвертку и объяснил, в какую сторону следует отвинчивать шурупы. Затем, вздохнув, добавил светодиодный фонарик за сто рублей, после чего испанцы были выпихнуты в свой трюм. Я закрыл переход. Потом перенастроил аппаратуру и вскоре с наслаждением подставил лицо прохладному ветру, подувшему в гараж из Форпоста. Там уже стоял наготове Марик во главе бригады грузчиков, так что нам, и так вымотанным только что завершившейся работой, не пришлось корячиться еще раз.

Через пять минут перетаскивание было закончено, и я, убедившись, что вся команда благополучно покинула двадцать первый век, шагнул за ней – как капитан, последним покидающий свой корабль.

Естественно, что, чуть отдохнув, мы принялись изучать добычу. Первым делом я убедился, что средний и малый шары находятся именно там, где говорил дон. Надо же, не соврал! Зря дядя Миша так пожадничал, такого хорошего человека можно было снабдить фонариком и за двести рублей. Теперь у нас пять кристаллов. Но, кстати, где же шестой, и почему его вообще не видела моя аппаратура? Ладно, с этим еще будет время разобраться, подумал я, а пока следует продолжить инвентаризацию.

Золото оказалось в виде слитков, то есть испанцы уже переплавили свою добычу, и было его чуть меньше тонны. Неплохо, даже если продавать в десять раз дешевле официальной цены!

Статуэтки в сундуке, захваченном сверх плана, были в основном серебряными. Правда, две совсем маленькие, помещающиеся на ладони, все-таки из золота. Все они были отлиты довольно грубо и представляли собой вариации на тему голого бомжеватого мужика со ступнями как у лягушки, непропорционально большой головой и столь же непропорционально узкими плечами и маленьким членом. В общем, если до переплавки золото из ящиков было чем-то вроде этого, то я вполне понимал испанцев.

Оставалась еще хреновина, завернутая в парусину. Развернув ее, я испытал глубокое разочарование. Тот же бомж, только совсем тощий! И, главное, даже не серебряный, а фарфоровый. Зачем, спрашивается, он нам нужен?

Однако стоп, больно уж эта статуя тяжелая, я ведь над ней чуть пупок не надорвал. А раз она явно не представляет никакой художественной ценности, то, значит, самое время взять в руки кувалду.

Четырех ударов вполне хватило. Статуя действительно оказалась не цельнофарфоровой, а на довольно массивном каркасе, скорее всего, из серебра, но главным было то, что внутри она содержала все три недостающих шара. Теперь понятно, почему моя аппаратура видела только одну точку в пространстве, а финальная настройка всегда получалась со сдвигом! Вот они, родимые. Большой в голове, средний в верхней части груди, малый в районе диафрагмы. От пупка и ниже статуя пока оставалась целой, и я не видел причин продолжать молотобойные упражнения. Лучше аккуратно вытащить шары, а то мало ли.

Когда я их извлек и упаковал в пузырчатую полиэтиленовую пленку, подошел Попаданец с электроножовкой в руках.

– Больше нам от этой бижутерии ничего не нужно? – уточнил он. – Даже если каркас из серебра, его тут кот наплакал.

Получив подтверждение, Александр быстро перепилил балку, на которой держалась вся конструкция, – она выходила из нетронутой нижней части статуи наподобие позвоночника. Затем поставил получившийся огрызок вертикально.

– Гляди-ка, вполне даже ничего! – сообщил он, обойдя результат своих усилий кругом. – Очень, я бы сказал, напоминает произведение искусства. Прямо почти Венера Милосская, только другого пола и обломанная в несколько ином ракурсе. Ты не против, если я это возьму себе? Давно мечтал в прихожей поставить что-нибудь этакое, а тут оно само подвернулось.

Пока я соображал, чем таким ядовитым надышался в трюме Попаданец, что хочет утащить совершенно явный артефакт в двадцать первый век, он уточнил:

– Не в Волжский, разумеется, я еще не совсем рехнулся. Пусть стоит здесь, в Форпосте.

– Ты же живешь в палатке!

– Вот именно, все никак руки не доходили заняться строительством, а тут вон какой удобный повод образовался. В общем, пора обуустраиваться – сам ведь говорил, что здесь скоро начнется зима.

– Очень хорошо, – обрадовался я, – действительно, прямо завтра начинай строить, причем с хорошим таким подвалом.

– Ты что, прямо под моим жилищем хочешь устроить тюрьму?

– Вот еще, это пока не к спеху. А вот золото надо где-то хранить, ведь моя резиденция подвалов не имеет. Так что пусть твой дом будет по совместительству еще и Форт-Ноксом, статуя же пойдет в качестве авансового подарка на новоселье. И, кстати, зови дядю Мишу, Поля и Женю, будем отмечать успешное окончание операции и твое будущее новоселье заодно. Пиво доставай, кенгурятину тащи, а я пока сбегая за кока-колой, водкой и еще одним подарком, чтобы, не откладывая, вручить тебе все сразу.

Глава 16

Как и ожидалось, уже следующим утром Попаданец прибежал ко мне с вопросами по поводу второго подарка – винтовки здешнего производства. Она была сделана под нарезной ствол калибром 7,62, коих я в свое время купил в Штатах семь десятков. К ним у нас имелось около десяти тысяч калашниковских патронов-семерок, приобретенных частью мной в тех же Штатах, а частью дядей Мишей в Хорватии во время его вояжа за деньгами. Собственно говоря, это была третья моя попытка создать простое и эффективное оружие, пригодное для тиражирования в наших условиях, но две предыдущие дядя Миша забраковал по результатам испытаний. Однако сейчас он вернул мое изделие, сказав, что придраться не к чему, – в рамках техзадания, понятное дело. Ну а я решил подарить винтовку Попаданцу, который последнее время увлекся охотой.

– Спасибо, конечно, но почему она барабанная? – спросил Саша, даже не выпив предложенного чая из местных цветов. – Ведь история однозначно показала, что это тупиковая ветвь развития. И почему к ней прилагаются только холостые патроны – кого тут надо пугать?

– Мне история ничего такого не показывала, – возразил я. – Насчет патронов объясню чуть позже, а пока давай разберемся с самой винтовкой. Все правильно, конкуренции с магазинной она не выдержала. Во-первых, потому что барабанка всегда будет чуть тяжелее. А во-вторых, ее дольше перезаряжать. Промышленность же к концу девятнадцатого века была вполне готова массово производить и магазинные винтовки, и, главное, патроны к ним – десятками и сотнями миллионов штук. У нас же все не так. Конкурировать этому изделию предстоит не с магазинными винтарами, а с аркебузами и мушкетами, в самом крайнем случае с фузеями. Зато тот факт, что она выходит проще самой простой магазинки, для нас очень важен. Ну не осилить тут сейчас никому, кроме меня, изготовление даже мосинки! А эту сделали, причем я руками почти не вмешивался, просто раздавал указания. Но это все-таки не самое главное. Оно в удивительной всеядности барабанной схемы в отношении патронов. Например, у твоей барабан сделан под калашниковский патрон. Которых я тебе не дал, потому как это стратегический запас, у нас их даже немного меньше десяти тысяч штук. А стволов почти семьдесят, и у каждого заявленный ресурс – десять тысяч выстрелов!

Реальный, я думаю, будет даже больше. И где прикажешь добывать миллион патронов?

А то, что я тебе приложил к подарку, – это, строго говоря, не холостые, а монтажные, называются МПУ-3. Во второй коробке – пули. Значит, сначала суешь в барабан пулю, потом патрон, и так шесть раз подряд. После чего можешь стрелять – получится ничуть не хуже, чем с боевыми. Которые стоят в десять раз дороже, это если покупать их в Америке, куда еще надо сначала попасть. Этих же МПУ я без всякого геморроя купил два ящика и заказал еще пять, причем за смешные деньги. И чего ты чай-то не пьешь? Я, между прочим, почти час сидел в Интернете, пока нашел, как выглядит здешнее чайное дерево. Да потом еще полдня ездил по острову, его разыскивая. В общем, бери сахар и слушай дальше. Возможность переходов не вечная, она когда-нибудь кончится, причем может сделать это и довольно скоро – года через полтора по времени того мира. И если мы расстреляем все притащенные из двадцать первого века патроны, а делать своих в достаточных количествах еще не научимся, то барабаны можно будет просто заменить на безгильзовые и набивать их дымным порохом. Согласен, получится не фонтан, но все же лучше здешних мушкетов. И уж всяко намного лучше, чем просто ничего, а с магазинными винтовками, тем более с автоматами, именно так и выйдет.

Я отхлебнул чая и продолжил:

– Но это еще не все. Предположим, кончились у нас те самые семь десятков стволов. Так у барабанки замена ствола занимает пять минут! Отвернул гайку на цанге, вытащил старый ствол, вставил новый, затянул гайку – и можно идти пристреливать винтовку. Нарезать стволы я уже кое-как научился. Правда, у моей продукции кучность получается хуже и ресурс всего полторы тысячи, но зато труб-заготовок уже сейчас куплено две тонны. Остальное же можно ковать хоть вручную из металлолома.

– Кстати, а гайка с внутренним конусом для цанги – очень непростая в изготовлении вещь, – заметил Попаданец. – Я как-то раз пытался такую сделать в школьной мастерской, полдня мучил станок, а получилось все равно хреновато.

– Резцом небось маялся? Тогда ничего удивительного. Я использовал конусную развертку один к десяти, ею получается за один проход и без хоть сколько-нибудь заметных трудностей. Ну а внешний конус на ствольной коробке – это вообще ерунда, его у меня ученики уже через две недели точат.

Потом Александра заинтересовало – а почему все-таки там продольно-скользящий затвор, неужели обычный курковый механизм намного сложнее?

– Действительно, сложнее, – подтвердил я, – хотя и не намного. Но главное тут в другом. Если зазора между барабаном и стволом никак не герметизировать, то оттуда в момент выстрела будет прорываться часть пороховых газов. И чем мощнее патрон, тем это явление неприятней. Те барабанные винтовки, что делались в конце девятнадцатого века, по сути своей были просто револьверами с очень длинным стволом и прикладом. В них использовались маломощные револьверные патроны. Есть, правда, система, когда прорыву газов препятствует соответствующим образом сделанное дульце гильзы, заходящее в проточку ствола при движении барабана вперед. У нагана, например, такая конструкция. Но тут свой недостаток – отдачу воспринимает не рамка, а рычажок-толкатель, который по определению особо прочным не сделаешь. То есть схема годится только для патронов с энергией до трехсот джоулей. У меня же обтюрация, то есть недопущение прорыва газов, достигается тем, что барабан, двигаясь вперед, насаживается цековкой соответствующей камеры на выступ ствола, – конструкция простая в изготовлении и дубовая в эксплуатации. Сзади же барабан подпирает массивный затвор, при повороте рычага фиксирующийся в ствольной коробке тремя выступами. Я проверял – он без повреждений выдерживает даже выстрел полноценным винтовочным патроном, а не промежуточным, как у нас.

К концу чаепития явился дядя Миша, и вскоре мы втроем отправились к ангару, где три дня назад была закончена сборка первого из двух заложенных самолетов – «Шаврушки». Сухопутного аэродрома в Форпосте пока не было. Правда, в полукилометре от поселка

имелся довольно ровный луг длиной метров двести, но я не хотел рисковать и взлетать с него на ни разу не поднимавшейся в воздух машине. С воды тоже не очень хотелось, потому что до сих пор как-то не приходилось. Однако дядя Миша уже приобрел опыт взлетов с воды и посадок туда же, да к тому же он уже испытывал один самолет нашего производства. И теперь согласился опробовать второй, после чего по-быстрому показать мне, как взлетать и садиться в лагуне.

Наш путь пролегал мимо объекта, носящего гордое название «механический завод». Как и положено нормальному промышленному гиганту, он был вынесен за городскую черту, и довольно далеко, почти на двести метров.

Главный производственный корпус имел размеры пять на десять метров, то есть по площади превосходил даже мою резиденцию, не говоря уж о прочих постройках Форпоста. Второй его отличительной особенностью являлись окна во все стены, сделанные из поликарбоната. Потому как работа на станках требует хорошего освещения, и желательно, чтобы оно было естественным. Рядом стояло странное сооружение, больше всего похожее на русскую печь под крышей, но без стен. Из боковой стенки печи торчали трубы, идущие к трем большим стальным бакам. Это была электростанция, совмещенная с химзаводом. Так как вряд ли кому доводилось видеть подобную комбинацию или даже читать о ней, то тут лучше объяснить поподробней.

Итак, вы собираетесь поставить в большом сарае несколько станков и работать на них, что подразумевает немалый расход электроэнергии: ветряками тут не обойдешься. Правда, рядом протекает речка, на которой можно построить плотину и небольшую ГЭС, но на это нет ни ресурсов, ни свободных рабочих рук. Зато лесопилка работает вовсю, и с дровами нет никаких проблем. Сделать паровую электростанцию? Поначалу я так и собирался, но, когда прикинул объем работ по изготовлению паровика, большую часть которых нельзя будет спихнуть даже на Попаданца, передумал. Потому как вспомнил, что обычный бензиновый двигатель может работать и на дровах, для этого нужен не такой уж сложный газогенератор. Однако, вникнув в проблему, я решил не копировать сделанных кем-то образцов, а разработать свой. Который будет давать не только газ, но и много других полезных вещей, получающихся при нагревании древесины без доступа воздуха, именуемом пиролизом.

В обычном газогенераторе сразу происходят и горение, и восстановительные реакции, и пиролиз древесины. Я же решил разделить эти процессы. Потому как на КПД мне было начхать – дров более чем достаточно. Размеры меня тоже не волновали, мастерские стоят на месте. А вот возможность помимо газа получать еще и древесный уголь, а кроме него – еще много чего полезного, оказалась очень кстати. Так что основой моего генератора стала кирпичная печь, нагревающая трехсотлитровый бак с дровами, которые к концу реакции превратятся в древесный уголь. Из средней части бака выходила полуторадоймовая труба, изогнутая змейкой и охлаждаемая вентилятором. Тут конденсировалась древесная смола.

Из верхней части бака тоже имелся отвод, ведущий к дистиллятору с тремя рабочими зонами. В первой при температуре сто пять градусов конденсировался толуол. Вторая имела градусов девяносто, оттуда помаленьку тек раствор уксусной кислоты с добавлением бутилацетата. Наконец в последней зоне поддерживалась температура порядка семидесяти пяти градусов, там осаждалась смесь метанола с ацетоном. Газы же, пройдя все три дистиллятора, охлаждались настолько, что их уже можно было подавать в переделанный бензогенератор. Правда, качество газа получалось так себе, там было слишком много двуокиси углерода, поэтому движок развивал примерно треть своей паспортной мощности. Но нам этого вполне хватало. Именно этот завод в результате недельных усилий, произведя не меньше полуцентнера всякого брака, выдал винтовку, недавно одобренную дядей Мишей и только что подаренную Попаданцу. Я надеялся, что выход на плановую мощность не затянется больше чем на квартал, после чего наш арсенал начнет пополняться пятнадцатью – двадцатью винтовками в месяц.

Четыре ангара из тех же теплиц, что и на Хендерсоне, стояли у самого берега лагуны.

Как уже говорилось, «Шаврушка» была готова. Второй самолет, двухпоплавковый бомбардировщик, в первом приближении тоже, но вообще-то, если по уму, его следовало немного переделать. Ибо я уже испытал его фюзеляж в режиме глиссера, с ветерком прокатившись по лагуне, и обнаружил весьма неприятную вибрацию моторамы. У копии же Ша-2 ничего подобного не было.

Она очень незначительно отличалась от первого экземпляра, и эти отличия заключались в моторах. Оные были сделаны на базе тех же китайских джи-иксов, но карбюраторы имели не переделанные родные, как в первый раз, а жигулевские. И они уже были перенастроены под работу на спирту. Мы не собирались мешать его со скипидаром, как российские умельцы, или с бензином и бензолом, как бразильцы. Ведь все это делается исключительно для уменьшения гигроскопичности топлива – вода отлично растворяется в спирте, вот он и сосет ее из атмосферы. То есть если вы перенастроите топливную систему своего автомобиля и зальете в бак спирт, то поначалу мотор будет работать прекрасно. Но на следующий день – заметно хуже, а потом и вовсе встанет. Потому как в топливе может быть уже до десяти процентов воды, особенно в местах с высокой влажностью воздуха. Но выход есть, и он очень прост – после каждой поездки досуха сливать спирт из бака в герметично закрывающиеся канистры, а перед следующей вновь его заливать. Такое абсолютно неприемлемо для автомобиля или мотоцикла, но вполне допустимо для самолета, в силу чего я решил не портить топливо всякими ненужными добавками, к тому же снижающими мощность. Кроме, разумеется, примерно полутора процентов касторки, которые в любом случае не помешают движку, созданному для наземного применения, но установленному на самолет.

После заправки бака дядя Миша занюхал рукавом, удовлетворенно крикнул и сообщил: – Вещь! Ты и мне как-нибудь сделай спиртовые комплекты, переставить карбы я смогу сам, а гнать есть из чего и на Хендерсоне, и на Питкэрне. Кстати, у меня там бензина осталось не так уж много, неполные двести литров. Подбросишь? Дизеля пока не надо, его хватает.

Получив подтверждение, майор снял кроссовки, закатал штаны и прошлепал по воде до покачивающейся у самого берега «Шаврушки». Там опять обулся, запустил движки, и вскоре наш «борт номер два» ушел в свой первый, совсем короткий и низкий полет. За ним последовал второй, уже подальше и повыше. Потом третий, продолжавшийся минут пятнадцать и закончившийся посадкой на том самом лугу, про который у меня были сомнения. Когда я подбежал туда, дядя Миша прокомментировал:

– Отлично! Говоришь, прибавилось двадцать процентов мощности? Никогда бы не подумал. Совсем стала другая машина, просто сказка, а не аэроплан! Садись, покатаю, ему теперь и половины такого поля хватит для взлета.

– И меня не забудьте, я второй в очереди! – счел нужным напомнить Попаданец.

Вечером мы с майором и двумя его гвардейцами отправились в двадцать первый век. Пока я маялся с открытием мини-перехода на Хендерсон, потом ждал, пока к месту подплывет лодка с дежурным, чтобы вручить ему шест с кристаллом, дядя Миша написал несколько писем. Причем не электронных, а допотопных бумажных, в конвертах с марками. Из молодого поколения мало того что их уже почти никто не видел – так небось многие вообще не подозревают о наличии такого сервиса, считая, что связь может осуществляться только по Интернету или сотовому телефону. Мне предстояло проехать в Тверь, где и бросить их в ящик на ближайшей почте.

В этих цидулях майор обращался к тем своим знакомым, которые, по его мнению, могли помочь с нелегальной продажей большого количества золота – естественно, в завуалированных выражениях, до конца понятных только отправителю и адресату. Потому как продать испанцам взятое у них же золото было бы неплохо, но что они за него могут дать? Их инструменты не выдерживают никакой критики, оружие еще хуже, ткани несуразно дороги и отвратительны по качеству, а корабли требуют экипажа такой численности, до которой всему населению Форпоста еще расти и расти. Хотя, конечно, на безрыбье и рак

рыба, и в письме вице-королю содержалось и предложение о торговле, но мы решили все-таки сначала попытаться реализовать свои трофеи в двадцать первом веке. По дешевке, само собой, потому как хоть сколько-нибудь убедительно легализовать такое количество золота невозможно.

Правда, Попаданец заявил, что он может найти наши драгметаллы в виде клада, закопанного лично Стенькой Разиным на дне Волги, но у меня сразу появилось сильное подозрение, что в этом случае Саша мгновенно сядет по первой же попавшейся статье, а золото сначала якобы станет вещдоком, а потом тихо и незаметно растворится в неизвестном направлении. В ответ Матрохин напомнил мне про случай с кладом, найденным в каком-то питерском доме, и сказал, что озвученный мной вариант вовсе не обязателен, но мы все же решили сначала посмотреть, что получится у дяди Миши. Потому как безопасно найти можно несколько николаевских червонцев, зарытых на огороде прабабкой, или, в крайнем случае, небольшой серебряный сервиз каких-нибудь Нарышкиных. А попробуйте-ка отрыть, например, один из давно разыскиваемых кладов Чингисхана! И пискнуть не успеете, как придете в себя за решеткой, откуда, если сильно повезет, будете наблюдать, как вашу долю увлеченно делят посадившие вас, а потом ее у них отнимают вышестоящие. Но такой благодатный вариант маловероятен – скорее всего, вы скончаетесь в камере в первую же ночь от острой сердечной недостаточности – она сейчас пользуется особой популярностью в диагнозах, – это если будете хорошо себя вести. А если плохо, то от побоев, которые сами же себе и нанесете.

Наконец мне удалось отправить дядю Мишу на его остров, к молодой жене и дочке, которая, по его утверждениям, уже всю начала говорить. Надо будет как-нибудь зайти в гости, потому как майор взял с собой один из комплектов шаров, и отныне посещение Изначального значительно упрощается. Ну а пока пора ложиться. С утра же садиться на «девятку» и ехать в Москву, где поработать пару дней во благо отечественной космической отрасли, а то она последнее время что-то совсем захирела. За это время закупить в магазинах медтехники катетеров Пеццера под номерами от восемнадцатого до двадцать четвертого. Причем, что интересно, данный заказ я получил не от Жени, а от Попаданца. Оказывается, тетива его чудо-рогатки была сделана именно из них! И получилась лучше продающихся за немалые деньги импортных.

Потом наступят выходные, я быстренько съезжу в Тверь, после чего вернусь домой, в свой особняк на Манюнином острове.

Глава 17

В конце мая, то есть перед самой зимой, «Мечта» отправилась на Чатем, увозя на борту Поля. Он решил рискнуть – зимой более вероятны штормы, но зато ветер практически всегда дует с запада, то есть он будет попутным. С собой младший посланец вез комплект шаров, которых у нас теперь скопилось настолько много, что риск утопить один стал рассматриваться как в принципе допустимый. Пора было вербовать на том архипелаге новых переселенцев.

А вообще я начал задумываться о постройке настоящего корабля, то есть большого, водоизмещением тонн как минимум в пятьдесят. А может, и сто, ведь древесина «эвкалипта охранительного» по прочности не уступает дубу. Этот корабль будет иметь классическую схему, а не катамаранную. Потому как опыт показал, что «Мечта» уже имеет предельные размеры, при которых начинаются проблемы с прочностью во время сильного волнения, и с увеличением водоизмещения у двухкорпусного судна эти проблемы будут только усугубляться. То есть мне предстояло поглубже вникнуть в теорию кораблестроения, и этому довольно оригинальным образом помогло мое последнее появление на работе.

Во время одного из перерывов, когда я прогуливался в мини-скверике на территории института, где теперь собирались курильщики, потому как внутри здания смолить недавно запретили, ко мне подошел уже знакомый писатель. И начал выражать благодарность за

детальное описание торсионного генератора, которое очень помогло ему в работе. Сообщил, что книга про нетрадиционных вампиров недавно закончена, а ее отрывки собрали благостные отзывы в Интернете.

Я прикинул, с какой скоростью пишет этот тип, и чуть не офигел, но потом вспомнил историю написания «Игрока» – его Федор Михайлович создал еще быстрее. Правда, подобное так и осталось единичным случаем. Да и мой собеседник ну очень далеко не Достоевский. Но чего от меня хочет этот якобы писатель – ведь его речи весьма смахивают на вступление?

Почти сразу выяснилось, что я прав. Дело в том, что писатель собирался вернуться к пиратской теме, но его несколько смущали плохие продажи и весьма невесторженные отзывы о первой книге про флибустьеров. Все правильно – кто ж ему виноват, если он только из ругательных рецензий узнал, что ют – это, оказывается, вовсе не самое глубокое место в трюме, а бушприт находится отнюдь не на корме и к тому же не стоит вертикально. И, значит, мне было предложено подработать техническим консультантом, а в качестве платы – горячая благодарность в авторском предисловии плюс какая-то часть гонорара.

Тут лицо инженера человеческих душ приняло настолько трагическое выражение, что моя жаба заржала как лошадь.

Я уже не раз замечал, что первые порывы часто бывают ошибочными, поэтому никуда не послал писателя, а быстро прикинул, какая тут может образоваться польза, помимо на фиг не нужной благодарности и мизерного кусочка от грошового гонорара. И предложил:

– Знаете что, а давайте-ка вы в письменном виде назначите меня своим представителем. И я буду от вашего имени списываться с нужными людьми и просить их о консультациях, потому как никто на свете не знает всего, и ваш покорный слуга в том числе. Насчет благодарности – ваше дело, а гонорар мне без надобности, вам он нужнее. Я же поработаю на энтузиазме, просто чтобы поддержать переживающую не самые лучшие времена отечественную литературу. Согласны? Тогда давайте свой электронный адрес, я пришлю туда «рыбу» доверенности, вы ее заполните, распечатаете, подпишете, после чего даю гарантию – с технической стороны ваши тексты станут безукоризненными.

Писатель предоставил мне доверенность в тот же день, а вместе с ней всучил флешку с уже написанной частью своего творения, которое мне предстояло привести хоть в какое-то соответствие с физикой, химией, механикой, историей кораблестроения и, как я сильно подозревал, со здравым смыслом тоже. Впрочем, прямо сразу бросаться читать меня совершенно не тянуло, да и вообще пусть этим занимается Попаданец, он любит книги про наших там, так вот ему еще одна. Я же перед поездкой в Тверь отправил электронное письмо на одну небольшую фирмочку, строящую деревянные корабли по заказам. В коем в полном соответствии с имеющейся доверенностью представился тем самым писателем. И спросил, хотят ли они, чтобы в моем новом творении была описана не какая-то абстрактная корабельная контора, а конкретно их, вплоть до полного названия и точного адреса.

Тут, конечно, имелся риск, что люди уже читали творения моего писателя и поэтому сразу пошлют меня сексуально-пешеходным маршрутом, но я счел вероятность такого события небольшой, ибо авторов сейчас много. В общем, дальше шло краткое изложение сюжета. Скорее всего, он не имел ничего общего с тем, чем собирался осчастливить человечество мой доверитель, но точно я этого утверждать не мог, ибо, как уже говорилось, флешку не читал и даже не планировал такого насилия над организмом. Вместо этого я пустился в описание своей эпопеи – разумеется, стараясь держаться как можно дальше не только от действительно имевших место фактов, но и логики вообще. Правда, катамаран «Мечта» был описан довольно точно, я даже приложил несколько отсканированных эскизов.

Вернувшись из Твери вечером в воскресенье, я проверил почтовый ящик и с некоторым изумлением обнаружил там ответ. Причем по его прочтении недоумение плавно переросло в офигение. Мне сообщалось, что мое предложение принимается, можно задавать любые вопросы, а будет желание – съездить в Петрозаводск и своими глазами посмотреть, как и из чего делаются корабли. Затем шел довольно благожелательный отзыв о книге «Бомбардир»,

принадлежащей перу моего писателя. Неужели среди его творений было одно приличное? Впрочем, каких только чудес не случается под луной.

Потом следовал разгромный отзыв на мои эскизы. Начинался он с того, что перемышка при явно избыточном весе в нескольких местах имеет совершенно недостаточную прочность. Эти места перечислялись, причем первыми – те, где нам с Полем действительно пришлось корячиться со сваркой во время шторма. Следом меня ставили в известность, что примененный способ уборки грота методом поднятия реи и обмотки паруса вокруг нее и мачты – он только до первого, максимум до второго шторма. Потому как при достаточно сильном ветре развяжется все, что в принципе может развязаться, мой парус развернется, после чего катамаран очень быстро перевернется. И на закуску шел разбор формы корпусов, из которого следовало, что их можно было сделать и с меньшим волновым сопротивлением, при этом конструкция только упростилась бы.

Так как ни малейшего повода для спешки не было, я скопировал письмо, после чего вернулся на Манюнин остров. Где первым делом сел за рацию и, связавшись с Полем, пересказал ему мнение авторитетного человека про наш катамаран. В ответ услышал – наиболее слабые места уже усилены, про остальные он будет иметь в виду, ветер хоть и довольно сильный, но до шторма ему далеко, а в случае приближения оного Поль лично проследит, чтобы парус был привязан как следует и после этого дополнительно обмотан шпагатом. То есть никаких причин прерывать плавание нет, тем более что ветер дует с кормы и вернуться будет куда труднее, чем доплыть до Чатема.

Из радиорубки я отправился на стройку, где Попаданец возводил свое будущее жилище, и вручил ему флешку. И уже вечером смог пронаблюдать, а точнее – услышать, результат: из Сашиной палатки периодически доносился громкий хохот. Мне стало даже интересно – это что, настолько веселая книга?

– А как же, – подтвердил Попаданец, – куда там какому-то Петросяну! Вот, цитирую навскидку: «Капитан сверкнул орлиным взором и выхватил из ножен булатную персидскую алебарду». Дальше читать?

– Спасибо, не надо, – покачал я головой. – Сам-то осилишь это до конца без обращения к Зябликову?

– Разумеется, я же регулярно читаю современную попаданческую фантастику, а там через две книги на третью встречается и не такое. Кстати, насколько я помню, «Бомбардир» – сравнительно неплохая книжица, она у твоего знакомого была первой. Живенько так написана, хотя, конечно, фирменный стиль автора чувствуется уже и там. Прикинь – первый же встреченный рязанский крестьянин, например, тут же сообщил герою, что сейчас идет тысяча пятьсот какой-то год от Рождества Христова, а потом угостил салатом из помидоров со своего огорода. В воздухе при этом надоедливо жужжали гниды. Мне до такого точно не додуматься! Короче, зря ты на него бочку катишь, нормально пишет чувак, с фантазией. Не надо было в детстве голову всякими Гоголями и Толстоевскими засорять, вот и не идет в тебя современная литература.

Под влиянием вечернего чтения, которое, судя по звукам, затянулось до ночи, прямо с утра Попаданца осенила идея. Он заявил:

– Молодец твой писатель! А то меня все мучили подозрения – вдруг испанцы согласятся на наши предложения? Как будто мы для них пупки рвали, таская золото, прямо как негры на плантации! Нечего всяких подкармливать, оно нам самим пригодится.

– Мысль здравая, только писатель-то здесь при чем?

– Так у него герой, едва провалившись в семнадцатый век, пошел на базар и за гроши купил там поясное зеркало, чтобы было перед чем бриться и причесываться. Да они тогда стоили ненамного меньше, чем если бы их целиком отливали из золота! И качество даже у самых лучших до современных образцов сильно недотягивало. Так вот, если испанцы все-таки вздумают торговать, надо предложить им стекла и зеркала. Вроде тех, что ты вчера притащил для моего дома. Почем они, кстати?

– Четырехмиллиметровые? Пятьсот рублей за квадратный метр. А зеркала примерно в

два с половиной раза дороже.

– Вот и замечательно, пусть испанцы дают за них платину – по весу и в десятикратном размере.

– Да ты что? – возмутился я без всякой подсказки от жабы. – Какие тут могут быть десять? Как минимум надо множить вес стекла на пятьдесят. То есть за такое, что я привез тебе, запросим двести пятьдесят кило платины. Ну а зеркала пустим в три раза дороже. Небольшие, а те, что в рост человека или выше, пойдут как спецзаказ и по особым ценам. Испанцы же сейчас платину считают всего лишь ложным серебром и если используют, то в качестве балласта для кораблей. А то и вовсе выбрасывают. Вот только как-то мне не очень верится, что они будут торговать. Мы же им сначала утопили корабль, а потом реквизировали почти тонну золота и ящик статуэток, не считая всякой мелочи. Думаю, они или вовсе не станут связываться, или пошлют военную экспедицию. Собственно, дядя Миша из этих соображений и написал письмо – чтобы было на чем проводить натурные испытания торпед и авиабомб.

Разумеется, в том письме приводились координаты вовсе не Флиндерса и даже не Хендерсона. В качестве места для торговли мы указали атолл Дьюси, лежащий примерно в трехстах шестидесяти километрах на восток от Изначального острова. Это был кольцевой коралл с лагуной внутри, общий его диаметр составлял примерно два километра, а ширина обрамляющей лагуну полоски суши – от ста до двухсот метров. Судя по «Гуглу», в лагуну имелся вход, где, скорее всего, пройдут наши катамараны со своей осадкой в полметра, а сама она – неплохой аэродром для «Шаврушки». Весной дядя Миша собирался сплавить туда на «Тритоне» и своими глазами посмотреть, что это за место. Если оно окажется подходящим, то он на время перевезет туда свой шар, мы закинем через переход стройматериалов и создадим там нормальную базу, против которой будут бессильны любые деревянные корабли вплоть до девятнадцатого века. Если же никто не станет проверять ее на прочность, там будет просто наш торговый порт.

Однако все это если и произойдет, то в достаточно отдаленном будущем. В самом быстром варианте, то есть когда вице-король примет решение об экспедиции сам, без консультаций с Мадридом, и она будет состоять из одного корабля, поэтому не потребует много времени на сборы, да еще найдет атолл Дьюси с первого раза... В общем, даже при этих условиях гостей следует ждать не раньше чем через два года. Или позже, если хоть одно из условий нарушится.

Но я хорошо помнил, что чувствовал, увидев летящее прямо в «Аврору» ядро, и хотел приложить все силы для недопущения ничего подобного в будущем. Торпеды и бомбардировщики – это, конечно, здорово, но их применение ограничено погодными условиями. Независимы же от них только пушки.

Мои полуавтоматические двадцатисемимиллиметровые, коих у нас было две штуки, – очень серьезное оружие против шлюпок, но вряд ли они смогут быстро нанести существенный ущерб даже не очень большому кораблю. Значит, настала пора делать нормальные орудия калибром миллиметров сто.

Разумеется, они получатся хреноватыми даже по меркам русско-японской войны, но ничего лучшего нам пока не осилить, хоть я вывернись над ними наизнанку. Тем более что противостоять им будут не броненосцы адмирала Того, а в худшем случае деревянные линейные корабли, а то и вовсе галеоны.

По результатам экспериментов я уже принял решение, что стволы наших орудий должны быть нарезными, потому как опыты с оперенными снарядами не дали хоть сколько-нибудь приличных результатов. В общем, лучше один раз помучиться со стволом и потом не знать горя при стрельбе, чем наоборот. Тем более что в принципе инструмент для нарезки ствола большого диаметра сделать даже проще, чем для маленького. Правда, возиться с ним придется куда дольше, тут уж никуда не денешься. Причем я уже почти сделал этот самый инструмент.

В качестве источника заготовок для резцов отлично подошел пильный диск с

твердосплавными напайками. Пятнадцать минут возни с алмазной шарошкой – и у вас в руках один зуб на стальной полосе заранее размеченной формы. Еще час, это если с перерывами, – готов комплект, то есть четыре штуки. Они устанавливаются в стальной цилиндр с прорезями, гнездами для разжимающих резцы конусных болтов и шестигранным отверстием в центре. За один проход по стволу такая головка создаст четыре нареза глубиной около пяти сотых миллиметра. Семь-восемь проходов – первые четыре нареза готовы, головка поворачивается на определенный угол, и строгание начинается по новой. И так до тех пор, пока нарезов потребной глубины не наберется тридцать два.

Правда, у некоторых может возникнуть вопрос – с какого перепугу эти самые нарезы получатся спиральными?

А для чего, по-вашему, у меня именно шестигранное отверстие в центре головки? Она идет по шестигранному прутку. Если он будет прямой, то и нарезы выйдут прямыми, но нам такие не нужны, и я уже пробовал, хорошо разогрев, закручивать прут в спираль. Получилось, кстати, даже лучше, чем я надеялся, ибо шаг закрутки вышел переменным. Так это и замечательно, если нарезы в конце ствола будут круче, чем в начале! Люди специально изобретают для этого всякие хитрости, а у меня оно как-то само получилось.

Но одной головки, пусть даже с витым направляющим шестигранником, для изготовления ствола мало. Нужен станок, где будет зажата заготовка, а какой-то механизм начнет потихоньку проталкивать через нее мою головку. Основа же практически любого станка называется станиной.

Поначалу у меня была мысль попытаться ее отлить, потому как в детстве я как-то попробовал силы в художественном литье и испортил аж полтора обеденных сервиза, а кроме того – читал книгу Дюма «Асканио». Но, подумав, пришел к выводу, что этого багажа знаний и навыков не хватит. То есть когда-нибудь, разумеется, придется вникать в тонкости чугунного литья, но станина-то мне нужна прямо сейчас! И раз ее нельзя отлить, эту железяку надо сварить из рельсов.

– Ты их что, покупать собрался? – тут же среагировала жаба.

– Вот еще! Неподалеку от моей дачи есть кусок заброшенной ветки, оттуда и позаимствуем. Но перед этим надо сцепить все три форпостовских трактора цугом и замерить развиваемое ими тяговое усилие. Чтобы знать, какими порциями зараз тащить рельсы из будущего, где они все равно когда-нибудь проржавеют до шпал, в светлое прошлое.

Глава 18

Зима шестого года новой эры, то есть одна тысяча пятьсот восемьдесят пятого от Рождества Христова, выдалась суровой. Весь июль температура даже днем не поднималась выше плюса восьми градусов, а ночью иногда падала почти до нуля. Более того, целых два раза выпадал снег! Правда, таял он быстро, через два-три часа. Но я все равно беспокоился за грядки с новозеландским льном, коих неподалеку от Форпоста было две штуки.

Хоть Новая Зеландия и находилась не очень далеко от нас, эти растения были родом не оттуда, а из цветочных магазинов города Москвы.

Ростки первой разновидности имели по три-четыре листика и пятнадцать-двадцать сантиметров высоты, стоили по сто сорок рублей штука и были доставлены в мой гараж бесплатно, потому как я заказал сразу полсотни. Но все-таки они не очень походили на фото новозеландского льна из интернета, хоть курьер и уверял меня, что это самый настоящий «формиум тенакс». Да, но почему он тогда лиловый с какими-то желтыми полосками по краям листьев? Ах, сорт такой? Ладно, черт с ним, сойдет.

Но на всякий случай я купил и других ростков, правильных, то есть зеленых. Эти были вдвое выше и куда разлапистей, но зато стоили чуть за тысячу, так что жаба позволила мне приобрести только десяток. За ними, блин, пришлось еще ехать в Балашиху.

Вся эта ботаника весной была высажена метрах в ста от моего дома, обнесена забором,

чтобы местная фауна ее не погрызла, и вроде неплохо принялась, но тут потихоньку началась зима. И теперь меня одолевало беспокойство – не погибнут ли растения от холода? За них же деньги плачены, и не такие уж малые! Не сравнить со всякими семенами, которые стоили такие копейки, что цифр не запомнила даже жаба.

У меня даже мелькнула мысль накрыть грядки пленкой, но, подумав, я от нее отказался. Ибо развожу не цветы, а промышленную культуру, смысл в которой будет только тогда, когда она сможет расти на открытом грунте и с минимальным вмешательством человека. Этот формиум даст волокна, самые прочные из всех растительных, но не прыгать же ради них вокруг каждого куста! В общем, пусть пока выживают сами по себе, а я посмотрю на результат.

Лен, как ни странно, нормально перенос холода – погиб только один кустик, да и то малоценный, то есть лиловый. Однако зима вышла трудной не только для растений, но и для людей.

Нет, все пришельцы из двадцать первого века чувствовали себя прекрасно. Мориори тоже неплохо переносили холода, на их острове иногда случались подобные зимы. Тасманийцы вообще не видели в погоде ничего особенного – получив армейские полушерстяные одеяла, они даже не каждый день топили печки-пошехонки в своих маленьких бытовках на южной окраине Форпоста. Но вот уроженцам Хендерсона и Питкэрна пришлось туго. Пациенты у доктора Зябликова не переводились, один даже ухитрился схватить воспаление легких, но, будучи исколот антибиотиками, через две недели поправился. А вот дети, даже грудные, почти не болели – видимо, их акклиматизация прошла быстрее и легче.

В начале августа появилась еще одна хорошая новость – моя подруга Таня наконец-то забеременела. А то я уже начинал беспокоиться – тружусь регулярно, то есть два раза в неделю как минимум, а иногда под настроение и каждую ночь, а результата все нет и нет! Но вот он появился, и вторая обитательница моего дома, Света, решила, что теперь настал и ее час. Она проявила недюжинные знания арифметики, сосчитав, что если три года назад ей было четырнадцать лет, то сейчас уж всяко никак не меньше семнадцати, а то и вовсе восемнадцать. То есть она уже вполне взрослая и просто не понимает, почему я до сих пор обхожу ее своим вниманием. Так как девочка действительно выглядела практически как положено женщине, и при этом довольно привлекательной, – естественно, устоять перед ее напором я не смог. Что, впрочем, не вызвало у Тани никакого неудовольствия.

Но, ясное дело, все эти маленькие семейные радости были для меня только фоном. Не могу точно сказать, хорошо оно или плохо, но это так. Возможно, некоторые посчитают меня моральным уродом, но подобное вообще неизбежно. При желании в Интернете, который в значительной мере является слепком современного общества, можно найти мнения, объявляющие уродством что угодно. Причем не только моральным и с уже предложенными рецептами типа «бей козлов».

И наутро после своей победы Света была поцелована и отправлена на кухню, а я сел разбираться с ответом, присланным из Петрозаводска на мое письмо от имени писателя. Потому как там содержалась не только критика «Мечты», но и положительный пример того, как люди строили катамараны, причем задолго не только до двадцать первого, но и до шестнадцатого века.

В качестве этого примера фигурировал катамаран «Хокулеа», что в переводе с полинезийского означает «путеводная звезда». По современным данным, это Арктур. Так вот, в семидесятых годах группа энтузиастов создала реплику древнего судна, на подобных которому тысячу и больше лет назад и происходило заселение Океании. Они мало того что построили этот катамаран, так он потом совершил несколько удачных плаваний с Гавайев на Таити и обратно! Идя поперек преобладающих в том районе ветров и течений, а иногда и просто против ветра.

Дальше в письме приводились эскизы и фотографии, при первом же взгляде на которые

я с удивлением увидел нечто весьма знакомое. Да это же катамаран Поля, который мы в немного увеличенном виде воспроизвели в Форпосте в количестве трех экземпляров! Силовой набор перемычки практически один в один, та же самая полужесткая конструкция, допускающая перекося корпусов градусов на пятнадцать – двадцать друг относительно друга. И форма поплавков очень похожа, только у Поля она чуть поглубже, почти без закруглений, но геометрия довольно близка. Так что, на этих недомерках можно пускаться в трансокеанские плавания?

Тут я повнимательнее пригляделся к фотографиям, глянул на размеры, мелкими, почти нечитаемыми циферками обозначенные на эскизах, и офигел. «Хокулеа» оказался не только значительно больше «Тасмании», но и процентов на тридцать крупнее «Мечты»! Как же так? Почему мой корабль со стальным силовым набором и формой корпусов, слезанной с аналогичных по водоизмещению катамаранов двадцать первого века, проигрывает древней полинезийской посудине почти по всем статьям? Кроме разве что скорости, про которую в описании ничего не сказано. Хотя... вот же блин! Среднее время в пути от Таити до Мауи – тридцать пять дней, то есть немного быстрее, чем у «Мечты» в нашем плавании от Хендерсона до места, где шторм вынудил нас повернуть к Чатему. И это при том, что площадь парусов у «Хокулеа» меньше, чем у моего творения в его последней модификации, водоизмещение больше, а движки вообще отсутствуют! Почему так получилось – я же при проектировании внимательнейшим образом читал книгу Крюкова и Лапина «Парусные катамараны»...

Неужели судостроение за последние полторы тысячи лет так сильно деградировало? И люди, научившись клепать огромные стальные коробки с мощнейшими силовыми установками, разучились делать то, что было естественным для народа, наследники которого сейчас с моей помощью приступили к колонизации Австралии, хотя знают об этом всего несколько человек.

Убедившись, что письмо из Петрозаводска больше никаких откровений вроде не содержит, я отложил его и задумался. Похоже, теперь уже совсем не факт, что наше новое судно будет иметь один корпус. А мне действительно не помешает съездить в гости на берега Онежского озера, причем в ближайшее время, пока оно не замерзло. Или, наоборот, подождать до зимы, тогда у людей будет гораздо меньше работы, и они станут с большим энтузиазмом просвещать писателя-недоучку? Пожалуй, вот это лучше прямо у них и спросить. А пока сделать паузу в судостроении, благо дел у меня и без него очень даже хватает. Это, между прочим, обычный прием разработчика – в случае получения новых сведений по теме, которые приходят в явное и непримиримое противоречие с уже имеющимися, надо не пытаться тут же применить их на практике, а сделать паузу. Тогда они потихоньку уложатся, и вместо противоречия образуется некий сплав, который при некотором везении сможет стать основой для интересных технических решений. Тем более что у меня имелось еще одно срочное дело – двухпоплавковый самолетик моей конструкции, предназначенный для бомбардировки кораблей противника бутылками из-под кока-колы.

Я, собственно, уже проанализировал, отчего моя фанерная моторама трясется, как овечий хвост, и собирался заменить ее на сварную стальную, но все-таки этот путь мне казался не самым лучшим. Во-первых, даже самые приблизительные расчеты показали – она получится хоть и немного, но тяжелее, что мне не очень нравилось. А во-вторых, интуиция явно намекала на «свято место пусто не бывает». Да, жесткая стальная моторама, скорее всего, не будет вибрировать. Она просто передаст вибрации моторов на центроплан! Где они могут быть и не так заметны, но от этого не станут менее опасными. Дерево же гасит тряску куда лучше металла, и значит, для начала надо попробовать просто заменить березовую фанеру на что-нибудь иное, и желательно местное. Самому, что ли, попытаться склеить ту же самую фанеру, но из эвкалипта?

Но тут я вспомнил последнее увлечение Попаданца – лук. Он утверждал, что охотиться с ним можно ничуть не хуже, чем с мелкашкой, и уже начал что-то клеить из казуарины. Эти высокие кусты во множестве росли вокруг Форпоста и пока считались почти бесполезными

растениями, пригодными только на удочки, колья и дуги для палаток, ну и на дрова. Слишком уж тонкими были их длинные прямые стволы, чем-то похожие на бамбук. Все правильно, но для моторамы такого маленького самолетика и не нужно толстенных бревен! Сама же древесина действительно сравнительно легкая и очень прочная, особенно на изгиб. Значит, пора делать казуариновую переклейку и смотреть, как она себя поведет в качестве заменителя фанеры. А потом, получив первые результаты, идти в двадцать первый век, лезть в Интернет и смотреть, что уже было сделано другими в этом направлении, но ни в коем случае не наоборот, чтобы не было поводов абсолютизировать чужой опыт.

Вообще-то на ближайшее время у меня был запланирован режим «две недели тут – два дня там». Из соображений, чтобы ожидание ответов на письма дяди Миши не затянулось слишком надолго. Он говорил, что ждать придется примерно неделю, но ведь если сидеть в шестнадцатом веке безвылазно, тут за ту неделю пройдет лет пять. Так и испанцы смогут приплыть, а мы еще не примем решения, что нам делать с нашим золотом!

Надо сказать, что за время моих хроноприключений отношение к двадцать первому веку поменялось уже в третий раз.

Сначала, после первых посещений Хендерсона, я возвращался в Москву как домой. Но потом место, считаемое домом, переместилось на остров, а в Москве меня стало раздражать буквально все. И запахи, которые раньше совсем не замечались, а теперь вдруг стали назойливо бить в нос, и суeta на улицах, и некомпетентность начальства на работе, а уж если заглянуть в Интернет... короче, тьфу и еще раз тьфу.

Недавно же все как-то незаметно изменилось еще раз – я стал воспринимать свои появления в Москве как экскурсии. Сначала она больше напоминала мне зоопарк, потом цирк, а последнее время я смотрел на нее просто как на экзотику. Да, временами тут интересно. Девушки вон довольно красивые попадают, некоторые так и вовсе ничего, почти как наши на островах. Правда, таких мало, в основном какие-то мымы. И в телевизоре тоже изредка мелькают вполне приличные мордашки – например, эта новая звезда, как ее, то ли Маня, то ли Соня. В общем, которая из Иванова. Смыть с нее косметику и немного подучить говорить по-русски – получится вылитая тасманийка Зина. То есть все не так уж плохо и временами довольно привлекательно, но жить тут? Нет уж, увольте, у меня есть место куда лучше.

Ближе к вечеру, напив сучьев казуарины и засунув их в сушилку, я зашел в оружейную мастерскую. Она встретила меня монотонным «вж-ж-ж», и оно было неплохо, ибо намекало, что пока все идет нормально. А вот если бы станок молчал, а шумели два работающих на нем переселенца с Чатема, это означало бы еще один ствол, отложенный в кучу брака.

Мой способ изготовления нарезных стволов, окончательно принятый в производство после долгих экспериментов, с первого взгляда мог показаться гибридом классической нарезки при помощи копира и однозубого резца, используемого аж с пятнадцатого века, и дорнирования. Главное требование, которое я предъявлял самому себе при разработке, – это чтобы в конце концов все операции могли производиться рабочими очень низкой квалификации, потому как других у нас пока не было, а как появятся, им сразу найдется чем заняться и без возни с кучей одинаковых стволов.

В качестве заготовки брался полуметровый отрезок бесшовной холоднокатаной трубы из стали 40Х размерностью 16×4,5, то есть внешним диаметром шестнадцать и внутренним семь миллиметров. Сначала внутренняя поверхность трубы разворачивалась до семи с половиной миллиметров, а затем хонинговалась – все это делалось на обычном токарном станке «Корвет-402». Затем будущий ствол зажимался в нарезном станке, и начиналась тягомотина, сопровождаемая монотонным жужжанием редуктора электромотора.

Устроено же нарезное приспособление было довольно просто, хоть и немного посложнее, чем подобное для пушечных стволов. Там рабочая головка была объединена с копиром, ходившим по завернутому шестигранному прутку, просунутому прямо внутри

ствола, и имела сразу четыре резца, способных за один проход снимать по пять соток. С ружейными стволами так не получалось, и копир был сделан отдельно. Он представлял собой сантиметровой толщины латунный диск с шестигранным отверстием в центре, закрепленный в поворотном держателе. Сквозь этот копир проходил скрученный шестигранный прут, только заметно меньше, чем предназначенный для пушки. В его дальнем торце был закреплен пруток серебрянки с выступающим зубом победитового резца ближе к противоположному концу. И вот, значит, мотор через редуктор начинал двигать шестигранник, который, проходя через копир, потихоньку поворачивался в процессе поступательного движения. И ташил за собой пруток с резцом, за один проход делающим канавку глубиной в одну сотку. Мало? Но больше нельзя – ствол может не выдержать и покособиться, да и с удалением стружки возникнут проблемы.

После прохода рабочий переключал полярность включения мотора, и резец начинал пятиться обратно. При этом он заглаживал небольшие неровности, оставшиеся после первого прохода. Наконец он высовывался со стороны казенника, мотор останавливался, и рабочий подкручивал на один оборот выступающий с торца прута винт, что вызывало выдвижение кончика резца еще на сотку, и начинался следующий проход, коих надо было сделать пятнадцать. Затем повернуть копир в держателе на шестьдесят градусов, затянуть болты и начинать потихоньку выгрызать следующий нарез, коих всего должно быть шесть.

Последней операцией было протягивание через ствол дорна из вольфрама, который должен был всего лишь самую малость скруглить края нарезов и замазать неизбежные задирки. На столь сильное ограничение его функций я пошел ради уменьшения усилий, воздействующих на станину и ствол. В моем варианте они не превышали ста килограммов, а при попытке дорнировать нарезы за один проход трех тонн оказалось недостаточно для протягивания, но вполне хватило для деформации и станины, и ствола. В общем, тише едешь – дальше будешь, это люди подметили еще задолго до меня. Отработав технологию, я за четыре часа получал довольно приличный ствол, от аборигенов же в идеале требовалось одно изделие в сутки. Но пока с этим наблюдались небольшие трудности. То есть люди действительно каждый вечер выдавали по стволу, но два из трех отправлялись в ящик для брака, которому еще предстояло найти применение. Однако, кажется, процесс все же пошел. Вчера мне был выдан вполне приличный ствол, а сейчас уже подходил к концу последний, шестой нарез, а заготовка все еще не запорота!

Но все-таки в финале трудяги чуть не отправили ее в ящик, забыв перед протяжкой дорна смазать ствол дисульфидом молибдена, однако я был на стреме и не допустил этого. Смена закончилась, и радостным рабочим были вручены два зеленых талона, по которым они могли отовариться на складе со всякими дешевыми тряпками и галантереей. Если бы ствол ушел в брак, талоны были бы желтыми, на которые давали в три раза меньше. Подсобным рабочим и уборщикам выдавались красные, стоившие вдвое меньше желтых.

Впрочем, люди работали в мастерских не только за бумажки из-под принтера. Им очень нравился тот факт, что вся эта хитрая механика жужжит, гремит и что-то сама делает, а они, такие умные, ею управляют, причем иногда даже правильно. Ну и уважение, конечно, – рабочие механической мастерской пользовались почти таким же почетом, как химики, гнавшие спирт и дизтопливо для моторов нашей колонии.

Глава 19

Все-таки жалко, что Поль у нас только один. Потому как среди аборигенов Хендерсона начало что-то происходить, а последнее время вокруг них стали чаще и в больших, чем обычно, количествах кучковаться прибывшие с Чатема, а я не знал, в чем тут дело. Правда, вполне возможно, просто потому что не спрашивал. Привык, что Поль расскажет обо всем интересном без навязывающих вопросов, а зря.

Вообще-то ситуация мне немного напоминала ту, что сложилась в России на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков. Тогда правящий класс настолько отделился от

народа, что они и говорить-то начали на разных языках! А социальный лифт если и работал, то только внутри классов, и случаи перехода из одного в другой стали единичными. Правда, имелось одно существенное отличие. В России элита старалась всеми силами укрепить имеющееся положение дел и даже усилить его, а мы вроде бы пытались делать наоборот. То есть всячески поощряли успехи туземцев в изучении русского языка, а путь в руководящие выси был теоретически открыт для каждого. Да, но прошел-то по нему пока всего один человек...

Спросить, что ли, у Хани, что происходит?

Однако я этого сделать не успел – она явилась ко мне сама. И, изредка заглядывая в бумажку (вот он, прогресс, а я еще жаловался!), произнесла небольшую речь. Из коей следовало, что все племена под моим руководством достигли больших успехов на пути к светлому будущему. Хендерсонцы начисто забыли, что такое жажда и голод. Женщины с Питкэрна перестали смотреть на мужчин как на недостижимую роскошь и тоже в среднем пополнили, а переселенцы с Чатема уже почти привыкли к тому, что перед каждым актом любви не нужно бежать к шаману и спрашивать разрешения. Более того, тасманийцы начали носить юбки, а наиболее продвинутые – даже штаны. поголовье интеллигенции перевалило за десяток и продолжает увеличиваться, причем интеллигентов первого ранга уже целых трое, и это не считая ее, Хани. Поэтому весь народ новых земель очень интересуется вопросом – когда же к нему придет новый священный зверь, приносящий счастье?

Я чуть не ляпнул сдуру что-то вроде «тоже мне нашла проблему», но вовремя прикусил язык. Вам вдруг снова захотелось погладить кошку? Тогда вперед, к преодолению трудностей, которые этому мешают! Так что девушке было сказано:

– А ты уже начала читать четвертый том энциклопедии?

Ханя смущенно потупилась – она начала с десятого, про литературу и искусство, и пока не очень далеко продвинулась даже в этом.

– Но я же смотрела картинки – там совсем ничего нет про священных зверей!

– Во-первых, ты смотрела невнимательно, немножко все-таки есть. А во-вторых, я вам про кошек и сам все расскажу, когда понадобится. Но вот про весь животный мир мне просто не хватит времени (про то, что и знаний тоже, я уточнять не стал). В общем, выбери человек десять самых достойных и начинай им читать по вечерам.

– И когда мы все прочитаем, ты приведешь к нам приносящего счастье?

– Ну... – задумался я, – сначала, пожалуй, его младших родственников.

Дело было в том, что пока аборигены еще не поняли, что одно и то же животное может выглядеть очень по-разному, потому как ничего четвероногого на их островах вообще не водилось. И вряд ли они посчитают беспородных разноцветных котят полноценными священными зверями, но вот младшими родственниками – запросто. Завести же их действительно пора – по Форпосту уже начали шмыгать какие-то мелкие зверюшки, которые лично мне очень напоминали крыс. Да и в доме, пожалуй, кроме двух жен для красоты не помешает еще и кошка.

Ну и появится время придумать, каких сияющих высот должна достигнуть колония, чтобы в ней появился самый настоящий, неподдельный священный зверь, то есть мэйн-кун.

В этот заход параллельно со мной собирался посетить двадцать первый век и Попаданец.

– Решил уволиться, – сообщил он мне. – Пока ты там ждешь ответа на письма, я подам заявление об уходе и подпишу бегунок. Не думаю, что меня будут уговаривать отработать положенные две недели, – смысла нет. Тем более что мое место нужно директрисе для будущего мужа дочери.

Охреть, подумал я. Даже в таком, казалось бы, совершенно глухом в смысле денег месте, как школа, и то плетутся какие-то интриги с подсиживанием! Почти как в космической промышленности, но там-то хоть понятно, из-за чего.

– Насчет денег ты не совсем прав, – уточнил Саша. – Последнее время учителя

получают сравнительно немало – у меня, например, чистыми выходило порядка тридцати тысяч в месяц. Для Волжского это очень и очень неплохие деньги.

Мне захотелось плюнуть, причем не на пол, а в рожу тому, кто установил такие порядки. Учитель считает тридцать тысяч приемлемыми деньгами. Блин! Кто должен в нормальном обществе получать больше всех? Врач, учитель, инженер и тот, чья профессия по определению сопряжена с постоянным риском! Плюс руководитель, но только если он головой отвечает за порученное ему дело. Вот как-то так – перед назначением, например, на место главы нашей отрасли кандидат подписывает бумагу, что в случае продолжения падения спутников и взрывов ракет, которые потом приходится стыдливо объявлять «нештатным режимом работы двигателей», он сядет не меньше чем на десять лет. Как при Сталине, только сейчас, в силу сложившихся реалий, в приговор нужно обязательно добавлять конфискацию. Вот тогда такой руководитель начнет вместо устройства пьяных драк с последующим лечением в лучших клиниках на цыпочках прыгать вокруг тех конструкторов и рабочих, которые действительно что-то могут. Периодически вежливо вопрошая «чего изволите». Эх, мечты, мечты... А на самом деле – министр здравоохранения лечится за границей. Дети министра образования учатся там же. Директорам же оставшихся от Советского Союза автозаводов и в голову не приходит ездить на своей продукции хотя бы на работу.

Тут я вспомнил одну дорожную аварию, во время последнего визита в Москву широко обсуждавшуюся в Интернете, и предложил:

– Раз уж ты сделал выбор и теперь, как это уже решено, возьмешь на себя вопросы культуры, то начинай думать о том, во что и как будет верить народ Океании. Ибо религия является неотъемлемой частью практически любой культуры, и мне как-то не хочется пускать это дело на самотек. Потому как на выходе тогда можно получить даже менее приемлемую картину, чем в будущем, куда мы сейчас собираемся, хоть это и трудно себе представить. Вернется Поль – и его подключим, но ты помаленьку прикидывай варианты уже сейчас.

– Тогда ты хотя бы вкратце расскажи свою биографию, а то как же мне жития святых писать? – с невинной физиономией осведомился Попаданец.

– То есть что значит как? Из головы! Как там положено говорить – по откровению? Только уточни применяемую терминологию – и пиши себе на здоровье. Но все-таки я бы советовал начать не с меня, дяди Миши или Жени, а с кошки. Ведь она уже успела стать священным зверем! Вот вокруг этого можно начинать что-то строить, мы же все в твоих писаниях если и будем фигурировать, то на вторых или даже третьих ролях. Потому как нам еще предстоит наделать прорву ошибок, которые, как ни старайся, все равно могут остаться в памяти людей и потом дать почву для всяких разоблачений с последующим низвержением кумиров. С этой точки зрения кошка представляет просто идеальный вариант, так что ты, пожалуйста, не пожалей фантазии на увековечивание ее короткой, но воистину подвижнической биографии.

По прибытии в Москву я убедился, что на письма дяди Миши, как и ожидалось, ответов еще нет, и полез в Интернет поинтересоваться насчет зверья. Причем мне нужны были не только котята, проблем с которыми не было вообще никаких, народ так и рвался пристроить их в хорошие руки, но и более практичные животные. Например, куры.

Когда мы только-только высадились на Флиндерс, здешних птиц можно было добывать хоть вручную, палками, но вот их яйца приходилось искать, и далеко не все вили гнезда на земле. Большой частью птички предпочитали деревья, причем достаточно высокие, на которые просто так не залезешь. Но это было терпимо, и в тот момент я решил не вешать себе на шею еще и курятник. Однако теперь ситуация изменилась – птички оказались не дурами и покинули окрестности Форпоста. Или их тут просто всех съели, точно не знаю, но теперь даже за голубями приходилось бегать как минимум на пятнадцать километров. С другой стороны, народу у нас прибавилось, и сейчас можно было выделить пару-тройку

человек присматривать за курами. Тем более что у дяди Миши на Хендерсоне они жили уже третий год, жрали все подряд и при этом исправно неслись.

А вот заводить свиней мне совершенно не хотелось. И дело тут было не только в личной неприязни к этим представителям фауны, хоть и она имела место вследствие их свинского поведения в машине и гараже при транспортировке на Питкэрн. Просто даже на Флиндерсе еще оставалось достаточное количество кенгуру, включая довольно крупных, со среднюю собаку размером. За ними, правда, тоже приходилось бегать, сами они в кастрюли не запрыгивали, но тасманийцы пока с этим прекрасно справлялись. Тем более что их родина, где водятся кенгуру чуть ли не с корову, совсем рядом, и совсем ненамного дальше лежит огромная Австралия. В общем, ради мяса и шкур связываться с животноводством вроде рановато. Но ведь кроме них есть еще и молоко, которое, как и его производные, пока приходилось таскать из двадцать первого века исключительно для маленьких детей. В силу чего я по примеру кота Матроскина задумался было о корове, но вовремя вспомнил детство.

Тогда мне часто приходилось бывать в деревне, и я видел, на что способна рассерженная буренка. Если же учесть, что к ней должен прилагаться еще и бык, которому что-нибудь может не понравиться... да эта скотина будет гонять аборигенов по всему острову, пока ее не насадят на копье тасманийцы! И хорошо, если жертвы только этим и ограничатся. Тогда, значит, надо купить козу? Ее молоко, говорят, полезней коровьего, а из шерсти, как я совершенно точно знал, можно вязать носки. С другой стороны...

Коза, конечно, не сможет учинить такого погрома, как корова, но все же данный зверь один черт покажется аборигенам слишком большим и страшным. Жалко, что молочный скот не имеет в своем составе более компактных существ, примерно как крысы, но что поделаешь! Хотя, пожалуй, можно будет выбрать такую породу коз, у которой рога не торчат остриями вверх, а закручиваются бубликом. Или это они такие у диких архаров? Короче, пора вводить в поисковик слово «коза».

Что удивительно, «Яндекс» почти сразу нашел мне нечто весьма близкое к идеалу, то есть компактных коз, которые шли по разряду декоративных. Утверждалось, что оные существенно меньше обычных. Правда, стоили они довольно дорого, особенно те, что вообще без рогов. Жаба тут же сообщила мне, что учебно-тренировочная коза просто обязана быть рогатой, иначе у аборигенов могут выработаться неправильные навыки, которые потом аукнутся при переходе к козам нормального размера. Так что я выбрал самую дешевую пару, еще по телефону сбил цену до двадцати пяти тысяч за две головы разного пола, после чего договорился, что завтра утром приеду за ними в Мытищи.

Следующим вечером я отправился в Форпост прямо на машине. На переднем пассажирском сиденье стояла корзинка с двумя котятами – черно-белой кошечкой и рыжим котом. Сзади расположились коза с козлом, которые оказались не только небольшими, но и очень воспитанными животными – они не орали, не пытались бодаться и не проявляли желания унавозить машину. В багажнике из двух коробок пищали цыплята – я их приобретал в двух местах, а то вдруг попадутся какие-нибудь генномодифицированные, не способные размножаться. А вот от приобретения кроликов я пока решил воздержаться, потому как прочитал, во что эти прожорливые твари ухитрились превратить Австралию, которую я считал уже в какой-то мере нашей.

Мини-ковчег марки «ВАЗ-2109», преодолев семь метров и четыреста двадцать семь лет, вкатился на мощенную булыжником автостоянку перед моим особняком. Пока она была одна на всю Океанию, но скоро к ней должна была добавиться вторая, перед домом Попаданца. Причем более современная – Саша собирался залить ее бетоном. Моего появления уже ждали, потому как при отбытии я сообщил Хане, что в этот раз привезу младших родственников священного зверя. И они с Тимом уже стояли у края замощенного булыжником квадрата, а чуть в стороне толпилось еще человек пятнадцать, причем, кажется, не только с Хендерсона, но и с Чатема. Я выгрузил живность, Ханя осторожно приблизилась и впала в недоумение. Нет, цыплята она сразу исключила из числа возможных родственников,

но выбрать между козами и котятками пока не могла. Осторожно потрогала рыжего, который в ответ попытался ее царапнуть, отдернула руку и с сомнением уставилась на козлиные рога. Наконец она, видимо, пришла к какому-то выводу и затараторила:

– Младшие священные звери – вот эти, маленькие? Какие красивые... а они хоть немного подрастут или останутся как сейчас? Но кто тогда вон те, большие? Их тоже можно погладить или они начнут кусаться? Ник, зачем им эти острые штуки на головах? И почему они так странно говорят – совершенно не похоже на «мяу»?

– Потому что это козы, которые и не должны мяукать, они ни с какой стороны не родственники священного зверя.

– Значит, не могут принести счастье, – разочарованно протянула Ханя. – Тогда зачем эти козы вообще нужны? Бунг недавно добыл трех больших валлаби, и мяса у нас очень много.

– Если бы ты прочитала четвертый том энциклопедии или хотя бы внимательно рассмотрела картинки в нем, то не задавала бы таких глупых вопросов. Самой-то не стыдно, интеллигент первого ранга?

Ханя потупилась, а я, выдержав паузу, прочел краткую лекцию:

– Коза, даже такая маленькая, является рогатым скотом. Почему рогатым? Да потому, что вот эти острые штуки у нее на голове называются рогами. Ими, между прочим, можно бодаться, то есть разогнаться и, наклонив голову, с размаху вонзить в противника.

Услышав мое разъяснение, девушка с опаской отодвинулась от потянувшегося к ней козлика и спросила:

– Они будут вонзать свои рога в наших врагов?

– Нет, во врагов вы сами будете стрелять из винтовок, рогатый скот, даже крупный, тут не поможет. А козы могут давать молочные продукты.

– Что?

– Детскую смесь «Агуша», – начал я перечислять то, что время от времени притаскивал из Москвы, – брынзу, сметану «Домик в деревне», сливочный маргарин и сырки «Дружба». Но не просто так, а в обмен на уход и заботу. Вот сейчас, например, их не помешает покормить.

– Сухим кормом или рыбой?

– Травой, причем желательно молодой и сочной, – вздохнул я и подумал, что, кажется, недооценил все грядущие трудности шерстяного и молочного животноводства.

Глава 20

Перед возвращением в Форпост я позвонил Попаданцу, отправившемуся в будущее за пять минут до меня, и услышал, что у него все в порядке, изменений нет. То есть в заранее согласованное время от меня требовалось на четыре секунды выравнять времена в обоих мирах – Александр утверждал, что теперь ему этого хватит, а вероятность паразитных проникновений будет уменьшена. Поэтому перед самым переходом я присоединил к большому золотистому шару средний, выждал, разобрал конструкцию и только потом отправился в Форпост. Там, в темпе распахив привезенную живность по домам (котят) и сараям (всех остальных), включил рацию и начал вызывать Попаданца.

– Да здесь я, здесь, на Диле, рядом с Северной бухтой, – тут же пришел ответ. – Когда сюда что-нибудь приплывет? А то волны довольно приличные, явно великоваты для моторки.

– «Тасмании» они нипочем, но как-то не хочется плавать ночью, однако придется – если выйти прямо сейчас, обратно ей засветло не успеть. Может, переночуешь на острове, а я с самого утра за тобой сплываю? Можно, конечно, прилететь на амфибии и сесть в Западной бухте, но я как-то пока не настолько уверен в себе как пилоте, чтобы летать по такой погоде.

– Никаких проблем, переночую, не суетись. Тем более что у меня сейчас с собой довольно много барахла, еще небось и не влезет в самолет. В общем, жду тебя завтра в

первой половине дня, а пока пройдуся по Дилу, посмотрю, не выкинуло ли сюда еще кого-нибудь. Следующий сеанс связи в двадцать один ноль-ноль, согласен? Тогда до вечера.

Ранним утром я глянул на свою метеостанцию, убедился, что резкого ухудшения погоды вроде не предвидится, и отправился к причалу, где стояла уже готовая к отплытию «Тасмания», после похода на родину сданная Бунгом Власу. Кроме него, на борту имелся Марик, ибо, раз барахло Попаданца может не влезть в самолет, то, значит, его придется кому-то тащить. Четыре часа под свежим западным ветром – и мы вошли в пролив, разделяющий Дил, Дувр и Эрис. Здесь пришлось запустить дизель, но ненадолго, минут на пятнадцать. На берегу нас уже ждал Александр. Причем не пустой – рядом стоял прислоненный к засохшему деревцу велосипед, а на земле лежали два здоровых тюка, гитара и несколько плотно набитых полиэтиленовых пакетов. То есть Попаданец повел себя как человек, а не как двуногое недоразумение, за время ожидания перетащив весь груз из Северной бухты в Западную, – он знал, что мы прибудем именно сюда.

Мы поздоровались, Саша еще раз подтвердил, что минувший переход обошелся без побочных эффектов и, кроме него, на острове больше никто не появился. После чего мы втроем бодро закинули барахло на катамаран, и я скомандовал отплытие. Влас нормально управлялся с катамараном всю дорогу до Дила, так что и обратно доберется без посторонней помощи, решил я и поинтересовался у Александра, кивнув на гитару:

– Ты что, играешь?

– Да как сказать, – хмыкнул он, – три аккорда знаю твердо, и иногда получается изобразить четвертый.

– Надеешься, что тут у тебя будет время повисить квалификацию?

– Куда же оно денется, раз именно мне придется заведовать культурой? Музыка же является ее неотъемлемой частью, так что все равно ее придется как-то развивать. Опять же попаданец я или кто? С патронами ты и без меня прекрасно разобрался, у тебя тут есть и такие, и сякие, и промежуточные. Попасть на прием к Сталину и прибить Хрущева пока проблематично, так что остается только во всю глотку орать Высоцкого, чем я и собираюсь заняться.

Я не стал спрашивать, с какого боку тут оказался Никита – наверное, это какой-то чисто попаданческий фольклор. А вместо этого рассказал Саше о последних новостях Форпоста, относящихся к миру зоологии.

– Думаешь, твои декоративные козы начнут давать молоко? – усмехнулся он.

– Продавец утверждал, что козочка будет давать по литру в день пять месяцев в году, – пожал я плечами. – Если даже он и соврал, то это все равно не помешает аборигенам учиться доить животное. В конце концов, сейчас нам важен не результат, а именно сам процесс.

По прибытии в столицу Океании выяснилось, что в одном из пакетов, привезенных Попаданцем, содержится пиво, потому как он, по его выражению, созрел для разговора на серьезную тему. Женя был занят, да и вообще наш доктор считал, что если уж пить, то что-нибудь крепкое, так что вечером мы с Сашей взяли копченой рыбы и поднялись на второй этаж, потому как кухня сейчас была занята: там что-то готовила Таня при посильной помощи Светы.

Вопрос, вдруг взволновавший моего гостя, при ближайшем рассмотрении оказался если и не стар, как мир, то ненамного моложе.

– Ты ведь собираешься построить здесь чистую административно-командную систему, – сказал он таким тоном, будто только что сделал величайшее открытие, грозящее перевернуть основы мироздания. – В принципе неплохо, но как быть с ее экономической неэффективностью по сравнению с системой, основанной на саморегулирующихся механизмах рынка? Ведь это уже доказано историей.

От удивления я поперхнулся пивом.

– Да где же это ты Попова начитался? Он ведь притих, если мне не изменяет память,

еще до твоего рождения!

– Где-где, в Интернете, там и не такое найти можно. И он, кажется, писал вполне разумные вещи.

– Разумеется, – подтвердил я, – и при этом практически не врал и не передергивал. Просто взял и остановил свои выкладки ровно на половине пути, причем так, что читателям казалось, будто все необходимое уже сказано. Талант, на голову выше всяких там современных околоскремлевских имиджмейкеров и спичрайтеров! И начал он, кстати, с описания именно достоинств административной системы. Они, по его утверждению, ярче всего проявляются или во времена запредельной бедности, когда производится намного меньше продукции, чем требуется, и поэтому все произведенное мгновенно пускается в дело. Или во времена, требующие предельного напряжения сил от государства, – например, войны. Так я с ним полностью согласен! Тем более что нам в ближайшие десятилетия из бедности никак не выбраться, а потом сюда заявятся европейцы. Надеюсь, ты не думаешь, что они признают право нашей Океании на существование без череды проигранных войн?

Попаданец кивнул.

– Но это еще не все, – продолжил я, отставив пустую банку. – Итак, заглянем в далекие и светлые времена, когда все незваные гости, получив в табло по самое дальнее некуда, придут к выводу, что в южной части Тихого океана надо вести себя прилично, во избежание. Так вот, тут действительно могут проявиться недостатки административной системы, не свойственные системе рыночной. В этом Гавриил Харитонович абсолютно прав, но он не стал уточнять, что у нее есть свои минусы. А они, по-моему, куда существенней.

– Куда уж существенней, если из-за тех Союз развалился?

– Точно из-за них? И ты уверен, что здесь применимо слово «развалился», а не «был развален»? В общем, давай прикинем, насколько страшен главный жупел плановой экономики – неполное соответствие производимого реальным потребностям общества. Попов утверждал, что под закат в СССР две трети продукции не могли найти своего потребителя – например, тысячи ржавеющих тракторов и комбайнов. Мне кажется, что это преувеличение, но примем его цифры. Итак, две трети населения трудятся впустую, и только одна треть занята производительным трудом. Ужасно? Вроде да, но только до сравнения с теперешней ситуацией. Не две трети, а три четверти заняты чем угодно, но только не реальным производством! Причем в реальную сферу я отношу не только рабочих, крестьян, инженеров, но и учителей, врачей, да плюс еще тех деятелей искусства, которые работают именно для этих слоев населения. Так вот, одного этого хватит, чтобы задуматься. Но ведь на самом деле положение куда хуже! Да, всяких менеджеров и прочего офисного планктона, девелоперов, брокеров и дилеров пока всего три четверти – это если считать по головам. Но ведь получает каждый из них в среднем в три, а то и четыре раза больше работяги или, например, тебя, который занят вообще-то одним из самых важных дел на свете: учить детей. Кроме того, им гораздо доступнее дешевые кредиты, то есть разница в потреблении даже больше разницы в доходах. И вот, значит, сравним две картины.

Итак, первая, из прошлого: на окраине деревни мирно гниет советский трактор. Да, на его производство были затрачены ресурсы и труд, но по каким-то причинам трактор остался невостребованным. Больше он ничего не требует – ржавеет себе и ржавеет потихоньку. Есть даже небольшая польза – рачительный хозяин всегда найдет, что с него отвинтить для домашнего использования.

А вот картина современная. В шикарном мерсе едет рыло, сделавшее себе состояние в лучшем случае на финансовых и земельных спекуляциях, а в более вероятном – на растаскивании государственного бюджета. На изготовление его тачки пошло уж всяко не меньше труда и ресурсов, чем того трактора, но ведь она еще и не ржавеет, никому не мешая, а ездит, потребляя дорогой бензин, засоряя воздух выхлопом и изнашивая дороги. Само же рыло живет не в хрущевке, а в дорогом особняке, который тоже сожрал ой сколько труда и ресурсов! Не считая тысяч гектаров вырубленных заповедных лесов, потому как в ином месте этой «элите» селиться западно. Его окружают холуи, ничего полезного для общества

не делающие, но живущие уж всяко получше слесаря или врача в сельском медпункте. И всякие там актеры-музыканты стремятся развлечь именно его, потому что он больше заплатит. Пользы обществу от описанного рыла никакой, а вот вред огромный. Мало того что он и свора его прихлебателей в огромных количествах потребляют ресурсы, в том числе и невозполнимые, так они, заразы, делают это напоказ, ничего не стесняясь. Чем сильно увеличивают социальную напряженность, которая очень вредна для любого общества. Вспомни недавнее наводнение на Кавказе. Сколько людей за одну ночь осталось без крова! Ведь они в лучшем случае ночевали в школах на полу, а во дворцы шишек, коих, практически пустых, поблизости было более чем достаточно, не пустили ни одного. Естественно, отношения народа к «элите» это не улучшило.

Так вот, если учесть все эти факторы, то потрепающая экономическая неэффективность рыночной системы будет видна сразу. Какой тут может быть космос, когда средствам находится совсем другое применение? В общем, рыночную экономику может оправдать только тезис «всякое потребление есть благо». Который, кстати, умные люди уже давно называли «потреблятельством» и так далее. При любых же других критериях оценки плановая экономика намного эффективней.

– Мне, между прочим, отец как-то сказал, что экономику СССР можно было считать плановой только с большой натяжкой, – заметил Попаданец. – Научно рассчитать и сбалансировать все потребности всех областей никак не получалось, и планы составлялись в значительной мере с потолка, а потом «выполнялись» путем приписок.

– Правильно, и мой мне говорил то же самое. Действительно, сбалансировать работу десятка предприятий – это одно, а сотен тысяч – совсем другое. Тут, если считать на бумажках, придется две трети населения загнать в Госплан, да и то будет мало. Но эта проблема вообще-то давно решена. Если мощности или быстродействия центрального процессора недостаточно для управления всей системой, большая часть функций передается на периферию. В Советском Союзе пару раз пытались сделать что-то похожее, но неудачно. И вся его беда в том, что алгоритмы управления, сформировавшиеся в конце двадцатых годов и доказавшие свою сравнительную эффективность в тридцатые, что признал даже наш нынешний президент, были приняты за абсолют. А его в природе не бывает. Их надо было менять, те самые алгоритмы управления, а вовсе не систему! Но она сильно мешала элите, поэтому та и не пожалела сил на ее разрушение.

У нас же ситуация иная. Во-первых, наша экономика, если ее можно назвать этим словом, плановой была с момента своего появления. А во-вторых – сколько в России двадцатых годов имелось хотя бы калькуляторов на сто восемьдесят миллионов населения? Ноль. А у нас их пять, из которых три пока лежат мертвым грузом, но это временно. На две сотни, считая с грудными младенцами. То есть мы с самого начала развиваемся в совершенно других условиях с точки зрения сбалансированного управления хозяйственной деятельностью общества. Скажем, расчет площади посадок сахарной свеклы исходя из текущих потребностей в топливе вроде получается неплохо, я для него уже программу написал и сейчас думаю, кого начинать учить ею пользоваться.

– Только меня не надо, – забеспокоился Попаданец, – я гуманитарий по складу личности. Еще нажму не на ту кнопку, и у нас получится кризис перепроизводства.

– Ох, если бы его возможность была хоть сколько-нибудь отлична от нуля, я бы засадил тебя круглосуточно ее нажимать! Но пока нам до перепроизводства дальше, чем до Пекина пешком. Да и тебе есть чем заняться в стратегическом плане – той самой культурой. Надо, во-первых, понять, как она может выглядеть в текущих условиях. А на будущее подумать, как не допустить ее разделения на народную и элитарную. Чтобы потом не получалось реакций, описанных тем же Высоцким, когда в балете мужики лапают девок. Ну вот зачем герою той песни этот балет? Он ведь был в свое время придуман специально как развлечение для высшей знати, принципиально недоступное быдлу! Чтобы посильнее подняться в своих глазах над народом. Кому у нас после революции пришло в голову его развивать – ума не приложу. Но пришло, и, наверное, балет сыграл не последнюю роль в

появлении той самой знати и в Советском Союзе.

– Критерий элитарности у тебя есть?

– А как же. Это то, что на данном этапе по каким-либо причинам не может быть доступно большинству населения страны. И значит, такое искусство не должно иметь никакой государственной поддержки. В свободное от работы время – пожалуйста, хоть танец маленьких лебедей пляши, хоть арию Кончака завывай под луной. Кстати, вот тебе первое задание. Рисовать умеешь? Тогда сядь и сочини комиксы по мотивам всех трех томов Незнайки, а то для большинства наших аборигенов эти книги пока слишком сложны.

– Попробую, – кивнул Попаданец. – Но у меня есть еще один вопрос – кто тут у нас распоряжается землей и как это выглядит? А то нужен, во-первых, небольшой опытный участок при школе. Ты же не хочешь, чтобы мои ученики разбирались в сельском хозяйстве на уровне городского выпускника, то есть даже несколько хуже, чем никак? По прикидкам, соток тридцать вроде должно хватить. И не помешает еще одно экспериментальное поле – под крапиву.

– Землей вроде распоряжаюсь я. Никакие аборигены – что с любого из островов, что тасманийцы – вообще не представляют себе, как она может кому-то принадлежать. В общем, бери, конечно, до регламентации вопросов землепользования нам еще далеко. Впрочем, частной собственностью мы с дядей Мишей делать ее не собираемся, пусть остается общей. Вот только зачем тебе крапива – неужели без нее педагогика совсем забуксует? Да и вообще, насколько я в курсе, в мире для этих целей в основном применялись розги.

В ответ я услышал, что из крапивы, оказывается, можно делать отличные ткани. Они и легкие, почти как шелк, и достаточно прочные, к тому же отлично греют, но в них хорошо и в жару. Кроме того, крапивная ткань обладает определенными целебными свойствами.

– Но почему же тогда из нее ничего не делали промышленным способом?

– Наверное, потому что лен дает большее количество полотна с единицы площади, а именно объемы являются определяющими для промышленного производства. Похоже, тут такая же ситуация, что с твоим новозеландским льном, только он не дает мало, а растет слишком медленно. В общем, почему бы и не попробовать?

Действительно, подумалось мне, ведь если что-то не делалось в том мире, это вовсе не означает его невозможности или ненужности. Например, мои барабанные винтовки с продольно-скользящим затвором – там такие конструкции не выпускались, а для наших условий они оказались самыми подходящими. Или Сашина рогатка – мне и в голову не приходило, что эта пацанская игрушка может быть эффективным оружием, пока не довелось увидеть ее в действии. Опять же двигатель Стирлинга. Один мой знакомый утверждал, что для условий, когда нет проблем с охлаждением и не очень важна удельная мощность, стирлинг подходит лучше всего. Я, кстати, уже прикидывал, как на этом принципе сделать корабельную силовую установку. Наверняка найдется еще много примеров, про которые я просто не знаю. То есть вполне возможно, что и крапива окажется очень полезным растением. Вдруг она в здешнем климате начнет вымахивать до пятиметровой высоты и давать по три урожая в год? Но даже если и нет – ничего страшного. Ее ведь надо только посадить в подходящем месте, а дальше она сама задушит любой сорняк, не требуя помощи от человека, то есть не отвлекая на уход за собой дефицитные рабочие руки. Кроме того, детские воспоминания говорили мне, что крапиву всю едят куры, а бабушка ухитрялась варить из нее очень неплохие щи.

Глава 21

В начале ноября, когда весна уже полностью вступила в свои права, я начал учить Попаданца работать с моей аппаратурой. А то ведь случись что со мной в двадцать первом веке – и помочь будет некому, и наша колония окажется предоставленной сама себе, а это вряд ли пойдет ей на пользу. Правда, одна возможность у него все-таки имелась, но не очень удобная. Ведь в будущем теперь находились два кристалла – на даче и в гараже,

и Александр мог сравнивать времена миров, просто соединив средний и большой шар одного из золотистых комплектов. Однако при этом он получал возможность перемещаться только на пляж в Волжском, а оттуда – исключительно на берег Северной бухты острова Дил. Кроме неудобства, связанного с жесткой привязкой к местностям, подобный алгоритм был чреват еще и появлением случайных гостей, что тоже не добавляло ему привлекательности. В общем, пора было увеличивать число операторов открывания, и единственное, что этому слегка мешало, – отсутствие внятной методики обучения. Во всяком случае, я помнил, что попытки открыть портал так, как мне это показывал Виктор Семенович, кончились неудачей. А получилось у меня по случайно найденной своей методике, когда основные умственные усилия концентрировались на желаемом изменении формы импульсов на экране. Потом, правда, я приспособился делать межмировые дырки без осциллографа, по индикатору на четырех светодиодах.

Так вот, Попаданцу не пошел впрок ни один из этих способов. Сначала парень долго пыжился по методике деда, аж вспотев, но не добившись ничего. Потом устался на экран, как баран на новые ворота, и результат получился аналогичным. На успех попытки с индикатором я уже не надеялся – и, как вскоре выяснилось, правильно делал. Припомнив свои прошлые мысли на данную тему, я предложил Саше слегка выпить – а вдруг это поможет? Увы, несколько попыток закончились тем, что экспериментатор икнул и, заявив, что с него хватит, улегся спать прямо перед аппаратурой. Я обесточил ее и отправился к себе, а утром ко мне явился возбужденный Попаданец.

– Эврика! – с порога заявил он. – В смысле, я научился открывать твои дырки. Пока могу только в сарай на даче, через который мы таскали золото. В Москву не получается – наверное, оттого что я даже отдаленно не представляю себе тамошней обстановки. Зато почему-то получилась дырочка в место, где вообще никаких кристаллов нет! Пещерка километрах в пятнадцати от Ишимбая, я по ней лазил позапрошлым летом. Но туда открывается только совсем маленький переход, сантиметров шесть-семь в диаметре.

– И каким это образом у тебя вышло?

– Пойдем, покажу.

Мы прошли в сарай, где была установлена аппаратура с кристаллом, и Попаданец объяснил:

– Значит, нужно левую руку положить на кожух, к которому подходят провода, правую – на грудь в районе сердца, сосредоточиться и громко, с чувством произнести «...!!!».

Не дав мне времени осмыслить услышанное, Саша врубил питание и, даже не дожидаясь окончательного выхода аппаратуры на режим, схватился левой рукой за экран, правую прижал к груди и во всю мощь луженой педагогической глотки гаркнул свою формулу. Мои уши получили двойной удар – сначала от его ора, а потом от резкого хлопка, с которым открылся переход в гараж на даче. Звук при открытии указывал, что Попаданец сразу реализовал портал максимального диаметра, а не начал с небольших, как обычно получалось у меня.

– Главное – сделать особое ударение на букве с диакритическим знаком, – пояснил открыватель, переводя дух, – иначе дырка получится какая-то маленькая и с неровными краями.

Переход так и оставался открытым, поддерживать его моя аппаратура могла и сама, без участия человека. Что в данном случае было совершенно ни к чему, потому как по ту сторону начиналось воскресенье, и на дачном участке мог случайно оказаться кто-то из дачников. Объясняй ему потом, что за звуки доносились из гаража, – звукоизоляция-то у него хреновая. Видимо, Попаданец подумал то же самое, потому как со словами «я, пожалуй, закрою, а то сквозит» щелкнул тумблером, снимая импульсы с кристалла.

«Прямо камень с души упал», – подумалось мне. Теперь надо попросить Сашу потренировать Поля по этой методике – вдруг получится?

Попаданец же рвался к новым подвигам, то есть хотел тут же, не сходя с места,

научиться делать портал к месту пребывания второго кристалла – в московский гараж. В принципе я был не против, но сперва требовалось уточнить обстановку. Для чего открыл сначала маленькую дырочку, дождался, пока давления тут и там более или менее сравняются, и увеличил ее до нормального размера. В отличие от Сашиной методики, моя не сопровождалась мощными акустическими эффектами.

Пройдя в гараж, я первым делом провел ревизию всей охранной аппаратуры. И только убедившись, что во время моего отсутствия чужие тут не ходили, подошел к широкоугольному глазку и осмотрел противоположный ряд боксов, а при помощи миниатюрной телекамеры – тот, где мы находились. И не зря – через два гаража от моего Петя возился со своей старой «ауди», причем, судя по разбросанным вокруг деталям и инструментам, делал это достаточно давно. В общем, с тренировками придется малость обождать, о чем и было сообщено немного разочарованному таким поворотом событий Попаданцу.

– Ладно, подождем до понедельника, – предложил я ему. – А пока, пожалуй, можно через выход на даче снабдить тебя каким-нибудь транспортом – не пешком же бегать в случае чего. Ты машину хорошо водишь, рискнешь ездить на ней по Москве?

Саша смутился. Выяснилось, что у парня не только нет прав, но и водительское мастерство совершенно не входит в перечень его многочисленных достоинств.

– Может, обойдемся велосипедом? – неуверенно предложил он. – Тем более что на него можно и моторчик поставить, один мой сосед купил такой за семь с половиной тысяч. Хоть и китайский, а тащит здорово, с ним велик прет под шестьдесят.

– Ладно, уговорил. Велосипед с моторчиком – это будет слишком круто, на них только за Фантомасами гоняться, но на даче стоят два скутера и пит-байк. Пошли посмотрим, как у тебя получится управляться с этой техникой.

На участке было тихо, так что мы спокойно вытащили из сарая мототехнику и приступили к тренировкам. Ездить на скутере Попаданцу уже приходилось, да и управление им не представляет особых трудностей для человека, умеющего ездить на велосипеде, так что Саша быстро освоился с этим видом транспорта. А вот на пит-байке у него так просто сесть и поехать не получилось – ведь там стояла нормальная четырехступенчатая механика, а не вариатор с автоматическим сцеплением, как на скутерах.

– Слушай, да зачем он мне, – начал было отнекиваться Попаданец после того, как дважды заглушил мотор при попытке тронуться с места. – У тебя вот скутера какие мощные, небось по шоссе не меньше семидесяти дадут! Неужели у них всего по пятьдесят кубов?

– Черная «хонда» разгоняется до восьмидесяти, – уточнил я, – а синий «китаец» до девяноста. Но если тебе, например, срочно понадобится проехать по бездорожью, то скутера тут не покаты, нужен именно мотоцикл. Тем более что он, несмотря на свой несерьезный вид, по шоссе легко идет под сотню.

Здесь, пожалуй, следует сделать небольшое пояснение. Ведь многие по личному опыту знают, что новый, только что купленный в магазине скутер едет от силы шестьдесят, если не меньше. Правда, можно купить не полтинник, а сто двадцать пять кубов, но опытные гаишники давно научились на глаз определять различия в моторах, так что тут есть риск нарваться на неприятности. Больно уж здорово бросаются в глаза торчащий вперед кик и выпирающая крышка сцепления у 125-кубовых скутерных движков. Однако имеется и другой путь, причем почти законный. Он называется «тюнинг».

Если обычной «Хонде Дио» заменить коммутатор на спортивный и поставить вариатор от Полини или Малосси, то она хоть и с трудом, но преодолеет восьмидесятикилометровый рубеж. С «китайцами» же все обстоит еще лучше. Их двигатель 139QMB, по всем базам пробивающийся как пятидесятикубовый, позволяет легко установить цилиндро-поршневую группу объемом аж в девяносто кубов, а с нею это получается совсем другой аппарат.

Пит-байк, правда, не был столь безукоризненным с точки зрения закона – на нем стоял 125-кубовый двигатель. Но от своего пятидесятикубового собрата он, в отличие от скутерных движков, отличался всего лишь несколькими малозаметными деталями,

известными только специалистам: иными болтами крепления головки цилиндра и увеличенным диаметром стартера. Широкие массы гаишников в таких тонкостях не разбирались, и до сих пор я ездил, не привлекая их интереса.

Все это я быстренько пересказал Попаданцу, уточнив, что если его остановят на скутере, то надо делать оскорбленное лицо и тыкать пальцем в номер двигателя, а коли таковая неприятность случится на пит-байке, то надеяться можно только на надписи «50cc» на баке и на договор купли-продажи из магазина, где тоже прописаны пятьдесят кубов. После чего показал ему, как правильно пользоваться сцеплением, и где-то через полчаса Александр более или менее поехал и на этом агрегате.

Потом мы съездили в Пруды, где я на проходной выписал пропуск для Попаданца и сначала показал ему свой офис, а потом провел обзорную экскурсию по технопарку.

На дачу мы вернулись ближе к обеду, и перед самым возвращением в Форпост Александр поинтересовался:

– Ты всегда отправляешься в двадцать первый век со стволом или только сегодняшний визит тебе показался чем-то подозрительным?

– Почти всегда, – вздохнул я, – а что, это заметно?

– Если присмотреться, то да, – кивнул Попаданец.

Вообще-то я уже не раз задумывался на эту тему. Ходить невооруженным было как-то неуютно – ведь тогда при случае даже застрелиться будет не из чего, не говоря уже о прорыве к месту нахождения аппаратуры. Но «глок», при всех своих достоинствах, для скрытого ношения был все же великоват. Одно время я хотел попросить у дяди Миши «макарова», но потом решил, что с появившимся у меня опытом слесаря-оружейника вполне смогу сделать требуемое и сам. Тем более что основные черты будущего оружия уже более или менее прояснились.

Первое – оно все-таки должно быть револьвером, а не пистолетом. Потому что револьвер не разбрасывает гильз на месте стрельбы и его можно хранить заряженным хоть годами, а в нужный момент просто доставать и нажимать на спусковой крючок. Правда, «глок» тоже не требовал каких-либо специальных действий для приведения в боевое состояние, но после каждого похода в будущее я разряжал магазин, чтобы не ослабла пружина. Вот только зарядов у револьвера больно мало – либо пять, либо шесть, а иначе барабан получится слишком большим.

И тут меня осенило. Почему бы не сделать гибрид? То есть револьвер, барабан которого по мере вращения захватывает патроны из магазина, расположенного в рукоятке, а стреляные гильзы сваливает туда же, только в соседнее, пустое отделение? Учитывая, что я собирался остановиться на калибре максимум «пять и шесть», а то и вовсе обойтись четырьмя с половиной, в рукоятке вполне хватит места и для патронов, и для использованных гильз.

Вообще-то люди уже пытались делать подобные конструкции, но ничего хорошего из этого не вышло. Получались гибриды, органично объединяющие в себе недостатки и пистолета, и револьвера, при этом сложнее и больше каждого из родителей. Но это происходило потому, что изобретатели хотели, чтобы их детище потребляло нормальные патроны. Однако мне-то подобных ограничений никто не ставил!

Сразу после перехода в шестнадцатый век я прошел в свой кабинет, достал тетрадь, карандаш и начал рисовать потихоньку рождающуюся в голове конструкцию. Итак, ее основой будет решение, уже опробованное при переделке пневматического «глетчера» в боевой и давшее хорошие результаты. То есть толстостенные гильзы, каждая из которых по сути является заряженной камерой, а тонкий силуминовый барабан, не способный выдержать вообще никакого давления, выполняет всего лишь функцию обоймы. Здесь же надо вообще оставить от барабана только центральную часть, нечто вроде широкой шестеренки. То есть изготовить нормальный пятиместный барабан, а потом на две пятых сточить его по диаметру и подправить форму получившихся зубьев, чтобы они при ходе вверх нормально захватывали камеру-гильзу из наполненной половины магазина, а при ходе

вниз сваливали стреляные цилиндрики в пустую.

Дальше я приложил свою пятерню к бумаге, обвел, а потом врисовал туда контуры будущего пистолета. То есть определил его минимальные размеры, при которых он все еще останется удобным. После чего прикинул, сколько патронов влезет в рукоятку выбранной длины, – получилось десять. Плюс еще три в левой половине барабана, итого тринадцать. Неплохо!

Причем этот самый псевдобарабан из-за его малого диаметра можно и нужно располагать прямо над рукояткой, что позволит вписать в конструкцию относительно длинный ствол.

К вечеру чертежи были практически готовы, но полного удовлетворения у меня полученный результат не вызвал. Ибо задуманное оружие выглядело на бумаге откровенно уродливо. А из своей немалой инженерной практики я знал, что хорошо работать может только красивая конструкция. Итак, что мне здесь не нравится?

Если смотреть на правую часть, то вроде все в порядке. Видим нечто наподобие «коровина», только с более эргономичной рукояткой. Но дальше – срез по линии передка защитной скобы, из которого нелепо торчит тонкий шестисантиметровый огрызок ствола. Прикрыть, что ли, его каким-нибудь кожухом? Как-то это не очень, ведь никаких функций, кроме украшательских, этот самый кожух выполнять не будет. Может, разместить там, под стволом, что-нибудь полезное? Под стволом... подствольник... и тут меня осенило.

Разумеется, гранатомет туда не всунешь, но мне этого и не надо. Зато второй ствол, совсем короткий, с одним зарядом, но зато калибром миллиметров десять и с приличной энергией выстрела там поместится как родной. Оружие сразу перестанет казаться каким-то ублюдком, а заодно и решится одна проблема чисто морального характера. А именно – у меня появится возможность не обязательно убивать того, в кого придется стрелять.

Дело в том, что останавливающее действие калибра четыре с половиной миллиметра равно нулю. То есть если вам требуется остановить противника, имея в руках такое оружие, то стрелять можно только в те места, попадание куда гарантирует мгновенную смерть. А даже сквозную рану в груди, нанесенную такой пулькой, человек заметит не сразу. То есть уже после того, как дотянется до вас.

С чисто технической стороны меня это не очень смущало. Уже шесть лет я почти ежедневно тренировался в стрельбе, причем последние три года – под руководством дяди Миши, и достиг неплохих результатов. С десяти метров почти гарантированно навскидку попадал в спичечный коробок, а с пяти – в подброшенную пятирублевую монету. То есть вполне мог точно выбрать, куда попаду – в лоб, в глаз или в кадык. Но вдруг по ту сторону мушки окажется человек, которого нужно не убить, а только остановить?

Так вот, со вторым стволом это становится вполне решаемой задачей. Калибр выберем миллиметров десять. Блин, вот только делать этот ствол гладким как-то не очень хочется, а для нарезки сначала придется изготовить оборудование – ведь до сих пор такие калибры у нас не применялись. Может, ну его, этот геморрой? Раз уж я не догадался купить в Америке пистолетных стволов сорокового калибра.

Но через пару минут я сообразил, что подобное изделие можно приобрести не только за океаном, но и у нас, причем не очень дорого. Называется оно насадкой «парадокс» и продается чуть ли не в любом охотничьем магазине. Это просто кусок нарезного ствола длиной пятнадцать сантиметров, привинчивающийся к гладкому вроде как для улучшения кучности при стрельбе пулей. Я почему про него вспомнил – потому что пытался улучшить свою «сайгу» при помощи этой приبلуды. Результат, мягко говоря, не потряс воображения. То есть с нормальной навеской пороха любую пулю гарантированно срывало с нарезов – больно уж здорово она разгонялась в стволе до входа в нарезную насадку. Работало это только с половинной навеской и тяжелой пулей. Кучность действительно улучшалась, но пробивная способность пули заметно падала. Кроме того, даже с восьмидесяти метров целиться приходилось сантиметром на двадцать выше того места, куда надо было попасть, так что я свинтил эту хреновину со ствола и забыл про нее. Ну а теперь появился повод

вспомнить. Только, пожалуй, мой двадцатый калибр будет все-таки великоват для совсем небольшого пистолетика, так что придется купить еще один «парадокс», теперь четыреста десятый, это будет как раз десять миллиметров. Сделать из него нижний ствол – совершенно не проблема, а сантиметровая пуля, вылетевшая с энергией джоулей в триста, гарантированно остановит оппонента почти независимо от того, куда попадет. То есть можно будет спокойно стрелять в живот, и да здравствует гуманизм.

Глава 22

Я уже давно собирался как-нибудь выбрать время и посетить остров Хендерсон, ныне ставший Изначальным. Интересно же, во что превратилось место, куда я когда-то решительно шагнул из квартиры с наганом за пазухой, про который не было даже полной уверенности, что он будет стрелять, с рюкзаком за спиной и сумбуром в голове. Но это все-таки было мое личное дело, и поэтому всегда находились какие-то другие, касающиеся всей нашей колонии и потому более приоритетные. Вот и сейчас у меня вроде как образовалось окно дня на три, во время которого можно было позволить себе небольшую экскурсию, но тут пришла радиограмма от Поля. Младший посланец звал меня на Чатем, где очередная партия кандидатов в переселенцы уже прошла первоначальную подготовку. Заручиться же моим одобрением он хотел потому, что она была существенно больше не только предыдущих, но и всего населения Форпоста – то есть около трехсот человек. Да, подумалось мне, на такое количество обязательно нужно сначала посмотреть. Хорошо хоть сейчас лето, то есть не нужно вдобавок ко всему прочему ломать голову, где разместить такую ораву. Хотя запасы пищи увеличить не помешает, но Бунг с этим справится, среди его соплеменников научились обращаться с ружьями уже человек десять.

И вот, значит, одним прекрасным утром я, еще раз напомним Тиму про место для установки как минимум двух десятков больших палаток, переместился в московский гараж. В порядке производственной практики меня сопровождал Попаданец.

Однако мы не сразу начали открывать переход на Чатем – сначала нужно было съездить в магазин медтехники по заказу Жени, врученному мне в преддверии серьезного увеличения численности нашего города. Да и на работу заскочить не помешает, потому как в Москве уже наступил понедельник. Что означало – пользоваться машиной можно только в том случае, когда время совсем уж некуда девать, а во всех остальных нужно сделать выбор между метро и скутером. Мы выкатили его из гаража, я сел за руль, Попаданец – на пассажирское место, и двинулись по Профсоюзной в сторону центра. Пусть Саша, пока мы доберемся до моей работы, посмотрит, как правильно ездить на двух колесах по Москве, – это все-таки совсем не то, что по дорожкам в окрестностях Прудов или даже по Волжскому. Езда между рядами многокилометровых пробок имеет свои тонкости, которые я и постарался осветить в процессе передвижения. Дальше Саша проедется по медицинским объектам, а я после работы зайду в мотомагазин, который там совсем рядом, куплю еще один скутер плюс к нему девяностокубовую поршневую для замены никуда не годной родной. А потом как белый человек, то есть не за два часа в пробках, а всего минут за тридцать пять на двух колесах, вернусь в гараж.

Разумеется, второй скутер понадобился мне вовсе не для того, чтобы один раз побыстрее вернуться с работы. За такой разврат жаба придушила бы меня сразу, невзирая на улучшившееся материальное положение. Просто, раз уж открывателей перехода стало двое, то и количество транспорта должно соответствовать. В Прудах его было достаточно, а вот московский мотопарк теперь явно требовал увеличения – все-таки одного скутера на двоих хватит далеко не всегда.

Когда я вернулся с работы, Саша меня уже ждал. Он мало того что успел купить все необходимое, так еще и не влетел ни в какую аварию и вообще был доволен как слон. Мы с ним за полтора часа перекинули поршневую, в результате чего моторчик нового скутера

удвоил свою мощность, я проехался по окрестностям, чуть подстроил карбюратор, и теперь можно было со спокойной совестью запира́ть гараж изнутри и открывать переход на Чатем, что мы и проделали. Как все-таки здорово, что теперь кристалл есть и там!

На острове Рекоху нас встретил Поль, а по выходе из его дома – моросящий дождь. Несмотря на него, перед домом толпилась довольно большая группа детей. И, что удивительно, не голых. Те, что побольше, щеголяли в набедренных повязках, а совсем маленькие в чем-то наподобие мешков с прорезями для головы и рук. Причем ткань была какой-то странной – я такой из Москвы точно не привозил.

– Средний посланец! – вразнобой, но по-русски завопили дети. – Ой, а это кто?

– Это старший помощник среднего посланца Саша, – внушительно объяснил Поль. – Если же кто из вас не может запомнить такого сложного имени, то пока может звать его просто дядя Попаданец.

Представляемый приосанился.

– Он будет учить вас всему, что нужно для превращения маленьких недоучек, которыми вы пока являетесь, в людей, – закончил Поль.

– Они хоть что-нибудь поняли? – поинтересовался я.

– По отдельности – не больше трети, а то и вовсе четверть. Но у каждого эта четверть своя. Потом они соберутся и общими усилиями восстановят полную картину. Не беспокойся, Ник, – это работает, я проверял.

– А откуда взялись тряпки – здесь что, такие уже без нас умели делать?

– Нет, без нас не умели. На северной оконечности острова растут какие-то кусты с острыми листьями, про которые я не нашел упоминаний в энциклопедии. Если их вымочить, высушить и отбить, то получаются довольно прочные волокна. Из них плели коврики, для одежды это было слишком грубо. Но я посоветовал обработать эти волокна так, как обрабатывается лен, то есть отбивание заменить протаскиванием через два зубчатых вала, а потом произвести ошмыгивание и чесание. Из такого сырья уже можно вить сравнительно тонкие нити, а недавно я запустил здесь ткацкий станок. В общем, одиннадцать женщин и десятка полтора детей выдают каждый день примерно по два – два с половиной квадратных метра ткани. Вместе, естественно, а не каждый по отдельности. Вот образец, можешь оценить.

Я взял в руки кусок размером примерно с портянку. Цвет – светлое хаки, фактура примерно как у брезента, но мягче и приятнее на ощупь. Попробовал на разрыв – ткань довольно прочная. Но только почему такая низкая производительность – сырья, что ли, не хватает?

Ответ на мой вопрос нашелся в соседнем домике, где располагалось ткацкое предприятие. То есть шесть женщин крутили веретена, две работали на так называемом станке, а вокруг сутились дети.

Станок же представлял собой просто две рамы из деревянных реек. На неподвижную были натянуты нитки, а подвижная с тонким штырем могла надвигаться на нее сверху – ну примерно как закрывается книга. Вот, значит, штырь проталкивался сквозь нити, затем «обложка» прижималась к раме, и деревяшку вытягивали обратно. Все, треть миллиметра полотна шириной метр десять есть! Затем раму вверх, процесс повторяется, выдав еще треть миллиметра.

– Где это ты узнал про такую конструкцию? – поинтересовался я у Поля.

– Идею взял в энциклопедии, а детали сам додумал по месту. Такой станок хорош не только своей простотой, но также и тем, что при работе на нем сразу становится ясно, как получается ткань. А уж потом, когда это поймет достаточное количество людей, можно будет построить и что-нибудь более механизированное.

Здорово, подумалось мне. Но все же что это за растение тут нашлось, из которого получается такая хорошая ткань? Поль предложил показать, и вскоре мы с ним на пит-байках вдоль берега лагуны поехали в северную часть острова. Километров пятнадцать под

колесами был мокрый слежавшийся песок, но потом стала попадаться трава, и чем дальше, тем крупнее. Она росла неравномерно, и около одного из таких островков зелени Поль остановился.

– Вот она, – указал он на пучок торчащих из земли длинных узких листьев. В целом растение напоминало обычную газонную траву, увеличенную раз в десять – пятнадцать. Я присмотрелся к листьям. Что-то они мне напоминают, особенно вот эти чуть красноватые полоски по краям... е-мое, да это же новозеландский лен! Тот самый, что я привез из Москвы, только уже выросший до нормального размера.

– Ой, что деется-то! – в голос запричитала тут же проснувшаяся жаба. – Сначала за бешеные деньги покупают какие-то чахлые росточки, из которых три уже завяли, а остальным расти еще несколько лет, если их только птицы не сожрут, а потом выясняется, что то же самое, только гораздо лучше, растет совсем рядом и совершенно даром! Все твоя дурацкая привычка – лезть в карман, не посмотрев перед этим под ноги. И когда же ты наконец от нее избавишься?

Я смущенно молчал, ибо крыть было нечем. Земноводное право почти во всем, за исключением такой уж запредельности потраченных на саженцы новозеландского льна сумм. Хотя, если подумать, и тут жаба в какой-то мере права. Эх, грехи наши тяжкие...

Перед возвращением к дому я спросил Поля:

– Чем, по-твоему, объясняется такой наплыв желающих переселиться – действием первого фактора, второго или какого-нибудь непредвиденного третьего?

Под первым фактором подразумевалось то, что в этот рейс Поль взял с собой шесть человек из первой партии, которые должны были помогать ему в агитации и прогрессорстве. Вторым была возможная помощь местных шаманов.

– Нет, – услышал я в ответ, – ничего нового не появилось. А факторы внесли примерно равные доли, как мне кажется.

Ого, подумал я, наш эмиссар все-таки сумел обработать и местных пастырей. Интересно, в какое количество жертв среди них это вылилось?

– Умерли двое, – удовлетворил мое любопытство младший посланец. – Про первого я говорил тебе еще во время нашего первого визита, он из крайней северной деревни, его звали У-Нунги. Вообще-то ему следовало умереть еще как минимум год назад, но я тогда не смог справиться с этим... как же ты его назвал... а, гуманизмом. Хотя это могла быть и просто надежда, что все как-нибудь утрясется само собой. Признаю свою вину – на такое нельзя надеяться никогда. А тут за время нашего отсутствия этот человек наговорил островитянам столько, что теперь он уже просто никак не мог остаться в живых, и уроки старого Миша оказались очень кстати. Второй же все сделал сам. Он пришел на мою первую беседу с народом и начал кричать, что мы посланы вовсе не небом, а злыми подземными духами с целью уничтожить народ Рекоху. Очень эмоционально он это кричал, а потом захрипел и потерял сознание, да так и не пришел в него. Возможно, старику помог бы не прямой массаж сердца, но я, разумеется, не стал даже пытаться его делать. Наконец очень ко времени оказалось то, что шаман из Хику к моему появлению сильно болел, и никто уже не надеялся на благоприятный исход. Кажется, у него было воспаление легких. Во всяком случае, недельный курс антибиотиков привел к полному выздоровлению, и теперь вся оставшаяся духовная элита острова Рекоху является нашими сторонниками. А один из них, Юмаи-ото, вообще проявляет выдающийся энтузиазм. Причем он из самого большого селения, Ваи, это которое на берегу бухты в шести километрах от моего дома. Юмаи включен в текущую партию переселенцев, и я обещал ему, что сразу по прибытии в Форпост он без всякой очереди ляжет на обследование в клинику доктора Жени. Этот человек очень кстати озабочен своим здоровьем.

– Вообще-то у нас там отродясь очередей не бывало, даже зимой, – уточнил я.

– Да, но шаман-то этого не знает. Кроме того, в связи с большим наплывом иммигрантов очередь может и появиться, несмотря на то что хоть сколько-нибудь серьезных

больных в этой партии нет. Три ребенка кашляют, и у одного рыбака загноилась нога после царапины о какую-то колючую рыбу. Остальные вроде здоровы.

Вернувшись к дому Поля, мы обнаружили, что Попаданец уже усадил детей в круг под навесом и теперь что-то им увлеченно рассказывает. К месту лекции потихоньку подтягивались взрослые, потому как теперь наша миссия стояла практически в центре поселка из двух десятков пирамидальных шалашей, не считая трех навесов и двух больших брезентовых палаток. Чуть в стороне располагался большой сарай наподобие моего дачного, его строительство явно было закончено совсем недавно.

– Размеры совпадают, – уточнил Польш, – так что можно будет использовать этот сарай как измерительный объем. То есть если люди влезут сюда, то в твой гараж на даче они точно поместятся. По моим прикидкам, для перемещения всей партии потребуется пять заходов. Кроме того, по расчетам конструкция должна выдерживать разницу давлений в сорок миллиметров ртутного столба.

– Вообще-то последнее свойство лишнее, гараж на даче все равно выдерживает как минимум вдвое больше.

– Да, но вдруг потом нам покажется более удобным организовывать переходы через какое-нибудь другое место? Ты сам говорил, что на дачном участке не исключено появление посторонних.

В принципе это были правильные соображения, так что я, осмотрев постройку изнутри, быстро установил там аппаратуру, а Польш принес комплект шаров. В порядке теста я открыл маленькую дырочку на дачу и убедился, что все нормально как по эту сторону портала, так и по ту. Потом был приглашен Попаданец, у него тоже получилось, то есть можно было спокойно приступать к перебросу населения. Однако Польш сказал, что это должно быть обставлено с должной торжественностью, и поэтому сегодня лучше ограничиться подготовкой, а сам исход произвести завтра. В частности, нам с ним не помешает съездить в Ваи, где я лично подтверждаю тамошнему шаману, что он будет переброшен в Форпост с первой партией, где немедленно попадет в руки доктора Жени, который обязательно вылечит его ломоту в костях и еще где-то там. Я согласился, но предложил перед заездом к шаману устроить экскурсию по острову. Сейчас, в отличие от двух предыдущих визитов, я к ней подготовился, то есть нашел в интернете много фотографий с пейзажами Чатема и распечатал их. И мне было интересно – как же выглядят эти места сейчас? Польш согласился меня проводить, но перед этим сменил пит-байк на квадроцикл.

И вот мы поехали на юг, потому что на севере я уже бывал. И почти сразу оказались в густом лесу, сквозь который пролегали редкие тропинки. Я сверился с первым фото – в двадцать первом веке тут располагалось даже не поле, а какой-то пустырь, покрытый редкой и чахлой травой. В общем, ничего неожиданного в этом не было, несмотря на официальную историю острова Чатем. Которая, между прочим, в исполнении англичан здорово напоминала историю Австралии.

Дело в том, что, согласно данным раскопок, центр Австралийского материка сравнительно недавно представлял собой не пустыню, а степь и саванну, да еще со множеством озер. Но потом, примерно сорок тысяч лет назад, туда пришли люди, предки нынешних аборигенов. И начали целенаправленно выжигать степи. Я даже читал, что нормальный абориген не может спокойно пройти мимо сухой травы, чтобы ее не поджечь!

Когда у нас появились тасманийцы, мы первое время с беспокойством наблюдали за ними – не начнут ли они на Флиндерсе вытворять нечто подобное? Но ни малейших признаков пиромании у гостей не обнаружилось даже после вручения им зажигалок, так что мы успокоились.

Но вернемся к Австралии. Пожалуй, за сорок тысяч лет можно превратить две трети материка в пустыню, времени у аборигенов было достаточно, так что тут я не буду спорить. Но ведь утверждалось, что и остров Чатем привели в современное состояние именно его жители! А вовсе не европейцы, которые, наоборот, всячески пытались этому препятствовать.

Мол, на соседнем островке под названием Питт успели организовать заповедник, поэтому там и сохранились уникальные пальмы никау, а на Чатеме их под корень свели аборигены. Да вот же они растут, целая роща, и Поль говорит, что она тут далеко не единственная! И островитяне их берегут, потому что осенью на этих пальмах созреют хоть и маленькие, но все же довольно съедобные ягоды. То есть вопрос, кто чуть не превратил Чатем в пустыню, окончательно прояснился. А до Питта у колонизаторов просто не дотянулись руки, потому как пристать к этому острову можно было только на небольших лодках, да и то далеко не всегда. Поэтому там и сохранилось несколько пальм.

Наша экскурсия закончилась у обрыва на юго-восточной оконечности Чатема. На горизонте виднелся остров Питт. В бинокль было заметно, что он весь покрыт густым лесом, в отличие от фотографий из двадцать первого века. А вот немного правее можно было рассмотреть действительно пустынный островок – Мангере. На этой выступающей из океана скале и сейчас росла только жидкая трава, перемежаемая совсем редкими кустиками.

Поль пояснил мне, что именно туда ссылались нарушители демографических правил, но в настоящее время на этом островке никого нет.

Глава 23

С новой партией переселенцев Зябликов возился почти неделю, потому как нуждающихся в медицинской помощи там оказалось несколько больше, чем предполагал Поль. Но все-таки их было не очень много, и наш доктор справился. А потом поздним вечером, почти ночью, явился ко мне.

Вид у него был не блестящий. Он шмыгал носом, моргал покрасневшими глазами, а его левая кисть была перебинтована.

– Мне надо в двадцать первый век, и не позже завтрашнего обеда, – сообщил мне наш эскулап.

– Заразился чем-нибудь от этих? – забеспокоился я. – Может, тогда идем прямо сейчас, потому как там поздний вечер, вот мы и переночуем в моей квартире, чтобы побыстрее наступило утро. А то куда ты на ночь глядя пойдешь? И что у тебя с рукой, кстати?

– Да куда мне не надо идти! – отмахнулся Женья. – И с видом моим все в порядке, так и задумано. Думаешь, легко в здешнем климате, да еще летом, вот так просто взять и простудиться? У меня два дня подряд не получалось, и только сегодня наконец-то удалось. А на руке – контрольные порезы. Помнишь, я говорил тебе о своей гипотезе относительно того, что синхронизация переходов туда и обратно с биоритмами способна сильно влиять на здоровье? Вот, значит, если я прав, а оно так наверняка и есть, то переход в будущее не позднее чем через пятнадцать часов должен благотворно отразиться на моем здоровье, а обратное перемещение в интервале от двух до двух с половиной суток по моему времени закрепит результат.

– Так это ты на себе экспериментируешь, прямо как супруги Кюри, блин? Вместо того чтобы над крысами измываться по примеру Пастера.

– Насколько я в курсе, Пастер сначала ставил опыты на собаках, – уточнил Женья. – А потом пришел один его знакомый и потребовал, чтобы прививка была проверена на нем.

– Вот! Видишь, как люди-то поступают? Сказал бы заранее – у тебя сейчас была бы толпа добровольцев нужного размера. Все-таки тут народ понимает, что жертвовать ради племени чем-то, пусть даже и жизнью, – это нормально. На худой конец, если вдруг совесть взиграет заражать и резать таких хороших людей, мы с дядей Мишей не надорвались бы наловить тебе подопытных в будущем. Там полно экземпляров, которые могут принести пользу своему народу только таким образом, любым же другим наносят сплошной вред, да не простой, а буквально охренительный. Тем более что сейчас нет проблем с транспортировкой – Попаданец такой лось, что и двоих на загравке утащит без особого напряжения. Если они, конечно, брыкаться не будут, но уж это дядя Миша как-нибудь обеспечит.

– Ты серьезно? – удивился Женя. – Мне как-то подобные вещи в голову не приходили. Но все равно сейчас это не годится, потому как определять параметры биоритмов – дело муторное, я и для себя-то это сделал с трудом. В общем, мне надо просто переместиться туда и просидеть там часов пятьдесят. Желательно, конечно, в таком месте, где есть Интернет.

– Ладно, уговорил, двигаем в московский гараж, а оттуда ко мне домой. Тем более что за тот интернет пора платить, а то как бы его не отключили. Но все-таки в дальнейшем ты, если снова почувствуешь потребность над кем-то поизгаляться во имя прогресса медицины, скажи мне заранее. Договорились? Тогда собирайся, идем в Москву через час.

В этот заход времени суток там и тут примерно совпали, что получалось далеко не всегда. Особенно противны были случаи, когда я из вечера шестнадцатого века попадал в раннее утро двадцать первого, да еще вынужден был срочно ехать на работу. Нет, в принципе и там можно было поспать, но в силу отсутствия на моем рабочем месте специального кресла потом болели спина и шея.

Но в этот раз мы перешли из вечера в вечер. «Девятка» стояла в гараже, и Жене было предложено лезть на пассажирское сиденье и скорчиться там так, чтобы его не было видно с улицы. А то мало ли, по идее охранники должны быть наблюдательными людьми, и вдруг дежурный по будке сообразит, что со мной из гаражей выезжает человек, который туда не заходил? Это хоть и не очень вероятно, зато весьма нежелательно.

Утром, перед отъездом на работу, я сделал заказ в строительном интернет-магазине. Пока заказывались пенопласт и фанера, жаба молчала, но при переходе к доскам и брускам проснулась и возмущенно спросила, с какого перепугу мне пришлось в голову платить деньги за то, чего в Форпосте навалом бесплатно. И, кажется, даже лучшего качества.

– Нет в тебе стратегического мышления, земноводное, – укорил я подругу. – Да, пиломатериалов в прошлом полно, но они же из эвкалипта! А он заметно отличается от сосны даже на дилетантский взгляд. И как в случае чего прикажешь объяснять, где это я надыбал такие интересные доски? Может, и получится, только выйдет уж всяко много дороже, чем купить их вместе с пенопластом. Но вот печку-пошехонку покупать не буду, не волнуйся, притащу сваренную моими учениками из Форпоста, они уже нормально набили руку.

Дело было в том, что я не собирался никуда переправлять купленное. Оно мне понадобится для утепления гаража, потому как я после встречи со своим школьным приятелем решил на всякий случай подготовиться к аномально холодной зиме.

– Даже дрова собираешься покупать в Москве? – горестно вздохнула жаба, увидев, что я ввел соответствующее слово в поисковик.

А ведь действительно, подумалось мне – зачем? Вот уж их-то прекрасно можно хранить в замечательном дровяном сарае рядом с особняком на Манюнином острове, а сюда переправлять по мере надобности и сразу отправлять в печку. Вряд ли эвкалиптовая зола так уж сильно отличается от березовой, а пару охапок местных дров во избежание вопросов нетрудно напилить из досок, регулярно появляющихся на гаражной свалке.

Так что я поблагодарил земноводную, извинился за недостаточное внимание к ее благим порывам, уточнил срок доставки заказа и отправился на работу.

Ушел я оттуда чуть пораньше конца рабочего дня, ибо к пяти вечера обещали привезти материалы для утепления. Но еще по дороге подумал, что зря – пробки в этот день были несколько интенсивней обычных. Так и оказалось – «газель» с заказанным приехала только в семь. Но во всем при желании можно найти положительные стороны, опоздание машины с досками и пенопластом исключением не явилось. Пока она продиралась сквозь пробки, успел прийти мой сосед, Паша, с которым мы иногда пили пиво и помогали друг другу в ремонте своих тачек. А сейчас он помог мне по-быстрому разгрузить «газель».

– Что это ты задумал? – поинтересовался он по окончании разгрузки. Вообще-то по соседу было видно, что этот вопрос является вводным, то есть предисловием к настоящему:

«А не взять ли нам пива по этому поводу?» Но я все же решил на него ответить.

– Думаю утеплить гараж, а то моя старушка в прошлую зиму что-то плоховато заводилась на морозе.

– Может, проще купить новую? – хохотнул Паша.

– А ты вспомни, как лет семь назад вдарили морозы днем под двадцать восемь, а ночью за тридцать. С утра половина самых что ни на есть новейших иномарок завестись не могла! Так что это не выход, да и жаба не даст выкидывать деньги на новую машину, когда эта еще вполне себе ездит. Но вот продать ее дороже чем за полтинник не получится.

– Ну, это ты зря, если не суетиться, то тысяч семьдесят за нее взять можно, – возразил сосед, после чего наконец перешел к главному вопросу.

Женя, как и собирался, просидел у меня в гостях двое суток. Я за пару вечеров как раз успел раскрыть привезенные материалы, а следующим утром мы вернулись на Манюнин остров. Зябликову действительно помогла эта экскурсия, но он сказал, что предметно говорить о результатах можно будет не раньше чем дня через три.

Уже упоминалось, что при переходе из одного мира в другой первое время сильно чувствуются новые запахи. Москва шибает в нос в основном бензиновым перегаром, а прошлое встречает запахами цветов, свежих досок и вообще ароматами девственной, не опохабленной рукой человека природы. Но в этот раз я сразу почувствовал нечто новое, чего раньше вроде не ощущалось.

В Форпосте явственно пахло гарью. Примерно так, как в Москве в июле десятого года, когда лесные пожары вокруг нее еще только начинались.

Для очистки совести я глянул – не гонит ли на меня ветер дым от какой-то печки, – но нет. Во-первых, ветер дул с северо-запада, то есть со стороны полей, а во-вторых, в поселке не дымила ни одна труба. Похоже, это лесной пожар, подумалось мне. Вот только где?

Так как в Форпосте был вечер, я не рискнул поднимать «Шаврушку». Ограничился лишь тем, что вызвал Тима и велел ему составить вахты из людей с наилучшим обонянием. Чтобы, значит, они всю ночь принюхивались и в случае чего поднимали тревогу. Сам же отправился в тасманийский квартал, к Бунгу, который, как я уже имел возможность убедиться, имел нос если хуже собачьего, то ненамного.

– Лесной пожар, – без колебаний сказал охотник. – Но далеко, в нескольких днях пути. На нашем острове нет таких далей. Значит, горит где-то за большой водой. Нам это не страшно – даже самый большой огонь не умеет плавать. И ему не высушить море, это не маленькая речка.

Мне стало немного спокойней. Хотя... блин, но на северо-западе от нас находится остров Дил, почти весь покрытый лесом! Неужели пожар именно там? Правда, взяться ему вроде бы неоткуда – гроз уже месяц как не было, а времен миров я не выравнивал, то есть и гостей туда вроде набежать не должно. Ладно, утром можно будет слетать, а сейчас лучше всего пойти досыпать, потому как в Москве я до четырех утра просидел перед компом.

С рассветом я поднял в воздух нашу амфибию. Для начала облетел Флиндерс, дабы окончательно убедиться, что здесь ничто не горит. Потом взял курс в океан.

Вообще-то уже можно было сказать, что горит, скорее всего, не Дил. Или по крайней мере не он один, потому что дымкой был затянут весь северо-западный сектор горизонта, с высоты ее было видно очень хорошо. Тридцать пять минут полета – и я убедился, что с островом Попадания все в порядке, только в небе что-то многовато птиц. То есть горит явно на материке, отчего мне стало даже как-то досадно. Ну типа – блин, да какая такая сволочь взяла и нагло подожгла мою Австралию?

Самолетик тем временем продолжал свой полет. Не прошло и часа, как я увидел далекий берег, весь затянутый дымом, сквозь который в нескольких местах пробивалось пламя. Да, полыхает здорово, на самолете туда лучше не соваться, тем более с моей летной квалификацией.

Я повернул назад и связался с Форпостом, велел готовить к отплытию «Тасманию»,

загрузив туда пару упаковок респираторов и все четыре имеющихся у нас противогаза. Потому как пожар шел из глубины материка к побережью, так что сейчас именно там должны были скопиться бегущие от огня. Причем не обязательно только животные, но и люди тоже. На них не помешает посмотреть, а если понадобится – то и спасти. Ну, а коли спасать будет некого, настрелять про запас больших кенгуру, потому что они все равно обречены, ибо не умеют плавать.

Часов в одиннадцать «Тасмания» отчалила от пристани и, урча мотором, двинулась к выходу из лагуны. Экипаж состоял из четырех человек – Бунга с Даном и нас с Попаданцем. Парусов мы не ставили, потому как весь путь к берегу Австралии предстояло идти практически против ветра. Помня, как «Мечта» при таком курсе регулярно зарывалась носами в волны, я ожидал чего-то подобного и сейчас. Правда, волнение было умеренным, примерно балла четыре, но ведь и «Тасмания» заметно меньше «Мечты»! Однако, вопреки моим опасениям, кораблик легко всходил на волну, чему явно способствовали сильно загнутые, как полозья русских саней, носы его корпусов. Вот интересно, почему же тогда почти у всех катамаранов двадцать первого века они входят в воду почти отвесно? И я так сделал на всех спроектированных мной кораблях. Может, это дает какие-то преимущества на спокойной воде? Но нам они не нужны, если ценой является ухудшение поведения судна при волнении.

Однако сильно углубляться в кораблестроительные размышления я не стал, потому как пора было объяснить тасманийцам, что такое противогазы и как их надевать. По-моему, теоретическая часть лекции прошла впустую, зато практическая – наоборот. Бунг так вообще пришел в полный восторг и ни в какую не хотел снимать противогаз – кажется, он посчитал его каким-то особо престижным украшением. Я даже растерялся: ведь он же сомлеет в этой резине, и потом его не заставишь надеть ее вновь, когда будет действительно нужно. Впрочем, Попаданец быстро нашел выход из положения. Он достал из сумки с продуктами круг краковской колбасы, захваченный мной из Москвы, – мы уже успели убедиться, что старый тасманиец к ней весьма равнодушен. И вот, значит, Саша неторопливо отгрыз кусочек и задумчиво смотрел на оставшееся, всем своим видом выражая гамлетовский вопрос – прямо сейчас все сожрать или оставить немного прочим членам экипажа? Естественно, душа Бунга этого не вынесла, и противогаз был мгновенно снят.

После неспешного завтрака на горизонте показалась земля, еде видная из-за дыма. Я взял бинокль и постарался рассмотреть, что там происходит.

Мы вышли к юго-западной оконечности небольшого узкого полуострова – самой южной точки Австралии, и вскоре я опустил бинокль и скомандовал поворот на сорок пять градусов к западу. Потому как увидел, что лес здесь подходил к самой воде и весь уже сгорел. Найти в этих углях что-нибудь живое было проблематично, но, может быть, западная часть полуострова пострадала меньше?

Так оно и оказалось. Западный берег был песчаным, поросшим кустами, и тут кое-где оставались не охваченные огнем места. Но зато дыма, кажется, здесь клубилось даже больше, чем на востоке.

У самой воды сустились кенгуру и еще какие-то звери поменьше, с короткими толстыми лапами. А вот что там, примерно полукилометром дальше?

Вскоре в дыму образовался небольшой просвет, и я смог увидеть – это люди. Их было человек пять или шесть, точно сосчитать пока не получалось. Они стояли примерно по колено в воде и, согнувшись, возились с какими-то бревнами.

Глава 24

На обратном пути я, кажется, начал понимать, с чем связано различие форм корпусов катамаранов полинезийцев и тех, что делались в двадцать первом веке. При попутном ветре порядка десяти метров в секунду и работающем на предельной мощности моторе

«Тасмания» смогла разогнаться только до двадцати трех – двадцати четырех километров в час, в то время как «Мечта» сейчас шла бы под тридцать. Ну и ладно, нам не рекорды ставить, так что просто примем это к сведению. Интересно, до чего там договорился Бунг? Хорошо хоть противогаз снял, а то ведь сначала пытался беседовать со спасенными прямо в этом украшении. Впрочем, главное ясно и без него, достаточно посмотреть на состав вытащенных нами из дыма австралийцев.

Взрослых мужчин всего двое – один старик, другой парень лет двадцати, но с поврежденной ногой. Три женщины с грудничками и пятеро детей в возрасте от пяти до десяти лет. То есть это явно та часть племени, которая не могла быстро бежать от лесного пожара, отчего и оказалась заперта на горящем полуострове. Интересно, остальные-то спаслись? Впрочем, у нас и без них дел хватает. Один из грудничков больно уж плохо кашляет, из-за чего мы и идем на предельной скорости. Выдержит он те шесть часов, что нам осталось плыть до Манюниного острова? Женя сказал, что пока делать ничего не надо, но о любых изменениях в состоянии пациента следует немедленно сообщать ему.

Тем временем Попаданец вернулся с носа, где он из своего универсального полотнища соорудил какое-то подобие спинакера. Я глянул на спидометр – двадцать пять, то есть эта тряпка прибавила нам еще километр скорости.

Зашипела рация.

– «Тасмания» слушает! – откликнулся Саша. – Да, мы и так идем этим курсом. Нет, Женя, не пори горячку. Нам-то действительно до Дила идти не больше трех часов, но вы будете ползти все шесть, против ветра быстрее не получится. Так что даже если таким образом и выйдет сэкономить время, то полчаса, не больше. Да и то вряд ли.

– Доктор хотел выйти нам навстречу на «Австралии», – пояснил Попаданец. – Но это лишнее, опять же катамаран совсем новый, плавал пока только вдоль берега, так что пусть ждут нас в Форпосте.

Минут через сорок на корму, где я сидел у руля и мотора, подошел Бунг.

– Глупые люди, плохо говорят, – сообщил он.

Ага, но ведь все-таки что-то ему стало понятно. Значит, действительно племена Южной Австралии и Северной Тасмании говорят на родственных языках.

– Их племя ушло, – продолжал тасманиец. – Остались ненужные. Совсем никому не нужные, некоторых детей охотники унесли на руках.

– Ничего, нам пригодятся, – кивнул я. – А вы с Даном дайте им еще воды, пусть пьют, а потом покормите.

– Колбасы осталось совсем мало.

Я уже хотел возмутиться, но охотник продолжил свою мысль:

– Очень мало, человеку все равно не хватит. Я дам ее вон той женщине. – Он указал на совсем молоденькую с грудным ребенком. – Остальные пусть едят картошку и рыбу.

К лагуне мы подошли около семи вечера, и ребенок все-таки не умер. Он даже стал меньше кашлять, но хорошо это или плохо, я сказать не мог. Впрочем, теперь это уже не моя забота – через пятнадцать минут австралийцами займется доктор Зябликов, а мне пора в мастерскую: доделать наконец свой магазинный мини-револьвер, предназначенный для скрытого ношения в двадцать первом веке. И прикинуть, как должна выглядеть пулелейка для него.

Дело было в том, что я хотел обеспечить максимально возможную пробивную силу, а при столь малом калибре этого можно было достичь, только увеличив массу пули граммов до четырех. Однако свинцовая пуля такого веса получалась слишком длинной, а ведь нужна еще и оболочка из более легкой меди, иначе пулю сразу сорвет с нарезов. Но это не проблема, у нас полно металла, удельный вес которого почти вдвое больше, чем у свинца, а сам он обладает достаточной твердостью, особенно с некоторыми недорогими добавками, чтобы не возиться с оболочкой.

Наверное, некоторые уже догадались, что я имею в виду золото.

С самым револьвером действительно не возникло непредвиденных трудностей, и он

был закончен к обеду следующего дня. Кстати, отсидживаясь в Москве за компанию с Женей, я поискал в Интернете похожие конструкции – и, что удивительно, нашел. Правда, в серию они не пошли, потому как все-таки были заметно сложнее моей. Кроме того, тогда, в отличие от меня, никто не считал недостатком то, что пистолет выбрасывает стреляные гильзы.

То есть было несколько попыток сделать так называемые цепные револьверы. Вместо барабана – цепь из камор, натянутая между верхней звездочкой, расположенной над рукояткой, и противоположной, засунутой в самый низ. Вот как раз она и делала всю конструкцию совершенно ублюдочной. Кроме сложности, ее недостатком был большой ход спускового крючка и избыточное усилие на нем в режиме самовзвода – а меня никакой другой и не устраивал. Потому как сила стрелка требовалась, во-первых, для поворота двух барабанов вместо одного в классическом револьвере, ибо нижняя звездочка, по сути, именно им и являлась. А во-вторых, нужно было еще и протягивать цепь, каковой процесс тоже сопровождается трением.

У меня же патроны, то есть на самом деле тоже каморы, подаются в барабан под действием пружины в обойме, которая еще и немного облегчает поворот. Правда, на этом я проиграл в количестве за счет изначально пустого отсека для стреляных гильз, но получившиеся тринадцать зарядов – тоже нормально.

Изготовление комплекта гильз-камор заняло часа полтора, после чего я снарядил обойму и пощелкал спусковым крючком, проверяя работу механики. А что, вроде неплохо! В нормальном положении, то есть рукояткой вниз, усилие на спусковом крючке даже меньше, чем у «глетчера». Если сориентировать оружие боком, оно возрастает, но ненамного. Правда, когда я совсем перевернул револьвер, спуск стал тугим, как у нагана, да еще и с каким-то заеданием в самом начале. Но это не страшно, стрелять можно и так, а вести затяжные бои в положении стоя на ушах мне вряд ли придется.

Осталось проверить работу дополнительного ствола, расположенного под основным. Вот тут сразу выяснилось, что он нуждается в доработке.

Смена режимов у меня осуществлялась рычажком, расположенным около большого пальца – примерно там, где у одних пистолетов торчит флажок предохранителя, а у других – фиксатор затворной задержки. При сдвиге этого рычажка вперед нажатие на спусковой крючок сначала взводило, а потом освобождало пружину ударника нижнего ствола, это мой механизм делал нормально. Но потом рычажок должен был автоматически отскочить назад. Он, зараза, действительно отскакивал, но не всегда, что, понятное дело, было абсолютно неприемлемо. Поэтому мне до ночи пришлось аккуратно работать надфилями, пока проблема наконец-то не была исчерпана.

Утром я начал возню с золотыми пулями, для начала попытавшись отлить так же, как свинцовые. Кстати, в свое время, еще на Хендерсоне, даже здесь были определенные трудности – из пулелейки классической конструкции выходил почти сплошной брак. Дело в том, что охотники все-таки льют пули гораздо больших калибров, чем четыре с половиной миллиметра, и вес заливаемого свинца существенно превосходит силы поверхностного натяжения, что приводит к равномерному заполнению формы. Ну а у меня получилось как раз наоборот. Тогда я соорудил нечто оригинальное – каналы под пули имели глубину миллиметров сто при диаметре семь, лишь в самом конце сужаясь до размеров пули. Вот тут все стало получаться нормально, я извлекал свинцовые цилиндры, скусывал пули с их концов, а оставшееся отправлял в переплавку.

Однако с золотом так хорошо не вышло. Причем, что обидно, цилиндры-то получились более или менее нормальными, а вот пули на их концах были сплошь в дефектах. Блин, этому золоту что, даже такого давления мало, несмотря на его здоровый удельный вес?

Минут десять я размышлял, что тут можно сделать, а потом мне стало лень зря напрягать мозги. В конце концов, пуль-то надо не так уж и много! Потому что для тренировок прекрасно сойдут и свинцовые в медной оболочке, а золотых для начала вполне хватит сорока штук.

Так что я просто взял один из получившихся цилиндриков, зажал в патрон токарного

станка и вскоре вертел в руках выточенную пулю. Интересно, что подумает эксперт, если она вдруг к нему попадет? Мало того что пуля золотая, так она еще и сделана на токарном станке! Наверное, стрелка сразу начнет искать среди очень богатых людей или ювелиров, что меня в общем-то устраивает. Впрочем, при энергии выстрела в триста джоулей пуля такого калибра и веса останется в организме только в том случае, если поверх него будет надет бронежилет, а во всех остальных легко пробьет его навывлет.

Через два дня опять настала пора навестить Москву с целью поинтересоваться, не появился ли в Интернете ответ на письмо дяди Миши. Сразу по прибытии это, понятно, делать было бессмысленно – я же покинул двадцать первый век пятнадцать минут назад по его времени. Но вечером, вернувшись с работы и включив комп, я сразу обнаружил искомое. И, скопировав ответ, открыл переход на Хендерсон. Вышел из своей бывшей оружейки, осмотрелся – да, изменений много. Теперь тут уже есть нормальная мощенная камнем улица, на которой стоят восемь домов, не считая тех трех, что появились еще при мне. Около каждого – расчищенный от кустов участок соток по двадцать, и там явно растет что-то культурное. Вокруг кошкиной пирамиды – газон с красными и черными цветами. Везде чисто. В общем, прямо-таки не деревня аборигенов, а натуральный гарнизонный поселок.

У дома дяди Миши меня встретила его жена, Маша.

– Он на южном мысе, сегодня занятия по метанию гранат, – пояснила женщина.

Из-за ее спины вылезла девочка лет пяти и сообщила:

– Дядя Коля, заходи, чай горячий, варенье вкусное.

– Ты Надя? – уточнил я. – А откуда знаешь, что перед тобой именно дядя Коля, – может, я вовсе даже наоборот, дядя Попаданец?

– Мне папа говорил, что ты умный, так чего такие странные вещи спрашиваешь? – удивилась пигалица. – У нас же есть ноутбук, а в нем много снимков и тебя, и дяди Саши, и дяди Жени.

В общем, полтора часа до прихода дяди Миши я пил чай с земляничным вареньем, в процессе чего рассказывал Маше, как живут Таня, Света и прочие ее подруги с Питкэрна, а Наде – как надо охотиться на кенгуру и какой это страшный зверь – змея.

– Дядя Коля, пригласи меня в гости! – тут же отреагировала девочка. – Я уже большая, целых три раза стреляла из мелкашки, а револьвер против змеев мне папа сделает!

Пришлось пообещать, что приглашу, но без уточнения сроков.

И, наконец, пришел дядя Миша. Немного перекусив, он пригласил меня в свой кабинет, где прочитал письмо, хмыкнул и пояснил:

– Один человек готов взять сто кило за полмиллиона баксов.

Я быстро прикинул в уме – примерно пятая часть той цены, что дают в скупке за пятасотую пробу.

– Насчет того, что оно у нас не высшей пробы, он в курсе?

– Да, конечно.

– Тогда нормально. Легальным путем, якобы найдя клад, мы бы все равно получили не больше, даже если бы с властями вдруг что-то случилось и они не отобрали все. Впрочем, в сказки я давно не верю, поэтому говорите, что требуется от меня для подготовки операции.

– Для начала – посетить любой вокзал Москвы и оставить в камере хранения образец примерно ста граммов весом. Потом отправить квитанцию заказным письмом, адрес сейчас напишу, а самому начинать вспоминать, не попадалось ли тебе на глаза примерно вот такое место. Нужна дорога неподалеку от Москвы, с очень малым движением, проходящая через поле, например. В общем, чтобы там было негде спрятать засаду. Кстати, твои порталы обязательно должны открываться именно по вертикальной плоскости – горизонтальная не подойдет?

– Хотите не выйти на это поле, а спрыгнуть? – уточнил я. – Вроде никаких противопоказаний нет, но надо попробовать.

– Вообще-то меня больше интересуют пути отхода, способ появления не так критичен,

так что подумай еще на эту тему.

В конце беседы, когда я уже собирался в Москву, дядя Миша спохватился:

– Чуть не забыл, в пруд пора долить воды, а то лето было сухое, наши опреснительные установки не справлялись.

– Хорошо, съезжу на Нерль или найду чистую речку поближе, – кивнул я.

Потом был переход в гараж, оттуда в Форпост за образцом золота, потом возвращение в двадцать первый век и путь на Савеловский вокзал. Покинул я его около одиннадцати вечера, а до своей станции «Беляево» доехал уже в двенадцать. Ждать автобуса не имело смысла, от метро до моего дома пятнадцать минут ходьбы через сад. Вот, значит, я и пошел, но ближе к концу пути пришлось ненадолго остановиться.

Из-за кустов какой-то странной походкой появился чрезвычайно худой тип и шагнул ко мне.

– П-помогите, – с трудом выдавил он, – мне оч-чень плохо... вот, может, вам это понадобится, он совсем н-новый...

Торчок в последней стадии ломки, сообразил я. Но тут этот урод сунул руку за пазуху, что меня сразу напрягло. Поэтому, когда из-за отворота куртки только начала высовываться его тощая лапа с «макаровым» в ней, я ударил. Присел рядом с раскинувшим руки неподвижным телом, пощупал пульс – есть. Глянул на то, что мой визави пытался достать, и чуть не плюнул. Это был мало того что пневматический «макаров», так еще и не ижевский, а китайский. И похоже, тип вовсе не собирался меня грабить, он, скорее всего, хотел продать мне свою пародию на оружие. Но вот интересно, неужели и по мне так же заметно, когда я лезу за стволом, – в зеркало, что ли, как-нибудь глянуть?

Зеркало...

Я повнимательнее всмотрелся в жертву своего поспешного жеста. Вот это и ни фига же себе! Быстро расстегнул до конца его куртку и обшарил карманы. Ну если у тебя не окажется паспорта или он будет просрочен, даже поднимать не буду, прямо так, ногами добавлю. Но нет, парню повезло, вот он, паспорт. Так, смотрим дату выдачи... нормально. Охренеть, уроду всего двадцать семь лет! А на вид раза в два побольше, но в паспорте еще нормальное лицо. Обычное, человеческое, без темных кругов под глазами.

Довольно привлекательная физиономия, и, что особенно ценно, на первый взгляд практически не отличающаяся от той, что украшает мой паспорт.

Ладно, подумал я, пряча документ в карман, сейчас-то что делать? Можно, конечно, двинуть его еще разок для большей анестезии, а то тип, кажется, начал приходить в себя. Или ну его, еще помрет, а он ведь не сделал мне ничего плохого, да и труп в ста метрах от моего подъезда будет явно лишним. И вообще ближнего надо любить, будем исходить именно из этого постулата.

Я присмотрелся к шарфу на шее лежащего – вроде не очень грязный. Быстро смотал его и, расстелив рядом с телом, встал на этот шарф коленями, чтобы не пачкать штаны. После чего попытался вспомнить, в какую сторону следует креститься и как звучит хоть какая-нибудь душеспасительная фраза из церковного лексикона, но не преуспел ни в том, ни в другом. А тип уже открыл глаза, так что я перекрестился наобум, поднял взор к небу и шепотом возопил:

– Господи, помилуй раба твоего грешного!

После какового вступления обратился уже к собеседнику:

– На коленях прошу – извините мое греховное деяние, в результате которого вы сейчас тут лежите. И как я только посмел поднять руку и чуть было не поднять ногу на ближнего своего! Все это происки дьявола, не иначе. Умоляю, скажите – чем можно загладить сей гнусный поступок?

После чего еще раз перекрестился, теперь на всякий случай уже в другую сторону, и полез в карман.

– У тебя же при себе нет мелочи! – напомнила жаба.

– И не надо, потому как Господь завещал нам возмещать причиненный ущерб.

– Точно? – усомнилось земноводное.

Я, не отвечая, на ощупь отделил от основной пачки, на всякий случай сунутой в карман перед уходом, не то семь, не то восемь пятидесятирублевых купюр и протянул их офицеру наркоману.

– Вот, возьмите, и да пойдут вам во благо эти презренные бумажки!

Жаба только разевала рот, выпучив глаза, и не могла вымолвить ни слова. Но когда я уже встал, к ней вернулся дар речи:

– Да когда же это христианские ценности успели так подорожать?!

– Недавно, – просветил я подругу, – газеты читать надо. Мы еще дешево отделались, а при соблюдении соответствующих канонов и евангельских заповедей килограмм строительной пыли, например, вообще тянет на двадцать миллионов. Фальшивый паспорт, конечно, дешевле, но все равно на него потребовалось бы как минимум вдвое больше, чем я сейчас отдал за настоящий. Уроду же полученной суммы хватит не на один, а сразу на несколько передозов. Или драгдилер заинтересуется его деньгами – нравы, насколько я знаю, в той среде простые. В общем, козлу в ближайшее время будет не до паспорта, а потом он до самой смерти не вспомнит, когда и где его потерял. И уж точно не побежит в полицию с заявлением об утере.

Глава 25

Вернувшись на остров Флиндерс, я вывел на экран своего ноутбука скачанные в будущем фотографии и некоторое время внимательно их рассматривал. Но вскоре вынужден был признать, что, кажется, Родена из меня не получится. Микеланджело, пожалуй, тоже, и даже лавры Бенвенуто Челлини мне не светят, хоть в детстве я после прочтения «Асканио» и попробовал силы в художественном литье, полностью испортив один серебряный столовый сервиз и частично – второй. То есть задача воплотить в металле и пластике объект, красующийся на экране, при ближайшем рассмотрении оказалась несколько сложнее, чем это представлялось поначалу.

За этими раздумьями меня и застал Попаданец, пришедший поинтересоваться, что нового на Изначальном острове, а также в двадцать первом веке. Я вкратце рассказал, а потом осветил только что возникшую проблему.

– Приходилось мне в школе заниматься чем-то подобным, – обнадежил Саша. – Во всяком случае, бабочек мы с учениками делали, и получились они как настоящие, да и саранча тоже вышла неплохо. До стрекоз, правда, руки не дошли, но вроде тут не должно возникнуть особых трудностей. В общем, доставай материалы, инструмент и показывай свою телекамеру.

– М-да, – хмыкнул Матрохин, когда я это проделал, – стрекоза получится здоровая. Ну ничего, мало ли, вдруг она просто не страдала отсутствием аппетита, вот и отождралась. Это у тебя поликарбонат? Тогда ножницы надо заточить лучше.

Дело было в том, что перед десантированием дяди Миши с золотом в место, предназначенное для обмена золота на деньги, это самое место следовало внимательнейшим образом рассмотреть. Причем имея в виду, что противная сторона в это время вполне может заниматься тем же самым, а техническое оснащение у нее может быть и куда лучше нашего. Но зато у нас есть возможность открыть маленький переход и высунуть оттуда телекамеру. Однако приличная камера, с хорошим разрешением и четырехкратным зумом, имела длину сорок пять миллиметров при диаметре двенадцать, и высовывать ее следовало не у самой земли, а на высоте порядка двух метров, иначе не получится должного обзора. Вот я и хотел принять меры к тому, чтобы, даже если ее и заметят, это не вызвало ненужного оживления у зрителей. То есть замаскировать под какое-то существо, способное висеть в воздухе наподобие вертолета. Насколько мне подсказывали обрывки биологических знаний, это может быть или колибри, или стрекоза. Но колибри не самые частые гости в Подмоскowie,

так что оставался только вариант с насекомым, появление которого вроде не должно вызывать повышенного ажиотажа. Подумаешь, стрекоза. Может, она мух ищет, оттого и вертит головой, осматривается. Осень же, мух уже не так много, как летом.

Вечером я уже смог оценить еще одну грань многочисленных талантов Попаданца – стрекоза, на мой дилетантский взгляд, получилась даже лучше настоящей. Сходство доходило до того, что при малейшем ветерке прозрачные крылья насекомого шевелились вверх-вниз. Вполне возможно, Саша и упустил какие-то мелочи, присущие прототипу, но вряд ли среди потенциальных покупателей нашего золота будут крупные специалисты в области энтомологии. И теперь мне предстояло приступить к тренировкам по открытию небольшого перехода довольно оригинальным способом – то есть в горизонтальной плоскости и с точкой выхода на пару метров выше кристалла.

Естественно, еще в самом начале своей деятельности по открытию межмировых связей я по возможности детально выяснил, как выглядит переход со стороны. Так вот, спереди он выглядел просто как дыра. Если точка наблюдения смещалась в сторону, то у дыры появлялась черная окантовка, достигающая максимальной ширины примерно в полпроцента диаметра при взгляде под углом сорок пять градусов. По мере дальнейшего увеличения угла полоса начинала уменьшаться, и точно сбоку переход был вообще незаметен. Сзади же он был абсолютно черным по всей плоскости совмещения миров. Отсюда следовало, что в чистом поле открывать вертикально ориентированный портал можно только в том случае, если вообще плевать, заметят его со стороны или нет. Наиболее же выгодным с точки зрения маскировки получалось открытие на уровне поверхности земли или совсем рядом с ней.

После двух дней тренировок я научился попадать в сарай на своей даче нестандартными способами. Сначала, как какой-нибудь падший дух из преисподней, вылезал в двадцать первый век снизу. А потом, подобно ангелу небесному, валился туда с высоты от пятидесяти сантиметров до двух метров. Убедившись, что требуемые действия получаются нормально, я из Форпоста перебрался в московский гараж, выкатил скутер и поехал в сторону центра, затем по набережной и где-то минут через пятьдесят выехал из столицы по Щелковскому шоссе – пора было присматривать место для грядущего нарушения УК, причем сразу и по валютной, и по драгметалловской статьям. Ах да, чуть не забыл – правила ношения, хранения и, возможно, применения оружия там тоже наверняка будут нарушены, причем, скорее всего, с обеих сторон.

Вообще-то подходящее место имелось недалеко от моей дачи, но именно поэтому оно и не годилось. Вот я и поехал искать другое почти в противоположную сторону. И уже под вечер обнаружил искомое примерно в ста километрах от МКАД.

Когда-то давно это было поле, а сейчас передо мной лежал заросший сорняками пустырь, с одной стороны ограниченный растрескавшейся бетонкой, упирающейся в развалины чего-то наподобие большой кирпичной коробки без окон, дверей и крыши. Метрах в пятистах от бетонки начинался редкий лесок.

Пройдясь по бывшему полю, я остановился у небольшой впадины. Глубина чуть больше полуметра, а за ней холмик примерно такой же высоты, причем расположенный так, что он закрывает обзор со стороны развалин. До бетонки метров полтора, это тоже в самый раз. Решено: место обмена будем организовывать здесь.

Я снял рюкзак, вытащил из него аппаратуру и приступил к настройке. Но переход открыл уже не на Флиндерс, а в оружейку на Хендерсоне, причем по плоскости ее потолка. Поздоровался с поднявшим голову дядей Мишей и предложил ему осмотреть выбранное место. Наш главнокомандующий приставил к стене лестницу, а потом не по годам и комплекции бодро перебрался из прошлого в будущее. Минут пятнадцать он осматривался, а потом резюмировал:

– Нормально, подходит. Даже не обязательно корячиться, поднимая ящик с золотом вверх, его можно будет просто сбросить с полуметровой высоты, и ни от бетонки, ни от развалин этого не увидят. Значит, начинаем уже конкретные тренировки.

На них ушло два дня по времени шестнадцатого века, а потом дядя Миша позвонил потенциальному покупателю и описал координаты места предполагаемого обмена. Он был назначен на четырнадцать ноль-ноль следующих суток. Сразу после звонка я положил контейнер с аппаратурой и кристаллом в заранее вырытую на дне углубления ямку и прикрыл куском дерна. Дядя Миша минут пять вносил в маскировку какие-то только ему ведомые дополнительные штрихи, а потом портал был открыт уже при помощи дистанционного управления, и мы переместились в мой особняк на Манюнином острове.

С нашей стороны операция началась за полтора часа до назначенного срока. Сначала я открыл небольшой переходик на уровне земли и просунул туда Сашину стрекозу на тонком и прозрачном стержне. Для начала насекомое осмотрело впадину и ее ближайшие окрестности, на что потребовалось минут пятнадцать. Не обнаружив ничего предосудительного, стрекоза вернулась в шестнадцатый век, где я быстро изменил настройки аппаратуры. Теперь по координатам Форпоста дырка образовалась на полу, а в двадцать первом веке – в двух метрах от поверхности земли. За то время, что я переключал режимы, Попаданец переставил своему творению стержень с брюшка на спину и просунул насекомое в новый переход. В этот раз оно осматривалось долго, почти полчаса. Дядя Миша внимательно глядел на монитор, иногда останавливая запись и до предела увеличивая избранные места из чем-то его заинтересовавших кадров.

– Возможно, в развалинах наблюдатель, – резюмировал отставной майор. – Но в радиусе ста пятидесяти метров от точки входа ничего подозрительного не видно. Значит, работаем по первоначальному плану без каких-либо коррекций.

В соответствии с тем самым планом я переместил портал на двадцать пять метров по направлению к лесу – это было максимальное расстояние от аппаратуры, на котором еще сохранялась возможность открыть переход. Из него вновь высунулась стрекоза и продолжила свое наблюдение.

За спиной дяди Миши застыли два его мангареванских гвардейца, а за моей – Поль около конструкции из водопроводных труб, стального уголка и двух мощных пружин. На ней в полностью готовом к отправке состоянии лежали два одинаковых с виду деревянных ящика, снабженных ручками для более удобной переноски каждого вчетвером. На правом они были необходимы, потому как в нем лежало сто кило золота. Левый в принципе мог обойтись и без них, ибо содержал тридцать кило аммонала и восемь – порубленной на мелкие куски сантиметровой строительной арматуры. И, естественно, взрыватель, но он тянул не больше чем на полкило.

Рядом с Полем лежал револьвер. Причем это был тот самый «глетчер», что я когда-то сделал из пневматика. Поль так и не согласился его на что-нибудь заменить, сказав, что останавливающее действие ему в большинстве прогнозируемых ситуаций не нужно, а по точности боя «глетчер» превосходит любой короткоствол, имеющийся в нашем распоряжении. И при этом имеет очень малую отдачу, что весьма ценно для стрелка небольшого веса и тощего телосложения.

В без пятнадцати два по Москве стрекоза была втянута в нашу комнату, и я открыл большой переход в шестидесяти сантиметрах от дна выемки. Звякнула пружина, и механизм забросил туда ящик с золотом. За ним в двадцать первый век на четвереньках прополз майор, и я закрыл переход. Но почти сразу открыл другой, совсем небольшой и уже в вертикальной плоскости. Эта дырка располагалась в трех метрах от дяди Миши в сторону развалин, на склоне холмика, и была практически не видна из-под травы. Туда была просунута телекамера. В любой момент здесь можно будет открыть полноразмерный портал и оказать дяде Мише огневую или иную потребную поддержку. Ну а пока оставалось только ждать, чем отставной майор и занялся. Он разложил рядом с ящиком туристическую табуретку, уселся на нее и начал со скучающим видом осматривать окрестности.

Ровно в два, хоть часы по нему проверяй, из-за леска выехал черный мини-вэн «Хундай». Дядя Миша помахал рукой, машина остановилась, из нее вышли пять человек.

Четверо остались у мини-вэна, а высокий седоватый мужчина совершенно джентльменского вида с дипломатом в руке двинулся к месту встречи. Майор говорил, что это его знакомый со времен работы в Никарагуа, только не из армейской разведки, а из КГБ. До середины двухтысячных он подвизался в ФСБ, а потом вышел в отставку и занялся бизнесом, причем – кто бы сомневался – на редкость успешно.

Надо же, подумал я, с виду совсем как человек, и даже вполне приличный. Вон какая внушающая доверие физиономия! И близко не похожа на, к примеру, рыло министра торговли обороной, при любом упоминании о котором дядя Миша начисто терял дар цензурной речи.

– Доброго здоровья, Михаил Владимирович! – поздоровался подошедший.

– И тебе, Толь Палыч, не хворать. Вот, посмотри, что я притащил. И портфельчик-то свой дай сюда, чего ему на земле стоять, еще промокнет.

Майор откинул крышку ящика. Там лежал один слиток и шесть статуэток перуанских божков.

– Сто кило без ста граммов? – уточнил гость.

– Ну почему же без ста – ты уж совсем-то за крохобора меня не держи. Даже почти на полкило больше, я не стал от фигурок отпиливать лишнее. Жалко: люди же старались, их делая.

С этими словами дядя Миша открыл дипломат, глянул внутрь, закрыл и, подумав, добавил:

– Вроде там чуть больше, чем мы договаривались.

– Да, на полста тысяч, примерно из тех соображений, что ты мне только что озвучил. Я ведь тоже не крохобор. Кто ж знал, что ты вообще торговаться не будешь?

– Как же это он так? – трагическим шепотом всхлипнула жаба, утирая внезапно выступившую слезу. Но мне было не до нее, потому как беседа старых знакомых продолжалась.

– Значит, правильно говорили, что из Никарагуа ты вернулся не пустой, – резюмировал Анатолий Павлович. – А я ведь тогда не верил. Но это, понятное дело, сейчас все равно. Лучше давай-ка я тебе кое-что скажу, если уместно так выразиться, авансом. Ты же небось собрался куда-то сдернуть? Причем почему-то именно сейчас, а не три или пять лет назад. Так вот, я не знаю, какие у тебя есть сведения, но по моим – до событий осталось два с половиной, максимум три года. Все, больше не спрашивай, сейчас ничего не скажу. А вот если соберешься реализовать еще что-нибудь, обязательно добавлю, и цену дам поприличнее. Говорили-то не про сто килограммов, а как минимум про полтонны.

– А если оно не в России?

– Ничего страшного, не только у тебя связи есть, у меня их тоже не меньше. В общем, подумай над моим предложением. Значит, мы в расчете, можно звать носильщиков?

– Зови, только пусть подходят вон оттуда и ко мне меньше чем на четыре метра не приближаются, – сказал дядя Миша, отходя к холмику с телекамерой, торчащей из мини-перехода. – А то у меня на старости лет что-то с нервами стало, да и подозрительность сильно повысилась.

– Да ты всегда такой был, – усмехнулся гость, – так что не заливай мне про старость. Надо же, сумел здесь появиться незаметно для моих людей! Да еще с такой тяжестью. Ох, чувствую, кому-то не избежать хорошего втыка.

Вскоре к ящику подошли четверо и, взявшись за ручки, потащили его к мини-вэну. Тьфу-тьфу, кажется, пронесло, подумал я, кладя пальцы сразу на два тумблера. Включение правого открывало дыру в земле рядом с аппаратурой. Левого – переход того же размера, но в двух метрах над поверхностью и в двадцати пяти – в сторону минивэна. Туда в случае чего предполагалось сбросить второй ящик. Причем, не говоря об этом дяде Мише, я ввел в аппаратуру блокировку, не позволяющую включить левый тумблер без предварительного включения правого. Потому как майор настаивал на возможности в крайнем случае устроить взрыв и до его эвакуации, а я, не споря, втихую сделал так, что это могло получиться только

после.

Но никаких крайних мер не потребовалось. «Хундай» спокойно уехал, дядя Миша прыгнул в разверзшуюся у его ног дыру, захватив с собой аппаратуру перехода с кристаллом, и вскоре мы любовались внутренним содержимым дипломата.

Глава 26

Пачки долларов, конечно, привлекли наше внимание, но не так чтобы уж надолго. Поль так вообще сказал, что русская тысяча смотрится куда внушительней, несмотря на более низкий номинал. А вообще-то всех в основном заинтересовало – что означает финальный намек покупателя? Имеет он какое-то отношение к истине или сделан только для того, чтобы дядя Миша быстрее принял правильное решение о продаже оставшегося золота, вот в чем вопрос. И ответ на него во многом зависит от того, что за человек этот старый знакомый нашего майора.

– Да вроде ничего, – подумав, начал характеризовать покупателя дядя Миша. – Вообще-то упырь, конечно, но не из самых отъявленных, то есть на крупную подлость ради мелкой выгоды он не пойдет, а по нынешним временам это чуть ли не синоним рыцаря без страха и упрека. Но есть у него небольшой недостаток – всегда он, собака, был слабоват в анализе. То есть если Палыч находил какое-то решение проблемы и признавал его подходящим, то другие ему просто не приходили в голову. В отличие от тебя, Коля, – ты же кому угодно мозги закомпостируешь своими вечными «а если оно так пойдет, а если этак, а если вовсе раком, тогда что делать?». Взять, например, его гипотезу по поводу нашего золота. То, что оно из Южной Америки, он увидел сразу. Сопоставил с дошедшими до него слухами о вывозе мной какого-то габаритного груза из Никарагуа – кстати, я ведь действительно оттуда кое-что вывез, только не себе и не золото, – и тут же сделал вывод, а других вариантов даже не стал рассматривать. Коля, скоро у тебя там чай будет готов, а то ведь в горле уже начало пересыхать, а мне еще долго придется языком работать. Что, уже? Тогда вот вам земляничное варенье, здесь небось нет ничего похожего.

После небольшого перерыва майор продолжил:

– И вот, значит, Анатолий видит, что я, шесть лет просидевший в глуши, как мышь под веником, вдруг срочно решил продать свои запасы, явно сделанные на черный день. И если у него есть какие-то сведения о грядущем наступлении того самого черного дня, то никаких вариантов, кроме того, что я тоже об этом знаю или как минимум сильно подозреваю, ему не придет в голову.

– Похоже, тому миру скоро грянет какая-то глобальная задница, – предположил я. – И тут возможны два варианта: она или природная, или рукотворная.

– Нет, – возразил майор, – вариант с рукотворной, то есть каким-то заговором, начисто отпадает. В этом случае, заподозрив, что мне тоже про него известно, Палыч провел бы нашу встречу совсем не так. И уж точно ничего бы не стал говорить, это сто процентов. В общем, если там что-то и будет, то это какой-то катаклизм. Причем уже сейчас можно сделать кое-какие выводы. Если бы к нему можно было гарантированно подготовиться всей страной или даже человечеством, то давно бы в прессе стоял вселенский хай. Потому как приход внешней опасности – это же золотое время для всякого жулья и ворья как у нас, так и за бугром. Но ничего такого и близко нет, а это может означать, что ситуация очень серьезная. Спасти получится только меньшинство, и оно готовится в строгой тайне, чтобы всякая мелочь не путалась под ногами с воплями «и мы тоже хотим жить». И, кажется, я представляю, как можно хотя бы приблизительно представить себе характер грядущих неприятностей. Дело в том, что о них должны предупредить ученые, а это не самая управляемая публика, вполне может и проболтаться. Значит, надо внимательно исследовать, в какой области знаний – астрономии, климатологии, еще где – за последние год-два смертность повысилась настолько, что это выходит за пределы нормальной статистики.

– Хорошо, – кивнул я, – попробую этим заняться.

Женя, который до сих пор скромно сидел в сторонке, вдруг встрепенулся, вскочил и заявил:

– Прошу слова!

– Бери, – пожал плечами я.

– Это ты бери, – заявил наш эскулап и вручил мне какую-то бумажку с разноцветными клеточками. Внутри они содержали цифры.

– И вы смотрите, вас это тоже касается, – уточнил Женя для дяди Миши, Попаданца и Поля. – Помните, я говорил, что воздействие перехода на организм зависит от биоритмов? Так вот, это подтвердилось, и мне удалось составить прогноз на ближайшие двести дней для Николая. Глядите сюда, каждая клетка означает день. Ее верхняя часть – влияние перехода из прошлого в будущее, нижняя – наоборот. Черный цвет означает резко отрицательное действие, красный – умеренно отрицательное, белый – никакого действия не происходит вовсе. Зеленый – влияние перехода очень положительное, даже регенерация ускоряется. Желтый – тоже неплохо, но действие куда слабее. И значит, если кто-нибудь вдруг вздумает устроить подряд несколько переходов по черным дням, то мы, скорее всего, после этого вынуждены будем его хоронить. Или как минимум очень серьезно лечить. Если же ходить туда-сюда только в зеленые дни, то можно потихоньку начинать строить планы, как отпраздновать столетний юбилей.

Я присмотрелся к своей бумажке – черных клеток там было всего три, да и то не целиком, а наполовину. И уточнил:

– Вот, двадцать первая с левого края клетка. Верх черный, низ желтый. То есть в этот день отсюда туда нельзя, а оттуда сюда можно, но лучше подождать пару дней, там будет клетка с зеленым низом. Так?

– Совершенно верно.

– Тогда меня, пожалуй, начинай обследовать прямо сегодня, – вздохнул дядя Миша. – Потому как для моего организма почему-то что ни поход в будущее, то сплошной ущерб здоровью. Вон, сегодня и был-то там всего минут сорок, а уже поясница разболелась и давление повысилось. Может, я такой урод, у которого вообще все клетки черные или красные?

– А у меня, наверное, все белые, – пожал плечами Матрохин. – Сколько раз туда-сюда ходил – и даже не чихнул. Но и никакого подъема сил тоже не припомню. И вообще я, с вашего разрешения, все же хотел бы уточнить кое-что про грядущую большую задницу. Коля, ты говорил, что возможность перехода сохранится еще года полтора, это мне понятно. А вот уточнение «по часам мира с более медленным временем» – не очень.

– Чего же тут непонятного? Где в данный момент меньше кристаллов, там и идет отсчет. И, по моим последним прикидкам, осталось не полтора года, а что-то в районе одного.

Поль вроде бы уже понял, куда клонит Попаданец, – он смотрел на него с заметным и каким-то не очень хорошим интересом. Дядя Миша, казалось, вовсе не слушал Сашиных речей, внимательно изучая мою бумажку с разноцветными клетками.

– Так вот, – закончил Матрохин, – только от нас зависит, наступят события в двадцать первом веке до закрытия возможности переходов, примерно во время него или существенно после. И решение этого вопроса, по-моему, приоритетнее, чем выяснение, какой именно песец придет в двадцать первый век через два с половиной года.

Ай да Попаданец, подумал я, ай да жертва ЕГЭ. Или он успел проскочить еще до запуска этого конвейера по производству идиотов? Как бы то ни было, ему удалось быстро и точно сформулировать то, о чем я только начинал задумываться. Однако вопрос действительно очень важный, и обсуждать его следует по правилам проведения военных советов. Кто тут у нас самый младший по званию? Наверное, все-таки не Поль, а Женя.

Я ожидающе уставился на нашего эскулапа.

– Блокирование переходов будет навсегда или на какое-то время?

– Нет, не навсегда, а примерно на год. Опять-таки по времени мира с меньшим

количеством кристаллов.

– Значит, нам надо максимально сократить походы туда с решающим кристаллом. С тем чтобы наши потомки через год паузы, за который у нас пройдет триста лет, смогли заново открыть переход еще в докатастрофические времена. Потому как сколько народу мы сможем сюда эвакуировать? Максимум несколько десятков, да и то не факт, что получится. А при попытках увеличить количество хотя бы до сотен власти обязательно просекут фишку и вмешаются. Мне даже страшно подумать, что тут будет в таком случае. В предлагаемом же мной варианте здесь уже может оказаться сравнимое по силе государство, что позволит сделать существенно больше, чем сейчас можем мы.

– Присоединяюсь, – кивнул Попаданец.

– Аналогично. – Это уже Поль. Причем он явно хотел что-то добавить, но сдержался.

– Я тоже так считаю, – подал голос дядя Миша.

– Ну а от моего мнения, получается, и вовсе ничего не зависит, но я тоже «за».

Сказав это, я посмотрел на Поля – будет он теперь, когда решение уже принято, озвучивать какие-то явно имеющиеся дополнительные соображения? Но брат Хани только еле заметно покачал головой.

Выждав три дня, за которые в моей таблице подросла клетка с желтым верхом, я перебрался на дачу около Прудов. До благоприятного обратному переходу момента оставалось еще пять дней. Их я потратил в основном на поиски металлолома. Подготовил к эвакуации часть заброшенной железной дороги в лесу неподалеку от своей бытовки, а потом поехал в Москву. Там, помимо посещения работы, занялся примерно тем же самым, то есть поисками мест, где плохо лежит немалое количество бесхозного железа. В процессе этих поисков вынужден был признать, что хоть в чем-то нынешние власти преуспели: таких мест оказалось неожиданно мало и каждое из них было достаточно неудобным. Эх, где ты, начало девяностых, когда только в шаговой доступности от дома имелись четыре заброшенные стройки с кучей ржавых железяк на каждой? Теперь же мне приходилось рыскать по всей столице. Правда, в упоминаемом недавнем прошлом не было «Гугла» с его спутниковыми картами, которые здорово помогли в поисках.

Потом я разменял пятьдесят тысяч долларов из притащенного дядей Мишей дипломата, причем представ во время этой операции не самим собой, а Валерием Липкиным – такое имя с фамилией стояли в паспорте, недавно приобретенном мной вместо пневматического «макарова».

«И существенно дороже него», – не преминула напомнить жаба.

Затем тот же самый Липкин на электричке проехался до Дмитрова и купил там подержанный челябинский бульдозер Б-10М – за четыреста тридцать тысяч рублей и в очень приличном состоянии. Отогнал его примерно на километр от места покупки, дождался темноты и открыл переход в Форпост. Впрочем, это, скорее всего, проделал уже Николай Мещерский, но точно я сказать не мог, потому как для межмировых переходов пока, слава богу, еще не требовалось показывать паспорт.

За это время дядя Миша тоже обзавелся таблицей, и мы сели сравнивать мою и его, потому как самостоятельно путешествовать между временами майор не мог.

Даже при беглом взгляде было видно, что у дяди Миши почти отсутствуют белые клетки. Впрочем, и черная тоже была всего одна, а основной массив был раскрашен в красный и желтый цвета. Впрочем, имелись и три зеленые полуклетки, но все они были на переход оттуда сюда.

– Значит, придется погостить у нас еще неделю, – резюмировал я. – Дожидаемся вашей желтой, у меня в этот день будет белая, и отправляемся в Москву. Там вы сидите еще четыре дня, потому как не пропускать же зеленую клетку, у вас их и так мало.

– Да, но у тебя же в это время будет красная!

– Так я никуда не пойду. Отправлю вас домой, а сам останусь в Москве еще на пару дней, чтобы воспользоваться вот этой желтой. Заодно и тросов прикуплю, на которых наш

бульдозер будет оттуда металлолом вытаскивать. Кстати, интересно – а для техники нет похожих графиков? Впрочем, даже если они есть, Женя тут ничем не поможет, придется ломать голову самому.

А вскоре произошло сразу два события. Первое состояло в том, что однажды вечером ко мне появился Поль.

– Хочешь озвучить какие-то соображения, не высказанные на прошедшем совете? – поинтересовался я.

– Да. Они касаются того, что будет у нас к моменту, когда там пройдет год с заблокированной возможностью межмировых переходов. То есть когда снова появится возможность открыть дырку между там и здесь.

– Согласен, интересный вопрос. Но в астрологии я не силен, а дожить до того момента не может надеяться никто, будь у него хоть вся таблица сплошь из зеленых клеток. Кстати, твоя-то скоро будет готова?

– Женя обещал закончить ее дня через два. А вот про то, возможно ли кому-то из нас прожить триста лет до следующей разрешающей фазы, я и хотел поговорить. Можно, причем это не так уж и трудно. Просто эти наши триста лет придется просидеть там, в двадцать первом веке. Где пройдет всего лишь один год.

– Да, это возможно, но в чем смысл?

Вообще-то я, кажется, и сам потихоньку начал соображать, что тут имеется в виду, но все-таки пусть Поль конкретизирует, а то мало ли.

– Их два, – сообщил он, – и не могу сказать, какой важнее. Первый заключается в том, что в момент контакта наших потомков с той Россией и миром будет иметься посредник, отлично знающий тамошние реалии. А то ведь, сколько документов ни натащи, все равно по ним трудно будет составить объективную картину. Даже язык, и тот за триста лет наверняка здорово изменится!

Второй же смысл касается нашего будущего государства. Пока мы живы, можно надеяться, что оно будет развиваться в желательном направлении, и некоторое время после смерти последнего из нас тоже. Но что потом? Как ни крути, всегда остается риск отклонения от генеральной линии.

Ага, это уже из «Краткого курса», мысленно усмехнулся я.

Поль же продолжил:

– Вот как ты считаешь – смогла бы правящая элита твоей страны столь бесстрашно лгать, воровать и грабить, существуя отличная от нуля вероятность, что в один прекрасный момент может вернуться, например, Сталин? Как минимум такая возможность заставила бы ее покрываться холодным потом на каждом несправедливо нажитом миллионе. Да и было бы их поменьше, как мне кажется. Более того, и развал Союза в таком варианте имел бы куда меньше шансов на успех. А уж Хрущев еще при первой мысли сделать свой знаменитый доклад на двадцатом съезде наверняка задумался бы, чем это чревато для него лично. В общем, история в таком варианте пойдет по другому пути, который будет как минимум не хуже свершившегося. Или существенно лучше, что мне кажется более вероятным.

Я попытался представить, что начнется, если в России двадцать первого века вдруг воскреснет Сталин. Но ничего особо интересного перед моим мысленным взором не предстало. Ведь ясно же, что власти, только-только прознав об этом, мгновенно его ликвидируют, не особо заморачиваясь приличиями, – для них это без преувеличения вопрос жизни и смерти. И даже если тому будут сотни свидетелей – ничего страшного. Свора убежденных сединой академиков тут же объяснит, что это была коллективная галлюцинация, и в дальнейшем любые упоминания на данную тему пойдут по статье «экстремизм», а упоминания об упоминаниях приравняются к порнографии и, наверное, для гарантии еще и оскорблению чувств верующих.

Все это я высказал Полю, но ответ у него уже был:

– Правильно, и поэтому нам надо принять соответствующие меры. Например, создать

какой-нибудь «Орден Ожидающих» и закрепить его существование в конституции. Это будет организация с минимальными правами, достаточными только для поддержания ее существования, но с одной важной оговоркой. Как только появится ожидаемое лицо, права моментально расширятся до максимально возможных.

Ага, подумал я. Вроде достаточно красивая идея. Но зачем воскресать должен именно Сталин, то есть первое лицо государства? Например, в Российской Федерации ничуть не меньшее впечатление произвело бы появление Лаврентия Павловича. А уж если во главе пусть даже небольшой, но организации, то и тем более. Так что пусть Поль помаленьку продолжает наращивать тот немного жутковатый авторитет, что у него есть, и параллельно готовится прожить год в двадцать первом веке. Кстати, судя по его виду, он уже догадался, что я хочу ему предложить.

Но, как уже упоминалось, событий в этот вечер случилось два. Второе заключалось в том, что в двенадцатом часу ночи у меня родился сын, тут же названный Андреем.

Глава 27

Из-за того что после получения от доктора Зябликова бумажек в цветную клетку мы начали синхронизировать с ними походы в двадцать первый век, эти посещения стали происходить реже. К тому моменту, когда там кончилась осень, у нас прошло почти три года. И сейчас шел девятый год новой эры, он же одна тысяча пятьсот восемьдесят восьмой от рождества Христова.

За это время население колонии, которую мы уже всерьез считали государством, перевалило за пятьсот человек. Это считая с Хендерсоном и Питкэрном, но без Чатема и Мангаревы. И городов на Манюнином острове было уже не один, а целых два. Кроме Форпоста на крайнем юге острова образовался новый поселок. Его появление было связано с тем, что лагуна, на берегу которой стояла наша столица, имела достаточно мелкий и не очень широкий выход в море. «Мечта» там еще проходила, а вот у более крупных кораблей могли возникнуть трудности. То есть верфь следовало строить в каком-то другом месте, и особого выбора тут не было, потому как остров Флиндерс имел всего одну нормально закрытую бухту. Вот, значит, на ее берегу, примерно там, где на моих картах располагалась деревенька Леди Баррон, и возник город под названием Иотупара. Потому как искал место для него, а потом строил первые дома смешанный тасманийско-мориорийский отряд. Выходцы с Чатема хотели назвать будущий населенный пункт в честь своего пророка, а Бунг в ответ заявлял, что это хорошее место для охоты на морского зверя, поэтому оно так и должно называться. Но сильно далеко споры зайти не успели – приехал Попаданец на мотоцикле и просто объединил оба варианта в одно слово, что устроило всех.

Сейчас там строился наш новый корабль – катамаран водоизмещением сорок тонн, спроектированный по мотивам уже упоминавшегося «Хокулеа». Как и прототип, он имел две мачты, но, в отличие от него, мог похвастаться еще и четырьмя двигателями – одноцилиндровыми дизелями от мини-трактора. В каждом корпусе стояло два таких, через ременную передачу работающих на общий вал. Общая мощность составляла шестьдесят сил, что, по моим расчетам, должно было обеспечить скорость порядка двенадцати километров в час на моторной тяге. С чем, кстати, был согласен мужик из Петрозаводска, к которому я несколько раз обращался за консультациями от имени своего знакомого писателя. В общем, жизнь в новом городе кипела, но Бунг потихоньку начинал тосковать. Тому было две причины – кенгуру и козы с курами.

В свое время тасманиец, только появившись у нас и познакомившись с огнестрельным оружием, забеспокоился – мол, эти стреляющие палки могут запросто дискредитировать высокое искусство охоты. Ведь одно дело – загнать кенгуру, а потом забить копьями, и совсем другое – просто пристрелить добычу метров со ста. Но тогда он не обладал достаточным словарным запасом, чтобы выразить свои опасения, а потом убедился в их

бездомности. Да, ружья позволяли набить больше добычи, но бегать за ней все равно приходилось не меньше, чем с копьями. Бунг успокоился, но потихоньку подкралась новая беда. Кенгуру на Манюнином острове практически кончились. Но зато появились притащенные мной козы, которые, как я ему объяснил, скоро начнут давать мясо без всякой охоты, а кроме него – молоко и шерсть.

– Но что же тогда остается делать мужчинам? – возопил потрясенный охотник.

В ответ на это я рассказал ему о будущем его родины. Пояснил, что хоть и через много лет, но на больших кораблях обязательно приплывут белые люди в красных мундирах – англичане. Они сразу начнут стрелять в аборигенов из ружей и пушек, а когда те попытаются ответить своими копьями, развяжут войну на уничтожение. И всего через тридцать лет от пятнадцати тысяч тасманийцев останется неполных двести человек, которые будут вывезены на Флиндерс, чтобы не мешались под ногами у новых хозяев острова. Еще через сорок лет умрет последняя из них, женщина по имени Труганини, а ее скелет поместят в музей.

Бунг сначала потерял дар речи, а потом заорал, что надо узнать, где живут эти англичане, приплыть туда и всех перебить, дабы некому было тянуть свои грязные лапы к прекрасному острову, на котором он родился. Я подтвердил, что именно так и должны поступить настоящие мужчины, но не в спешке, а после хорошей подготовки. И первый ее шаг – рассказать всем людям Тасмании, что ждет их правнуков. Причем рассказать так, чтобы поверили все.

Охотник проникся и даже начал действовать. Теперь по вечерам вокруг него собирались самые старшие тасманийцы, и вся эта команда, запалив здоровенный костер, начинала нестройно и не в лад завывать. На мой осторожный вопрос о сути происходящего был ответ – мы сочиняем песню. Такую, чтобы, услышав ее, никто не смог остаться равнодушным. Вот досочиним до конца и принесем ее на землю предков.

А в двадцать первом веке тем временем началась зима. Сделала она это почти по календарю, в предпоследний день ноября, но зато мощно и сразу. Двое суток подряд шел снег, навалив сугробы толщиной до полуметра, а потом начался дождь. Пока температура была минусовой, тротуары представляли собой каток, когда же она повысилась, стали напоминать болото. Все это я наблюдал в процессе, как мы его называли, «выгуливания» дяди Миши. То есть он, чтобы не пропадали его редкие зеленые даты, четвертый день сидел у меня в гостях и рылся в Интернете, а я использовал образовавшееся время для завершения утепления гаража.

Получилось неплохо, теперь помещение чем-то напоминало операционную. Белые стены и потолок, оклеенные пенопластом, пол, на котором поверх досок был уложен светло-зеленый ковролин, яркое светодиодное освещение. Теперь моя старая «девятка» смотрелась здесь как чужеродное тело. Впрочем, в данный момент она стояла под навесом у особняка в Форпосте.

И вот, значит, в воскресенье я с утра отправился в гараж, чтобы установить там печку-пошехонку и посмотреть, как она работает, на чем работы по утеплению будут завершены. Мой путь пролегал по дорожке через сад. Стояла прекрасная погода, чуть подмораживало, и вообще все было замечательно. Но вдруг внезапно возникшее чувство гармонии с природой оказалось грубо порушенным – человек, двигавшийся навстречу мне, ни с того ни с сего остановился, вылутился на мою персону, как Дездемона на тень отца Гамлета, и попытался схватить меня за рукав. Это у него не получилось, потому как двигался он довольно неуклюже, но тип, кажется, даже не заметил неудачи и суетливо забормотал:

– Господь услышал мои молитвы! Знали бы вы, как я ждал этой встречи...

Так, начал я быстро соображать, индивид тощий, нескладный, координация движений хреновая, то есть за револьвером лезть нет никакой нужды, в случае чего он от одного удара гарантированно слетит с копыт. Но все-таки чего ему надо?

– После нашей встречи для меня началась новая жизнь! – продолжал тип свои излияния. – Это невозможно, но я уже два с половиной месяца не колюсь. Но мне страшно,

ведь старое может в любой момент вернуться! Я знаю, вы святой, так помогите мне еще раз, умоляю вас!

Тут у меня наконец получилось идентифицировать своего собеседника. Е-мое, это же тот торчок, что хотел всучить мне китайский пневматик, а вместо этого презентовал свой паспорт! И выглядит почти как человек, отчего я его сразу и не узнал. Пару минут с отвращением смотрел на него, сам себе удивляясь. Блин, ведь почти уже дошел до гаражей, а теперь собираюсь возвращаться. И откуда только во мне набралось столько любви к ближнему, временами, вот как сейчас, переходящей в оголтелый гуманизм? Пора заняться собой, так и до беды недалеко, мысленно вздохнул я и сообщил завязавшему наркоше:

– Могу помочь, но для этого нужно твое полное и безоговорочное согласие. К старой жизни возврата не будет ни при каких условиях. Москву придется покинуть и больше никогда сюда не возвращаться. Кстати, ты по профессии-то кто?

– Х-художник... учусь, то есть учился в полиграфическом... так вы мне поможете? Слава Господу! Я на все согласен!

– Помогу, помогу, – пробурчал я на ходу. – А ты не ползи, давай быстрее ногами перебирай, на пути к спасению-то! Надо же, художник. Ладно, авось и нарисуешь там что-нибудь, а нет – на лесопилке особых талантов все равно не нужно.

Дядя Миша малость прифигел, увидев, что я вернулся быстро и не один.

– Время от времени надо творить добрые дела, – объяснил я, настраивая аппаратуру, – после них обычно повышается боевой настрой. Правда, нам пока воевать вроде не с кем, но ничего, на будущее пригодится.

После чего открыл переход, за шкирку пропихнул в прошлое остолбеневшего спасаемого и велел ему ждать минут десять – пятнадцать, а потом я сам туда явлюсь и расскажу, что делать дальше.

Закрыв межмировую дырку, я вкратце объяснил майору, в чем тут дело.

– Может, оно и правильно, – согласился дядя Миша. – Здесь он все равно когда-нибудь сорвался бы, а там никакой дури не найдешь при всем желании. Учитывая же особенности биографии парня, хоть сколько-нибудь старательно искать его никто не станет. Только ты его на химзавод не отправляй, а то как бы не спился.

– Ладно, хотя у нас уже половина движков переведена на спирт, так что при наличии потребности найти его будет нетрудно. В общем, это уже от него будет зависеть, а я все-таки пошел в гараж, у меня там печка еще не установлена.

Термометр в гараже показывал минус два. Я поставил печку на специально закрепленный в углу лист гипсолита, подсоединил дымоход, набил дровами и разжег. Минут через пятнадцать в гараже стало жарко, столбик термометра перевалил через двадцать градусов и продолжал бодро ползти вверх. Подбросив новую порцию дров, я закрыл поддувало, тем самым переведя печь в режим тления, и отправился домой. Вечером надо будет зайти сюда еще раз и посмотреть, какая тут получится температура. Но в принципе можно и не заходить, потому как печка в основном стояла для возможных зрителей. Прогреть же гараж при необходимости можно будет гораздо быстрее и проще, всего лишь открыв переход на тот же Хендерсон, где всегда или тепло, или жарко. Так как давление там наверняка окажется выше, мощный поток теплого воздуха меньше чем за минуту вытеснит из гаража весь холодный, и все.

Следующим утром я сначала отправил дядю Мишу на Изначальный, к жене и дочке, а потом сам перебрался в Форпост. Там меня встретили два человека, каждый из которых вполне сходил за пример полного охренения. Первым, ясное дело, был Липкин, по чьему паспорту я недавно разменивал доллары и покупал бульдозер. Странно, и чем же это его так потряс окружающий пейзаж? Однако потряс, и прямо-таки до глубины души.

Вторым был изумленный Попаданец. Он смотрел на гостя и явно недоумевал – что это?.. откуда оно здесь взялось?.. и главное, на кой хрен?!

Пару минут я любовался эпической картиной, а потом взял слово:

– Валерий, это Саша Попаданец, он у нас занимается образованием, и ты поступаешь в

его распоряжение. Саш, это Валерий Липкин, который... у которого... ну, короче, тот самый. Говорит, что художник, так что пусть учит детей рисовать и чертить. Проводи его к Жене на первичное обследование, потом покажи город, выдели место для дома и палатку на первое время. В общем, это кадр для тебя.

Через несколько дней я вспомнил про своего протеже и поинтересовался у Матрохина, как он там.

– Что удивительно – неплохо. И как художник он вполне ничего, и как учитель тоже, но есть тут одна небольшая тонкость. Этот хмырь пытается проповедовать! Несмотря на то что у самого, кроме веры, вообще никакого багажа нет, из молитв знает лишь «Отче наш», а в «Символе веры» только первое предложение. Из десяти заповедей знает четыре, про остальные уже у меня спрашивал. И про Евангелие, причем, кажется, он не в курсе, что их несколько.

– Интересно, – задумался я, – давно пора было создать шаману с Чатема какую-нибудь конкуренцию, так что это, пожалуй, кстати. А насчет его, скажем так, девственности в богословских вопросах – не страшно. Ибо сказано – многие знания суть многие печали, поэтому нефиг Валере сразу начинать печалиться, пусть пока так поживет.

Глава 28

Сразу после празднования Нового года, наступавшего у нас в разгаре лета, я перебрался в гости к дяде Мише, потому как пора было начинать стройку на атолле Дьюси, который мы уже переименовали в остров Крайний. Он располагался в трехстах пятидесяти километрах от Питкэрна, почти точно на востоке, и именно его координаты были сообщены недолго гостившему у нас испанцу.

Дядя Миша успел побывать там уже два раза. Сначала он в компании трех аборигенов сплавал туда на «Тритоне» и за четыре дня провел тщательное обследование острова. Нашел самое высокое место – аж восемь метров над уровнем моря! – и, расчистив площадку, поставил на ней две палатки. Одна была использована под склад, туда сгрузили генератор, бензопилу, две стосорокаваттные солнечные батареи с преобразователями и аккумуляторами, радиостанцию, разобранную опреснительную установку, инструменты, посуду и прочее, что могло понадобиться оказавшимся здесь людям. Чуть в стороне было сооружено нечто вроде землянки для канистр с водой и бензином.

По завершении работ двое остались на атолле, а майор вернулся на Изначальный остров. Но через две недели сел на «Шаврушку», захватил на пассажирское место двух волонтеров с Мангаревы и по воздуху доставил их на Дьюси, затратив на это три часа. Полет прошел нормально, обратный тоже, и теперь остров Крайний уже полгода был обитаемым – там постоянно дежурили двое-трое. Раз в месяц приплывал «Тритон» и менял вахту. И настала пора построить нормальный форт. Почти все необходимое для этого еще с середины осени лежало в моем дачном гараже, занимая почти половину его объема. А так как в ближайшее время я собирался прикупить много чего полезного, в том числе и довольно крупногабаритного, место надлежало побыстрее освободить.

Как и в прошлый раз, при переходе на Изначальный первым моим чувством было нечто вроде зависти, а вторым – легкая досада. Ну почему у дяди Миши такой идеальный порядок, на фоне которого обстановку в Форпосте и Иотупаре так и тянет назвать бардаком? Причем в этот раз впечатление оказалось даже сильнее, чем в прошлый, – настолько, что я решил поделиться им с майором. И с удивлением услышал:

– Все правильно, порядок я люблю и наводить его умею. И значит, в руководство не гожусь, оттого и не лезу туда. Потому что у нашей колонии сейчас время становления, то есть строгий порядок ей противопоказан.

– Это почему? – не понял я.

– Да потому, что в такие времена от вас с Полем и Попаданцем требуются

нестандартные решения – так сказать, творческий подход. А где творчество, там и бардак, так уж истари повелось. И рывок вперед никогда не происходит в условиях идеального порядка. Вспомни, например, Петра Первого. Ведь до него порядка было куда больше, чем стало при нем! Но зато Россия сделала неслабый рывок вперед. Екатерина туда же – страна при ней богатела, но с порядком были определенные трудности.

– Ага, – кивнул я, – которые достигли максимума при Николае Втором. Но лично у меня почему-то не получается положительно оценить результаты его деятельности.

– Дурак он был, потому что действительно развел беспорядки, а сам ими пользоваться и не думал. Но свято место пусто не бывает – быстро люди нашлись, и в результате получился Советский Союз. Скажешь, это был плохой результат? Вот то-то и оно. Но вот чего я понять не могу – так это какого черта нынешние российские власти бардак-то культивируют, кому дорогу мостят? А ведь вполне могут и домоститься. Ладно, это я так, в порядке трепы, а теперь давай к делу. Когда на Крайний поплывем?

– Если ветер не изменится, то завтра с утра, часов в десять, так что можно начинать готовиться.

Путь занял почти сутки, к месту назначения мы прибыли в шесть утра следующего дня. «Тритон», пройдя вдоль песчаной косы, ограничивающей внутреннюю лагуну с запада, добрался до неглубокого прохода в ней и убрал паруса. Протока была мелкой да еще с подводными камнями, так что ее мы преодолели на моторной тяге и потихоньку. Полчаса неспешного пути через лагуну – и мы на месте.

К форту уже вела дорожка, прорубленная в местных кривых и разлапистых кустах: пальм на Крайнем не росло вовсе. И от него на восточный берег – тоже. Мне показали явный обломок мачты с не до конца проржавевшим железным кольцом на нем – он был прибит волнами к острову сравнительно недавно. То есть не такие уж это безлюдные места, подумалось мне. Корабли уже всю ходят в Тихий океан через Магелланов пролив, а возвращается от силы треть. Вот, значит, тут и лежит обломок одного из тех, что не вернулся.

После завтрака я включил аппаратуру, оделся потеплее и открыл портал в сарай на даче. Прошел в темную стальную коробку, осторожно глянул наружу. Как и ожидалось, там всю валил снег. Это было хорошо, потому как тащить барахло нам предстояло не меньше получаса, и наполнивший гараж теплый тропический воздух наверняка вызовет таяние снега снаружи, что может смотреться несколько странно. Но метель тут же все занесет, так что я скоординировал начало разгрузочных работ.

Следующие сорок минут мы все в поте лица таскали пеноблоки, мешки с цементом, бетонно-стружечные плиты, арматуру, доски, листы поликарбоната и прочие строительные материалы. Да, подумалось мне в процессе работы, когда-то я все равно спалюсь. Вот как только кому-нибудь придет в голову проследить, сколько барахла завозится в этот сарай, – и все. Ведь вывоз из него начисто отсутствует! Как минимум сразу возникнут подозрения, что под гаражом вырыт огромный подвал, по объему превышающий выступающую часть в несколько раз. Впрочем, вряд ли кто-нибудь успеет – времени-то осталось всего ничего, максимум до следующей осени.

Наконец сарай был освобожден. Перед возвращением в шестнадцатый век я позвонил в контору, где в свое время арендовал бульдозер, и заказал расчистку от снега своего дачного участка и подъезда к нему, а то ведь скоро туда придется возить новую партию закупок из технопарка. Мало того что это удобнее, чем использовать московский гараж, – вот там-то наверняка найдется кому заинтересоваться, что за бездонная прорва образовалась в ничем не примечательном боксе. Дачный же поселок зимой пустует, разве что на Новый год сюда могут приехать пьянствовать какие-то экстремалы, но их участок расположен на другом краю, до него метров четыреста.

Сначала в прошлое ушли местные грузчики – они, несмотря на немалые физические нагрузки, как-то ухитрились замерзнуть, так что пусть немного погреться на Дьюси. Я же

перенастроил аппаратуру и открыл новую дырку в то же время, но немного южнее и существенно западнее, то есть в Форпост. Оттуда в сарай было по-быстрому перетащено вооружение для будущего форта – автоматическая двадцатисемимиллиметровая пушка моей конструкции и еще одна, калибром в семьдесят миллиметров. Эта никакой автоматике не имела, сделана же была по мотивам пушки Барановского образца 1873 года, отличаясь от прототипа наличием гидравлического накатника. Оба орудия стояли на тележках, поэтому их транспортировка не потребовала больших усилий, хотя более крупная пушка и весила почти четыреста кило. Малое орудие могло прицельно стрелять на километр, а большое – на два, что в разы превосходило дальность самой мощной артиллерии того мира.

Следующие три дня ушли на закладку фундамента будущего форта. На него мы установили орудия и произвели десяток пробных выстрелов – все было нормально. Теперь оставалось построить вокруг пушек барбет, но это уже сделают без меня.

Я же опять занялся снабжением, то есть перекинул около десяти кубов досок и брусьев сначала из Форпоста в дачный сарай, а потом на атолл Дьюси. В основном они пойдут на постройку судна, которое мы спроектировали как монитор для действий исключительно внутри лагуны. Потому как пушки стояли на восточной оконечности острова – это было и самым высоким местом, и самым вероятным с точки зрения появления кораблей противника. Но если они вдруг обогнут атолл и приблизятся к его западному краю, где вход в лагуну? До него же почти три километра. Вот тут и пригодится наш монитор, а точнее, плот-тримаран, на который мы собирались поставить еще одну большую пушку, которая пока находилась в процессе производства, и три восьмидесятимиллиметровых миномета, уже сделанных на Изначальном под руководством дяди Миши.

Однако строить «монитор» следовало именно на Дьюси. В принципе, наверное, можно было и рискнуть перегнать его с Хендерсона, это триста с лишним километров по океану, но зачем? Ведь путь займет как минимум двое суток, а за это время погода сможет поменяться, и не раз.

После переправки на атолл кучи барахла в межмировых переходах наступила пауза, связанная с нежелательностью оных как для меня, так и для дяди Миши. Правда, некоторую трудность представлял тот факт, что мне следовало пересидеть неделю в Москве, а майору – в прошлом, то есть пришлось проделать это по очереди. Впрочем, оно оказалось кстати, так как в двадцать первом веке до конца года оставалось неполных три недели, в силу чего на работе внезапно вылезло несколько тем, которые следовало в темпе закрыть. Я и занимался этим с девяти утра и как минимум до восьми вечера, но однажды после работы случайно узнал, что, оказывается, Новый год является не единственной из приближающихся знаменательных дат. Нет, про вторую я вообще-то читал, но особого впечатления прочитанное на меня не произвело, но тут вдруг мою скромную обитель посетил участковый и, образно говоря, сдернул покрывало с тайны. То есть напомнил мне, что нас ожидает конец света, и уточнил дату, про которую я в силу общей занятости был не в курсе: двадцать первое декабря.

Пока я пытался сообразить, как бы поделикатнее посоветовать собеседнику посетить психиатра, он успел конкретизировать свою позицию:

– А вы являетесь владельцем гражданского оружия модели «Сайга-20» модификации «один-четыре».

– «Четыре-один», – машинально уточнил я, – так вам открыть сейф и показать, что ружье на месте?

В общем, выяснилось, что с душевным здоровьем у моего гостя все в порядке. И у его начальства, как ни странно, тоже. Просто оно считало, и небезосновательно, что в преддверии знаменательной даты в некоторых людях могут разыграть темные инстинкты, ну и поручило участковым провести профилактические беседы.

– Хотите, вытащу затвор и отдам вам его на ответственное хранение? – предложил я. – Без него из «Сайги» много не настреляешь, а мне ружье в этом году точно не понадобится.

Под расписку, разумеется.

– Нет, просто распишитесь вот здесь, что вы поставлены в известность.

Получив требуемый автограф, участковый потратил еще минут десять на ту самую беседу, за прослушивание которой я уже расписался. По его словам, как минимум десять процентов москвичей всерьез верят в конец света, а среди них могут оказаться неуравновешенные, а то и вовсе антиобщественные лица. Вон, в Америке какой-то псих уже устроил стрельбу в школе. У нас, разумеется, полиция ничего подобного не допустит и будет нести службу в усиленном режиме. По каковой причине за день до указанной даты, и тем более во время нее, желательно, выходя на улицу, иметь при себе документы, а вообще-то лучше, если есть такая возможность, просто сидеть дома и не поддаваться на провокации. И, разумеется, не волноваться: ученые категорически отрицают вероятность каких-либо катаклизмов в конце декабря.

– Спасибо, – кивнул я, – но конец света, в смысле электричества, вполне вероятен. Только что измерял, в сети сто восемьдесят семь вольт, а периодически случаются провалы вообще до ста восьмидесяти. Газ идет от силы в половину напора, батареи чуть теплые, а на улице всего семнадцать градусов мороза. В квартире, как вы, наверное, заметили, тоже весьма нежарко, но я-то человек сравнительно молодой и здоровый. Однако не все такие, вот народ и греется доступными способами. Пока сеть держится, но что будет, если температура упадет еще градусов на десять? Синоптики, кстати, именно это и обещают.

– Ваш дом еще не худший в микрорайоне, – вздохнул участковый, – в опорном пункте, например, даже холоднее, чем у вас, и калорифер не помогает.

На этом гость попрощался, а я остался размышлять об услышанном. Действительно ведь, двести двадцать могут в любой момент отрубиться, причем, если накроется даже не подстанция, а распределительный щит в подвале, то это будет не на пять минут. У меня же к такой ситуации подготовлен только гараж, что вообще-то не очень хорошо. Не с каждым там можно встречаться, если потребуется, – например, тому же участковому там точно делать нечего. И значит, раз уж мне все равно тут сидеть еще три дня, не помешает кое-что предпринять.

Сказано – сделано, и вскоре я уже ехал по сравнительно свободным улицам в круглосуточный магазин автозапчастей. Приехал, купил там пару необслуживаемых аккумуляторов и простейшее зарядное устройство, затем заскочил в компьютерный магазин и приобрел недорогой ноутбук с адаптером на двенадцать вольт – тот, что у меня был раньше, давно стоял в особняке на окраине Форпоста. По дороге домой, благо вождение не отнимало много внимания, слегка задумался на общие темы. Нет, как ни ругай то, что образовалось вместо СССР, в нем все-таки есть и положительные стороны. Вот, например, теперешняя ситуация – мне срочно что-то понадобилось, так просто поехал и купил, несмотря на то что времени двенадцатый час. А при советской власти я в такое время мог бы приобрести разве что водку, да и то с переплатой. Хотя, конечно, она имела место и сейчас, просто в завуалированном виде. В общем, вывод напрашивается сам собой – ох, если бы у бабушки был хрен, как у дедушки, только раза в полтора побольше!

С этой глубокой мыслью я и добрался до своего подъезда. В два приема перетаскал покупки в лифт, при старте которого лампочки ощутимо мигнули, потом втащил источники энергии и потребителя оной в квартиру.

Смысл покупок был в том, что вероятность пропадания Сети все-таки заметно выше вероятности отключения Интернета, тем более что у меня есть и сотовый модем. От бесперебойника же комп долго не проработает, а вот ноутбук от автомобильных аккумуляторов – хоть досидись за ним до геморроя.

Оставалось только зайти в интернет-магазин радиодеталей и заказать там сотню планарных полуваттных светодиодов с доставкой в институт. Завтра по дороге туда я заскочу в хозяйственный, куплю набор пластиковых контейнеров, их там бывает от пяти до десяти штук друг внутри друга – из них получают отличные плафоны, причем за копейки. Ну а спать платы – это минут сорок на работе.

– Коля, сегодня ты был просто великолепен, – с чувством глубокого удовлетворения сообщила мне жаба. – А то ведь я прямо вся извелась – вдруг тебе придет в голову покупать готовые светильники? Да еще с контроллерами, за них вообще бешеные деньги просят!

Тут моя подруга была дважды права, о чем я ей и сообщил. Во-первых, готовые изделия действительно обошлись бы мне раз в семь, а то и в десять дороже набора деталей. А во-вторых, далеко не факт, что все это было бы сделано на должном уровне качества. Собирая же свет своими руками, я по крайней мере могу быть уверен, что он не погаснет в самый неподходящий момент.

Глава 29

Похоже, конец света прошел без особых эксцессов, но точно я это сказать не мог, потому как все отпущенное на него время просидел в шестнадцатом веке. Там было полно дел, а никаких срочных доставок не требовалось, так что мы еще год прекрасно обошлись и без открытия переходов. Кстати, Женины таблицы рекомендуемых дней показали свою эффективность – правда, в основном на дяде Мише. Он совершенно перестал жаловаться на старые кости, которые ломит к непогоде, и даже, кажется, немного похудел. За мной вроде особых перемен не замечалось, но, возможно, именно здесь и была зарыта собака. Ведь прожил-то я уже сорок пять лет, а выглядел по-прежнему на тридцать. Разве что с небольшим хвостиком, в зеркало это определить довольно трудно. У Жени куда-то исчезло брюшко, но он связывал это не столько с тонизирующим действием своевременных смен эпохи, сколько с тем, что ему приходилось вертеться как белке в колесе. Попаданец же как был абсолютно здоровым лбом размерности семь на восемь, так им и остался.

За этот год я провел довольно приличную работу по модернизации своей аппаратуры управления кристаллами, толчком к которой послужила грядущая судьба Поля. Мы уже почти окончательно решили, что год по времени двадцать первого века, когда переходы будут невозможны, он просидит в будущем, и теперь оставалось уточнить подробности. Дядя Миша сказал, что, возможно, сможет снабдить его хоть какими-то документами, но не очень уверенно. Однако у самого Поля на этот счет появилась совсем другая идея.

– Остров Хендерсон, – сказал он. – Именно Хендерсон, а не Изначальный. В вашем мире он абсолютно необитаем. Иногда туда приплывают люди с Питкэрна, но, насколько я понял, это происходит даже не каждый год. И они всегда высаживаются примерно там, куда Ник открыл свой первый переход. Им нужна древесина красных деревьев, а они растут только там. На южной же оконечности острова людей не было уже лет двадцать и, скорее всего, не будет еще как минимум столько же.

– Ты собираешься год робинзонить в одиночку? – удивился Попаданец.

– Я там родился и прожил свои первые двадцать лет, причем в несравнимо худших условиях, чем мы сейчас сможем обеспечить. Так что не вижу в этом ничего невероятного, тем более что и насчет одиночества у меня есть кое-какие мысли. Но про них – потом, а сейчас предлагаю просто прикинуть, какие технические трудности тут могут возникнуть.

Вот, значит, тем же вечером я и начал прикидку с того, что спел колыбельную жабе и, дождавшись, пока земноводное погрузится в крепкий здоровый сон, посчитал, сколько времени и денег потребуется простому российскому инженеру на посещение единственной заморской территории Великобритании в Тихом океане, архипелага Питкэрн. Получилось что-то порядка полутора месяцев и примерно двухсот тысяч рублей. Точная цифра зависела от того, сколько возьмут питкэрновцы за срочную доставку меня на Хендерсон. В принципе ничего страшного тут не было, кроме одного: привлечения к этому острову совершенно ненужного внимания. Да и жаба ухитрилась, не просыпаясь, все-таки выразить свое отношение к столь непродуктивным тратам. Так что я отложил этот вариант на крайний случай и сел думать, как можно повторить открытие своего первого перехода, только наоборот. Тогда я из Москвы открыл переход к острову Хендерсон шестнадцатого века,

несмотря на то что там не было никаких кристаллов. Ну а теперь требовалось создать дырку на тот же остров, но в двадцать первом веке, и не из Москвы, а из города Форпост.

Задача оказалась не из самых легких, но я никуда не спешил и примерно за год вплотную подошел к ее решению. Правда, тут имелась маленькая тонкость – для гарантированного открытия дыры в нужное место требовалось хоть и ненадолго, но выровнять скорости течения времен в обоих мирах. Однако это мы уже делали, и получалось вполне прилично.

Так что я дождался ближайшего зеленого дня, сбегал в Москву и внес небольшие изменения в настройки тамошней аппаратуры. После чего вернулся домой, где Попаданец уже отплыл на «Тасмании» в сторону острова Дил. Он имел при себе шар с кристаллом, при помощи которого можно будет вновь поставить метку, чтобы все, случайно прыгнувшие между мирами, оказывались именно на этом острове.

Вскоре рация сообщила мне, что Дил помечен, и я приступил к открытию перехода на пляж острова Хендерсон двадцать первого века.

Все получилось очень быстро, операция заняла одиннадцать секунд. Убедившись, что контейнер с кристаллом там и подает устойчивый сигнал, я вырубил аппаратуру, и тут же из динамика донесся возбужденный голос Попаданца.

– Коль, с тебя ящик «Баварии»! Хотя, блин, какой на фиг тут может быть ящик, меньше чем двумя не отделаешься.

– Неужели олигарх? – не сразу поверил я такому везению.

– И еще какой! На «гелендвагене» с тонировкой, в костюмчике – я в бинокль вижу, что он дороже моей годовой зарплаты, а уж рожа...

– Ты только не спеши, а то вдруг это все-таки не опора отечественной экономики, а просто бандит?

– Да не похоже: был бы у него ствол – он бы с ним из машины и вылез. Молод он опять же для бандита, на вид гаду лет тридцать. В общем, совершенно явный эффективный менеджер, даже на думца не тянет. Ты скоро будешь?

– Минут через сорок, «Шаврушка» уже готова к полету, переходи на ее волну.

Полет к Дилу занял полчаса, еще минут пять я кружил над небольшим плато перед Западной бухтой, присматриваясь как к месту возможной посадки, так и к обстановке на нем. Она казалась вполне мирной – черный джип приткнулся у самого обрыва, а метрах в двадцати от него стоял Попаданец. У его ног валялось нечто грязно-синее и бесформенное. Кажется, оно слегка шевелилось. Вот Саша поднял руку с рацией, и я услышал:

– Можешь садиться, тут триста пятьдесят метров. Заходи меж вон тех двух кустов на высоте их макушек, начиная от них никаких колдобин нет до самого обрыва.

– А этот-то чего у тебя разлегся?

– Да хрен его знает – устал, наверное. Хотя работал в основном я, даже запыхался немного. И левую руку об его зубы поцарапал, он, гад, мне их под кулак подставил.

Еще один круг со снижением, заход на два указанных Попаданцем куста, газы прибрать, ручку на себя – и амфибия, покачиваясь на неровностях, уже катится по траве, быстро замедляясь. Я заглушил движки, вылез и подошел к группе встречающих.

Саша наклонился, взял лежащего за шиворот и одним рывком придал ему вертикальное положение. Пиджак, и без этого больше похожий на тряпку, треснул еще в паре мест.

– У тебя вроде были мысли кому-то пожаловаться? – ласково обратился Попаданец к собеседнику. – Ну так жалуйся, паскуда, сюда по твою поганую душу прибыло самое высокое начальство.

Так как у дяди Миши по календарю сегодня был красный день, то без вреда для здоровья прибыть на Форпост он не мог, поэтому я решил провести предварительную беседу самостоятельно. А раз Попаданец уже совершенно явно изобразил из себя злого следователя, то на мою долю оставалась только роль доброго. Не факт, что получится, но попробовать можно, решил я и начал:

– Вам, кажется, не помешает медицинская помощь? Разумеется, она будет оказана, но

сначала представьтесь, пожалуйста.

Гость затравленно оглянулся на Матрохина, всхлипнул и, шепелявя, разразился речью, которую я слушал с чувством глубочайшего удовлетворения. Оказывается, к нам на огонек прибыл не просто эффективный менеджер! А из команды мебельного генерал-спекулянта. Человек увидел, что тучи над его шефом сгустились по самое дальше некуда, и пустился в бег, не сомневаясь, что уж его-то руководство мгновенно сдаст с потрохами. Он, бедняга, мчался по пустому шоссе, мечтая побыстрее оказаться как можно дальше от Москвы с ее следователями – и действительно оказался чуть не в противоположной точке земного шара, да еще почти за четыреста лет до своего рождения.

– Но ведь вы же наверняка отправились в дальний путь не пустым? – уточнил я и без того очевидное. – Так расскажите, сколько у вас с собой и где хранится остальное.

Однако гость молчал, и тогда я, вздохнув, обратился к Попаданцу:

– Саша, ну что же ты с человеком так обошелся-то некрасиво? Вон какой у него под левым глазом синяк, прямо любо-дорого посмотреть. А под правым какая-то несерьезная царапина, которую и разглядишь-то не сразу! Зато зубы почему-то выбиты только справа. Забыл, чему учит своих новобранцев дядя Миша? Красота – она в симметрии!

После чего плюнул на свою роль доброго следователя, которая все равно выходила как-то не очень, и в два удара проиллюстрировал свое видение прекрасного. Оценил результат, прислушался к всхлипам воспитуемого и предположил:

– Гложет меня ужасное подозрение, что ты почему-то до сих пор так и не приласкал нашего дорогого гостя ногами. Неужели я прав?

– Увы, – потупился Попаданец, – виноват, человеколюбие одолело. Ведь если я его ногой отоварю даже вполсилы, гниду же после этого месяц лечить придется! Кабы не два. Вот мне и стало жалко нашего доктора, он и так работает по двенадцать часов в сутки. Ничего, скотине и чисто мануальной терапии оказалось вполне достаточно – вон как старательно пытается что-то сказать. Давай, тварь, мычи членораздельней, пока я действительно не впал в раскаяние. Где деньги, сука?!

В общем, через час я в компании небольшого чемоданчика с рублями и евро, нашедшегося прямо в «гелендвагене», заходил на посадку в лагуну около Форпоста. Новоприбывший и Попаданец были еще в пути, они плыли на «Тасмании». Разумеется, наш визитер, который, как выяснилось, занимался каким-то аутсорсингом (отсосингом, буркнул Попаданец и дал гостю подзатыльник), подробно рассказал, в каких квартирах и на каких счетах у него еще есть деньги. Но вот ведь беда, брать-то их нельзя, потому что гад уже под колпаком у органов: можно спалиться! Я чуть не пнул его от расстройства, но потом стало лень. Да и чемоданчик был не таким уж маленьким и довольно плотно набитым.

Сразу по прибытии домой я сел за ключ большой радиостанции – поделиться новостью с Изначальным островом. Связь удалось установить довольно быстро, и вскоре майор со слезами на глазах, чувствовавшимся даже сквозь точки и тире, всеми святыми заклинал меня больше пальцем не трогать нашего посетителя и уж тем более не позволять этого Попаданцу. А наоборот, не мешкая, отправить беглеца к Жене на предмет подлечить. Потому что он, дядя Миша, мечтает о подобной встрече уже несколько лет подряд.

В процессе ожидания «Тасмании» у меня вдруг ни с того ни с сего проснулась если не совесть, то что-то ее отдаленно напоминающее. И оно, значит, поинтересовалось, не стыдно ли было бить такого слизняка, как наш с Попаданцем визави. Однако жаба, воодушевленная приобретением чемоданчика, взяла слово и ответила совершенно однозначно. Мол, не суть важно, стыдно ли там было наставлять на путь истинный кому-то кого-то или нет. Значение имеет результат. А он после применения физической силы последовал очень быстро. Ведь этот урод сам рассказал, где лежит искомое! А иначе пришлось бы перерывать весь джип, рискуя испачкаться или даже поцарапаться. В принципе земноводное было право, но я все же испытал некоторое облегчение, увидев, что наш гость за время плавания от Дила до Флиндерса не приобрел новых украшений на морде. Хватит с него, ему еще предстоит пообщаться с дядей Мишей, у которого наверняка найдутся убедительные слова и, главное,

жесты для выражения признательности за все, что сделала эта кодла для армии.

Однако сразу возник вопрос – куда нам девать гостя до прибытия майора, кое событие должно было состояться через четыре дня. Ведь в Форпосте до сих пор не было тюрьмы! Правда, имелся подвал под особняком Попаданца, но там лежало золото, позаимствованное у испанцев. Сажать туда такого ворюгу?

Но Саше были чужды сомнения. Он взял типа за шкуру, несколько раз хорошо встряхнул и предупредил, что по выходе из темницы узник первым делом попадет под рентген. И горе ему, если он соблазнится хоть малой крошкой! Мы ее даже искать не будем, а сразу отправим лихоимца в бак с серной кислотой, где органика растворится, а золото останется.

Дядя Миша прибыл в Форпост без задержки, в первый же желтый день. С собой майор имел довольно туго набитый полиэтиленовый пакет, из которого выглядывала какая-то черная тряпка. Поблагодарив нас с Попаданцем за возможность приятной беседы, дядя Миша спустился в подвал.

Он пробыл там не очень долго, минут сорок, и вышел уже без пакета. За ним следовал визитер – но в каком виде! На нем был черный рабочий халат с удлинненными почти до земли полами. Голову оборонного вора украшала фетровая шляпа с отрезанными полями, а грудь – большой крест из двух полос нержавеющей стали, скрепленных болтом. Висел он на оцинкованной цепи-пятерке.

– Друзья, – торжественно сообщил нам дядя Миша, – позвольте представить новоявленного инок брата Абрамия. А то у нас на четыре острова был только один истинно верующий, да и тот до конца не вылечившийся наркоша. Как-то это маловато для полноценной церкви, вот мне и вспомнилось Писание. «Где двое или трое собрались во имя мое, там и я среди них». Все, их теперь двое, так что у нас имеется самая что ни на есть настоящая церковь. Валера будет представлять белый клир, а этот – черный, я его только что рукоприложил. В смысле положил, а когда поднял, он был уже полностью согласный принять обет смирения, безбрачия и нестяжательства. Вот, значит, пусть и сидит теперь в монастыре, проводя дни и ночи в посте и молитве.

– Да где же мы ему монастырь возьмем? – удивился Попаданец.

– Эх, Саша, плохо ты его про жизнь спрашивал. У него ведь замечательное хобби – выпиливать лобзиком по дереву. То есть почти готовый плотник, который и построит ту самую обитель. Не сомневайтесь, ребята, – справится он, справится, причем довольно быстро, чтобы меня не расстраивать. Если, конечно, жить захочет, но с этим у человека все в порядке. Правильно я говорю, брат мой?

Глава 30

Надо сказать, что в прошлом меня мало что удивляло, в отличие от будущего. Вот там-то, чуть приглядевшись к чему угодно, сразу можно было согласиться с Достоевским, однажды сказавшим: «В России истина всегда имеет характер вполне фантастический». Шестнадцатый же век, с моей точки зрения, был предсказуем почти до скучности. События практически всегда развивались или как мы задумывали, или как опасались, но это благолепие продержалось только до того момента, когда дядя Миша решил перевоспитать оборонного вора и предпринял первые шаги в этом направлении.

Услышав, что нашему гостю предстоит построить монастырь, я ни на секунду не усомнился, что это у него получится, – все-таки майор, несмотря на вроде бы безобидную внешность, а может, и благодаря ей, обладал могучим даром убеждения. Но результат мне представлялся чем-то вроде собачьей будки с кривым крестом сверху, однако действительность быстро показала полную несостоятельность подобных прогнозов.

Поначалу все развивалось по планам, то есть будущих строителей монастыря в первый же день стало двое. К брату Абрамию присоединился бывший наркоман Валера, и я

торжественно вручил им бензопилу и переносную пилораму.

Те, кто не понаслышке знаком с данным устройством, в этом месте могут скептически хмыкнуть. Да, небольшую пилораму не очень трудно перетащить с места на место, но при работе она все-таки стационарна. Все правильно, такую я сделал еще перед постройкой своего дома на Хендерсоне – она представляла собой шестиметровый рельсовый путь из уголка-пятидесятки и едущую по нему сварную табуретку из того же уголка, где была закреплена бензопила. Подлежащие распилу бревна приходилось затаскивать на эти рельсы, но и на Хендерсоне, и на Питкэрне деревья не потрясали воображение своими размерами, да и росли рядом, то есть их транспортировка получалась нетрудной.

На Флиндерсе же произрастали довольно крупные эвкалипты, а кроме того, мы быстро перешли к точечной вырубке, из-за чего мне даже пришлось состряпать мини-трактор из двух мотоблоков. Но все-таки тащить по лесу здоровенное бревно, хоть и при помощи трактора, – это геморрой. И я сел думать. Что есть мой рельсовый путь из уголка? Это, во-первых, станина. А во-вторых – копир, благодаря которому бензопила режет дерево по заданной плоскости. Но ведь хорошее бревно – оно вон какое здоровое! И значит, прекрасно может работать станией. Осталось только присобачить к нему копир, и все.

В качестве такового я взял две шестиметровые доски 25×200 и скрепил их буквой «Г» – для жесткости. Привинтил переключателем к бревну, установил на основание бензопилу и прогнал ее вдоль бревна. Потом отвинтил свой копир, повернул бревно и прошелся вдоль него еще раз. После третьего прохода вместо бревна передо мной лежал очень приличный трехсторонний брус и три отрезанных горбыля.

Потом этот брус был повернут необработанной частью вниз, а к бензопиле привернут согнутый буквой «Г» небольшой стальной лист, так что над цепью образовалась упорная плоскость. При помощи этого нехитрого устройства пила легко распускала брус на толстые доски, которые были заметно легче исходного бревна, да и более удобны в транспортировке. Таким образом, экипаж получившейся мобильной пилорамы составлял всего два человека, от которых к тому же не требовалось особых физических данных, и они могли работать с деревьями диаметром ствола до шестидесяти сантиметров.

В общем, я, изобретая эту конструкцию из двух досок и трех железяк, аж полгода ходил гордый по самое дальнее некуда, но при очередном посещении будущего залез в интернет и убедился, что шведская фирма «Логосол» давным-давно выпускает нечто подобное. И выходит, мне оставалось утешаться только тем, что их патент в шестнадцатом веке не действует.

Вот, значит, я и вручил эту самую мобильную пилораму нашим будущим столпам православия, и это практически сразу привело к неожиданным последствиям. Первое из них еще укладывалось в рамки вероятного, хоть и не очень: бывший ворюга, или, как он себя назвал, аутсорсер Павел Абрамчук, а отныне и навеки смиренный инок брат Абрамий, оказался знаком с таким агрегатом, как бензопила, не то чтобы на уровне виртуоза, но у меня появилась надежда – в процессе постройки он не пополнит рядов великомучеников, ненароком отпилив что-нибудь от своего и так пострадавшего в процессе наставления на путь истинный организма.

Но это были еще цветочки, за которыми последовали ягодки. Прошло всего два дня, брусья и доски только начали появляться на месте будущего строительства, как бригада обогатилась третьим членом, причем по работоспособности заметно превосходящим первых двух, вместе взятых.

Несколько лет назад, когда мы освобождали испанский корабль от лишнего груза, нам заодно пришлось по-быстрому пленить трех испанцев. Двое по завершении разгрузочной операции были возвращены назад, а один, матрос по имени Хосе Мария, попросил разрешения остаться у нас. Он оказался хорошим плотником, быстро акклиматизировался на Манюнином острове, кое-как подучил русский язык, после чего сменил имя на Костю Машкина, построил себе большой дом в Иотупаре и завел двух подруг – мориори и австралийку, одну из спасенных при лесном пожаре. Костя работал на верфи, был весьма

доволен новой жизнью, и только одно немного омрачало его безоблачное счастье – на острове не имелось церкви, где он мог бы по всем правилам обвенчаться со своими женщинами. И вот теперь, прослышав, что началась постройка храма, он заявил мне, что очень хочет принять участие в этом богоугодном деле. Строительство сразу резко ускорилось, но это было еще не все.

Суемой на краю Форпоста заинтересовался шаман Юмаи. Он о чем-то долго беседовал с Валерой, а потом набрался смелости и явился к старшему посланцу Небесных Духов, то есть к дяде Мише. И сказал, что народ мориори тоже хочет принять участие в возведении дома для общения с высшими силами, причем не так уж важно, что там они будут называться как-то непривычно. Ибо языков у людей, как выяснилось, много, а мир, в котором они живут, – один. Кроме того, он, шаман, интересуется, что надо совершить лично ему, чтобы получить небесное имя.

Слегка обалдевший от такого развития событий майор быстренько доработал еще один черный халат, изготовил второй крест, но существенно меньше первого и на гораздо более тонкой цепочке, объяснив, что до такого уровня просветления, как у брата Абрамия, шаману еще расти и расти. После чего по-быстрому окунул его в лагуну и объявил, что отныне бывшего Юмаи зовут отец Мавродий.

И уже через пять дней после начала строительства оно стало чуть ли не всенародным. Там на постоянной основе трудились полтора десятка мориори во главе со своим духовным отцом, и еще столько же принимали эпизодическое участие.

Видя такое дело, не усидел в стороне Матрохин. Оказалось, что он своим маленьким топориком из попаданческого набора может творить настоящие произведения деревянного искусства типа резных наличников, подоконников с завитушками и вовсе охренительного вида перилец, а закончил изготовлением над готовым зданием метрового купола с крестом сверху.

Тут я понял, что мне тоже надо поучаствовать, и ненадолго смотался в Москву. Где сходил к церкви у метро «Коньково», до которой от моего дома было полкилометра, купив там десяток небольших иконок, две тонкие и недорогие книжки духовного содержания, три лампадки и какую-то латунную штуку на цепочке, которую я посчитал кадилом.

В результате всего этого ажиотажа ровно через три недели после прибытия на Дил оборонного менеджера дядя Миша провел торжественный обряд сдачи храма в эксплуатацию и пообещал Косте, что его венчание состоится завтра, после чего поманил пальцем брата Абрамия.

– Слышал? – ласково спросил майор инок. – Ты его и проведешь, пусть это будет дебют на духовном поприще.

– Но я же не умею... – растерянно проблеял тот, – и разве можно венчать сразу с двумя?

– Не умеешь – научим, не хочешь – заставим. А насчет двоих – держи.

Дядя Миша вручил Абрамию мои книжки, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся православным молитвословом и евангелием от Матфея.

– Даю срок до утра – подобрать цитаты, подтверждающие полнейшую каноничность завтрашнего обряда венчания. Если не справишься, я буду очень расстроен. И ты тоже, как человек душевно тонкий.

С этими словами майор сжал правую руку в кулак и задумчиво на него посмотрел, на чем первый в истории Океании богословский диспут был благополучно завершен.

Через пару дней, убедившись, что неожиданно появившийся на Флиндерсе духовный центр функционирует нормально, а Попаданец в случае чего сможет наставить его коллектив на путь истинный, майор засобирался домой, на Изначальный. Но перед этим он успел сочинить нечто вроде теории, которая объясняла, что, оказывается, все произошло именно так, как и должно было.

– Ведь как развивалось христианство? – неспешно рассуждал дядя Миша, отхлебывая

крепко заваренный австралийский чай. – Поначалу его адептами были в основном всякие деклассированные элементы, то есть юродивые. Но потом власти Римской империи обратили на новую религию свое благосклонное внимание, и туда поперли карьеристы. Эти быстро создали условия, при которых новая религия начала приобретать популярность в среднем классе. Так ведь и у нас получилось абсолютно то же самое! Только что очень быстро, за несколько дней, – оно и хорошо: нет у нас времени веками решать один раз уже решенные задачи. Ты когда меня отправишь домой, вечером? Тогда я, пожалуй, схожу и проведу, так сказать, среди нашего монашества прощальное напутствие, для большей крепости в вере. А куда, кстати, Саша делся?

– Спешно дорабатывает «Австралию». Мачту он уже снял, а теперь делает второй, более прочный палубный настил поверх штатного. Не бросать же «гелендваген» на Диле! Там на нем мало того что ездить негде, так еще и некому. Ну а на Манюнином есть где развернуться. Поставить нормальную резину, багажник на крышу, фаркоп сзади и мощную лебедку спереди – получится самое то, что требуется. Только надо спешить, пока хорошая погода, а то катамаран с таким грузом и при пяти баллах может развалиться.

– Эх, «Нива» моя так и осталась в деревне, – вздохнул дядя Миша, – а у нас ведь уже есть почти два километра дорог. Но ее лучше не трогать: мой старый знакомый, которому мы сдали золото, теперь наверняка присматривает за тем домом.

Операция по погрузке «гелендвагена» на катамаран заняла трое суток. Он попал на плато у Восточной бухты, еле успев затормозить перед обрывом, и теперь нам предстояло спустить детище немецкого автопрома метров на тридцать вниз. Поэтому в экспедицию, кроме доработанной «Австралии», отправилась еще и «Тасмания» с десятком самых здоровых аборигенов во главе с Мариком, вооруженных бензопилой, ломами, топорами и лопатами. В принципе можно было попытаться добраться до Северной бухты, где имелся вполне приличный спуск к морю, но для этого пришлось бы вырубить в зарослях казуарины просеку примерно километровой длины. Немного подумав, мы с Матрохиным решили не похабить природу прекрасного острова ради какого-то паршивого джипа, а для начала попробовать спустить его прямо по месту попадания.

В общем, у нас все получилось неплохо и потребовало вырубки всего двух десятков деревьев. Правда, пару раз я едва не перевернул машину и в процессе спуска она прилично ободрала днище и левый бок о камни, но это ерунда. В конце концов нормальный джип и должен быть немного помятым, он ведь когда-то проектировался именно как честный армейский вездеход, а только потом был приукрашен в угоду богатеньким буратиным. Мне, честно говоря, такой апгрейд не нравился – это все равно что на боевого офицера при переводе его в штаб напялить камуфляж под цвет паркета. Но конкретно этой машине повезло – скоро она вернется в близкое к исходному состояние и начнет нести службу, для которой ее и создавали.

В принципе, конечно, можно было не маяться, а спокойно открыть два перехода – сначала с Дила в двадцать первый век, а оттуда в Форпост – и без затей перекатить по ним джип, но такому развитию событий мешали сразу два обстоятельства. Во-первых, мой московский гараж, слегка уменьшивший свой внутренний объем из-за мер по теплоизоляции, стал маловат для «гелендвагена» – он туда хоть чуть-чуть, но все же не влезал. Оставался сарай на даче, но как раз сейчас он был завален всяческим металлопрокатом, для которого в Форпосте еще не успели построить нормального склада. Да и не хотел я этот автомобиль светить в будущем, если честно. Его же будут усиленно искать, а мало ли, вдруг в нем спрятан какой-нибудь маячок, которого так просто не найдешь? Вполне, кстати, вероятно – машина-то дорогая. И ничего с ней в конце концов не стало, как миленькая доплыла до Манюниного острова, где Попаданец не вытерпел, тут же сел за руль и в порядке обучения вождению немедленно заехал в песок, откуда многострадальный «гелендваген» пришлось выдергивать трактором. Смотревший на это безобразие брат Абрамий только горестно вздыхал, но прокомментировать, ясное дело, не решился. Наоборот, поймав мой

заинтересованный взгляд, смиренный инок почему-то вздрогнул и несколько раз истово перекрестился. Все правильно, подумал я, ведь недавно церковное руководство объявило, что священнослужителям надлежит воздерживаться от использования престижных иномарок, обходясь более дешевыми и не вызывающими такого общественного резонанса корейскими. Меня, кстати, это заявление несколько удивило – а пользоваться русскими им что, вера не позволяет? Как-то это несколько странно, учитывая, что именно русские машины, по идее, собраны православными руками, а корейцы – они не то буддисты, не то вовсе синтоисты или еще кто-нибудь. Впрочем, нашему здешнему духовенству это без разницы...

Но тут мне почему-то вспомнился Лев Толстой, и я подошел к брату Абрамию.

– Скажи, гнида, то есть тьфу, инок, – а не приходилось ли тебе заниматься конным спортом?

Вопрошаемый замотал головой столь интенсивно, что я начал опасаться за его шейные позвонки.

– Жалко. Понимаешь, пахота на лошади есть дело богоугодное, и только что образованный монастырь Святого Преображения, как мне кажется, мог бы взять шефство над развитием коневодства в Океании. Тем более что отдельные его члены в этом уже финансово поучаствовали, пожертвовав на общее дело чемоданчик с презренными бумажками. Но если это у тебя вызывает затруднения, то можно попросить Сашу, он имел дело с лошадьми и наверняка не откажет в помощи.

Инок обреченно глянул на вытирающего руки Попаданца, потом опустил глаза на его армейские ботинки – видимо, представил себе, какие формы может принять эта помощь. Но возражать не решился.

Нет, только что пришедшая мне в голову идея вовсе не являлась плодом низменного желания поиздеваться над человеком, на которого в результате наших общих усилий уже был немного похож бывший аутсорсер. Просто лошадей так или иначе придется заводить, а кому это поручить – аборигенам Рекоху, которые их ни разу в жизни не видели даже по телевизору, или тасманийцам, у коих при виде такого здорового зверя наверняка разыграют охотничьи инстинкты? Вот то-то же.

– В общем, прикинь, где на территории монастыря можно построить конюшню, и приступай, – резюмировал я. – Можешь обратиться за помощью к отцу Мавродию, а то вы с Валерой будете возводить этот сарай до второго пришествия. Костю не трогай, у него хватает работы на верфи.

Глава 31

После новогодних праздников обычно наступает время скидок, причем экономические причины этого явления мне не очень понятны. Ладно там елочные игрушки или всякая пиротехника – их, если не распродать прямо сейчас, придется хранить еще год. С мототехникой тоже ясно – пора завозить свежую партию, чтобы весной предлагать покупателям свежие модели, а куда ее деть, если склады заняты нераспроданными прошлогодними машинами? Но вот почему вдруг почти на десять процентов подешевели прямоугольные нержавеющие трубы, я понять не мог, однако это не помешало мне заказать семь тонн этих полезнейших изделий.

Кроме них я закупал автомобильные генераторы, на базе которых мы собирались делать ветряки и мини-ГЭС, и тут ситуация была серединка на половинку. То есть белазовские мне удалось найти со скидкой, а вот жигулевские – нет. Но зато на аккумуляторы для грузовиков удалось сбить цену почти на семь процентов, что наполняло меня законной гордостью.

Я предавался ей в жарко натопленной бытовке на своем дачном участке, ожидая прибытия грузовиков с заказанным. Все-таки экономия – это хорошо, несмотря на столь вовремя подкинутые братом Абрамием деньги. Потому что чем больше я закупал всякого

необходимого, тем яснее понимал, насколько все-таки этого мало. А тут еще и соотношение скорости протекания времен прошло через минимум и бодро поползло вверх, что уже привело к хоть пока и небольшим, но все же трудностям с открытием переходов. Еще осенью я легко открывал дыры три на три метра, а сейчас с трудом получалось где-то два шестьдесят. Что явно указывало – халява с порталами подходит к концу, и совсем скоро по меркам двадцать первого века нашей Океании придется рассчитывать только на свои силы и ресурсы. Впрочем, с этим дело потихоньку выправлялось, а то одно время я уже начинал всерьез беспокоиться. И вовсе не из-за количества натащенного в прошлое металлолома или инструментов – ведь главнейший ресурс есть вовсе не железяки, а люди.

В самом начале моей эпопеи никаких поводов для пессимизма вроде не просматривалось, скорее наоборот – аборигены Хендерсона воспринимали новые ценности очень быстро и столь же быстро приобретали невиданные прежде навыки. Но потом дело начинало потихоньку стопориться почти у всех. Разумеется, не считая Поля, но он так и остался в единственном числе. Остальные же в какой-то момент резко замедляли свое развитие, только что на разных уровнях. Марик, например, кое-как зазубрив некоторые буквы и цифры, так и не научился толком читать – ему это было неинтересно. Впрочем, от него-то я и не ожидал особых интеллектуальных свершений, но, например, одна из лучших моих учениц Ханя тоже в один прекрасный момент заявила мне, что не понимает, зачем я подсовываю ей все новые и новые книги. Ведь главное произведение, которое создало человечество, она уже прочитала вдоль и поперек не один раз! И для чего, спрашивается, напрягать глаза, если все, что можно и нужно было сказать, уже сказано в трилогии про Незнайку?

Подумав, я пришел к выводу, что это и есть тот самый культурный шок, по поводу существования которого у меня до сих пор имелись серьезные сомнения. Люди вдруг обрели надежду, коей раньше у них почти не было. Теперь ни одному из племен, составляющих пестрое население Манюниного острова, больше не грозило вымирание. Да, это потребовало больших усилий, и почти все делали все, что было в их скромных силах. Но вот город построен, рядом с верфью вырос еще один, все сыты, почти никто всерьез не болеет – к чему тут можно еще стремиться? Этаким синдромом достижения, описанный Джеком Лондоном в «Мартине Идене».

Когда я прочел эту книгу в первый раз, мне показалось, что автор выбрал какого-то ну очень уж нестандартного героя – наверняка большинство людей вело бы себя на его месте по-другому. А теперь увидел, как именно. Достигнув всего, о чем только можно было мечтать, средний человек вряд ли настолько потеряет интерес жизни, что решит ее прекратить. Он просто утратит стремление к дальнейшему совершенствованию, вот и все.

Но не успел я толком впасть в пессимизм, как Попаданец, которому в общем-то тоже стало немного скучно, организовал большую экспедицию в Австралию.

В нее отправились три корабля из пяти, к этому времени составлявших наш флот. Флагманом был «Арктур» – долго строившийся, но наконец построенный сорокатонный катамаран, прототипом для которого послужил полинезийский «Хокулеа», что в переводе на русский означает «путеводная звезда», то есть тот самый Арктур. Его сопровождали небольшие «Тасмания» и «Австралия». Ветеран «Мечта» и последний из трех полужестких кораблей конструкции Поля, «Океания», остались у Флиндерса. Экспедиция состояла из тридцати человек при двух квадроциклах и одном небольшом восьмиколесном вездеходе-амфибии. Из-за которого его коллега по классу земноводных, то есть жаба, устроила мне самый настоящий скандал, ибо он, причем в слегка подержанном виде, обошелся в полмиллиона.

– Да за такие деньги можно купить два военно-санитарных «ЛуАЗа», которые тоже могут плавать! – вопила подруга. – Или набрать деталей для самостоятельного изготовления как минимум десятка.

– Можно, – согласился я, – но если покупать две «Волыни», то они будут достаточно поддержанными: их уже лет двадцать не выпускают. Сам я такие транспортные средства в глаза не видел, поэтому не факт, что у меня получится нормально сколхозить их самому. А главное – это же экспедиционная машина, то есть куда их нам таких больше одной? У конкретно этой к тому же стоит мотор, китайские копии которого мы ставим на наши самолеты, так что с запчастями не будет никаких проблем.

В общем, жабу мне удалось уболтать, и транспортный парк Океании приобрел еще одну единицу, на которую сразу же наложил лапу Попаданец.

Экспедиция продолжалась больше месяца и обследовала приличный кусок материка, прилегающего к Бассову проливу. Причем не сказать, что ее научные результаты так уж потрясали воображение. Карты этих мест у нас и так были, поэтому от экспедиции требовалось только уточнить их соответствие теперешней картине. Различия оказались несущественными – пойма одной небольшой речки проходила не в том месте, и в заливе Порт-Филипп вместо одного острова имелось два, разделенных узким и мелким проливом. Геологические изыскания привели к обнаружению небольшого месторождения болотной железной руды, и в одном из ручьев в незначительных количествах нашелся золотой песок. Пару раз экспедиции встречались аборигены материка, но на контакт они не шли, а быстро скрывались. Были сфотографированы гигантские серые кенгуру и несколько разновидностей ярких птичек, вот и все.

Но зато психологические результаты оказались огромными – из экспедиции вернулись совсем другие люди. Та же Ханя теперь в свободное от восторженных рассказов время читала запоем и все подряд.

– Правильно, – кивнул Попаданец, – это было сразу видно. Понимаешь, все они – и хендерсонцы, и мангареванцы, и уроженцы Чатема – выросли на ограниченных клочках суши. И все их предки до черт знает какого колена росли там же! Переселение на Манюнин ничего не изменило в главном – люди продолжали воспринимать как аксиому, что бескрайним может быть только океан, а суша обязательно нарезана небольшими кусочками. Вот, по-моему, эта пространственная ограниченность и являлась причиной ограниченности в стремлениях. Теперь же они не только увидели, но и прочувствовали до глубины печенок, сколь велик мир на самом деле. И то, что в экспедиции участвовали только три десятка, это не страшно. Ты посмотри, с какими глазами их слушают все остальные!

Хм, ведь так оно и есть, причем не только здесь, подумалось мне. Земной шар для людей двадцать первого века – это примерно то же самое, что Флиндерс для наших аборигенов. И одно, и другое при достигнутых уровнях развития можно пересечь из конца в конец за сутки. Да, на той Земле еще есть места, куда не ступала нога человека, но все они давно картографированы сверху. Но и мы, например, в болото на юго-западе острова пока не лезли, ограничившись аэрофотосъемкой.

А раз обстановка схожая, то и поведенческие реакции тоже будут аналогичными. В двадцатом веке казалось, еще немного – и человечество выйдет в дальний космос. У людей появилась надежда, что их внуки, а то и дети вырвутся с ограниченного шарика в бескрайние просторы вселенной. Но к веку двадцать первому порыв был перенаправлен. Какая там еще в зад вселенная? Деньги надо вкладывать в совершенствование всяких айфонов, айпадов и прочих джакузи! И в повышение комфортности автомобилей при общей неизменности их конструкции. Плюс, разумеется, святое, то есть настоящая цель прогресса – совершенствование финансовых механизмов для расширения возможностей меньшинству обогащаться за счет большинства, не давая взамен ничего.

Для приложения избыточных сил – а то мало ли, вдруг кого на подвиги потянет – человечеству были предложены компьютерные игры. И результат не замедлил последовать, причем почти такой же, как у нас. Читать люди еще не разучились, это пока в перспективе, но уже потеряли всякий интерес к этому занятию. Зачем, ведь в этих книжках все равно нет ничего такого, чего не увидишь в телевизоре!

То есть поступательное развитие человечества резко замедлилось, со временем грозя

совсем остановиться, а потом и вовсе повернуть вспять.

От воспоминаний и размышлений меня отвлек шум моторов – на мой дачный участок въезжала «газель», за которой следовал «КамАЗ». Я накинул куртку, шапку и вышел. Прибыла первая партия из заказанного – сотня жигулевских генераторов плюс семь тонн нержавеющей труб. Кроме того, в горьковском грузовичке приехали пятеро грузчиков.

Мы часа за полтора перекидали все привезенное в сарай, после чего, получив деньги за доставку и разгрузку, народ уехал. Я же вернулся в бытовку, подбросил дров в пошехонку, съел пару бутербродов с отварной кенгурятиной, попил кофе с вареньем из лепестков австралийского чайного дерева и лег спать, поставив будильник на три часа ночи. Потому как перегрузку из сарая в Форпост лучше все-таки делать тогда, когда вероятность, что кто-то вдруг случайно увидит что-нибудь лишнее, будет минимальна, то есть глубокой ночью.

Пока мы переправляли купленные железяки на Флиндерс, снег вокруг моего сарая слегка подтаял. В принципе не помешало бы и ему улучшить теплоизоляцию, подумал я, но потом решил не заниматься всякой ерундой. В конце концов, там же стоит дизельная тепловая пушка, на которую в случае чего можно будет убедительно списать подобные температурные аномалии. Тем более что половина зимы уже прошла, а к наступлению следующей меня здесь точно не будет. Черт возьми, но ведь это же вообще последняя нормальная зима со снегом, которую я вижу! Если, конечно, не соберусь в прошлом открывать Антарктиду, что вряд ли: там еще Австралия толком не открыта.

Утром прибыли белазовские генераторы и два трехколесных грузовых мотоцикла, но эта партия так и осталась в сарае. Места она занимала немного, так что ее можно будет перебросить в Форпост, когда я соберусь туда возвращаться. Сейчас же мой путь лежал в Москву – новогодние праздники кончились, и пора было показаться на работе. Очень, кстати, длинные праздники – ведь у нас за те неполные две недели прошло больше двух лет. Я даже немного беспокоился – не обратит ли шеф внимание на изменения в моей внешности, но ему подобные мелочи оказались глубоко неинтересны, тем более что он явно еще не отошел от встречи старого Нового года. Но зато наша завскладом, с коей я старался поддерживать неизменно хорошие отношения, несмотря на ее регулярные намеки про дочь-красавицу, которая никак не может найти своего идеала мужчины, разницу увидела сразу.

– Ой, Коля, как вы изменились! – закудаhtала тетка. – Прямо повзрослели, а то раньше выглядели каким-то мальчишкой, хоть и солидный человек. Лицо у вас стало такое суровое, загорелое...

– На Кавказе по горам лазил, – ответствовал я. – Там, в горах, такие условия, что жить захочешь – вмиг посуровеешь.

– Ничего, вам это идет, и тут недавно Евтюхов заходил, про вас спрашивал. Ну, который с третьего этажа, из метрологии, у него еще дача рядом с вашей.

Блин, подумал я, неужели этот тип что-нибудь увидел? Хотя как, он же там с осени не был, на его участке ровный снег и никаких следов. Не хотелось бы принимать меры, человек-то вроде приличный, да и кошка у него один в один как моя, что теперь лежит под пирамидой на Изначальном острове. Пожалуй, надо сходить и поинтересоваться, в чем тут дело.

Сказано – сделано, и вскоре я слушал душещипательную историю, к счастью для рассказчика, никоим образом не относящуюся к моему сараю. Она была про кошку, очень похожую на ту, что пошла со мной на остров Хендерсон, да там и осталась.

Выяснилось, что существование этого мохнатого и хвостатого животного вошло в непримиримое противоречие с женитьбой сына моего собеседника. У невестки обнаружилась сильнейшая аллергия на шерсть, и теперь он просто не знал, куда ее девать. Кошку, понятное дело, а не невестку.

– Николай, она же очень красивая и вас совсем не боится, что вообще-то странно – Мальвина очень осторожное существо. Может, возьмете ее себе? Я бы даже это как-то компенсировал, если решите помочь.

– Какой прогресс! – восхитилась жаба. – Теперь за кошек у тебя не просят денег, а предлагают их! Может, возьмем сразу десяток?

– Увы, здесь дают только одну. Впрочем, нам больше и нужно. Кроме того, я не возьму денег. Да успокойся ты, амфибия пупырчатая! Человек окажет нам услугу, которая будет стоить всяко дороже тех копеек, что он собирался дать вместе с кошкой.

В общем, мы договорились, что Евтюхов, раз уж он работает в КИПе, поможет мне с приобретением для моего предприятия списанных приборов, которыми и так уже под самый потолок забиты две комнаты в подвале. А кошку я заберу прямо сегодня после работы.

Коллега жил вроде бы неплохо, то есть в четырехкомнатной квартире на пятерых человек и одну кошку. С другой стороны, эта квартира находилась на первом этаже хрущевской пятиэтажки, давно требующей ремонта.

– Не раздевайтесь, у нас холодно, – предупредил меня хозяин. Действительно, хотя на улице было градусов пятнадцать – семнадцать, тут наблюдалось примерно столько же, только со знаком плюс.

– Топят совсем слабо, – пояснил хозяин.

Ага, зато утеплить хотя бы окна-то тебе что мешало, подумал я. Вон как из щелей сифонит!

Тем временем из-под шкафа вылезла кошка и с интересом, чуть приоткрыв рот, уставилась на меня. Ну точная копия старой, прямо один в один! Я нагнулся и взял ее на руки – животное хоть и сделало поначалу шагок назад, но убежать не стало, а на руках и вовсе расслабилось.

– Ладно, мы пошли, пока машина не выстудилась, – попрощался я. – А как узнаете у своего начальства насчет приборов, сразу сообщите.

Таким образом, к бывшим обитателям Хендерсона всего через девять лет после смерти первого явился новый священный зверь, приносящий счастье. Как раз тогда, когда после австралийской экспедиции они очнулись от наслаждения вдруг свалившейся на них стабильностью и вновь почувствовали вкус к познанию границ мира. Праздник по этому поводу продолжался два дня, а мы с Женей, Попаданцем и дядей Мишей, посоветовавшись, решили сделать его ежегодным.

Глава 32

На рубеже шестнадцатого и семнадцатого веков, то есть в декабре одна тысяча пятьсот девяносто девятого года, к нам все-таки пожаловали испанцы. Их корабли были обнаружены патрульным самолетом километрах в ста пятидесяти от атолла Дьюси, то есть форта Крайнего, и они держали курс именно к нему. Естественно, тут же была отбита радиограмма на Изначальный остров, откуда дядя Миша быстро связался со мной. Так как мои биоритмы не препятствовали, я быстро открыл дырку в сарай на даче, а оттуда – на Хендерсон. По ходу дела произвел замер максимально возможного диаметра открытия – получилось два метра пятнадцать сантиметров, то есть еще чуть меньше, чем в прошлый раз.

– «Тритон» будет готов к выходу в море минут через десять, – сказал майор, пожимая мне руку, – или ты полетишь на «Шаврушке»?

Сам он уже пару лет не поднимался в воздух – все-таки годы брали свое. Дядя Миша теперь и ходил-то с некоторым трудом, опираясь на палочку. Но продолжал гонять новобранцев, для которых на Изначальном острове было организовано нечто вроде учебки, где они проходили годичный курс молодого бойца. Впрочем, у него давно имелись двое вполне квалифицированных заместителей из ветеранов мангареванской революции. Однако если учесть, что нашему патриарху шел уже восемьдесят пятый год, выглядел он для такого возраста очень даже неплохо и в ближайшее время помирать явно не собирался. Что подтверждал Женя, к которому дядя Миша являлся на медосмотр два раза в год.

– Нет, куда спешить-то? На «Тритоне» вполне успею. Вы со мной или как?

– Да, пожалуй, не помешает проветриться, а то что-то я засиделся. Опять же если это действительно испанцы, то поработаю квалифицированным переводчиком, ты ведь их если и поймешь, то с трудом, а они тебя и того хуже.

В позапрошлом году «Тритон» прошел модернизацию, в процессе которой на него был установлен шестидесятисильный хондовский мотор, и теперь мог развивать до сорока километров час. Правда, крейсерским режимом все-таки было тридцать, но их он легко держал при волнении до четырех баллов. Сейчас же вовсе был почти штиль, так что гостей следовало ждать не раньше чем послезавтра.

Вскоре наш кораблик бодро мчался на восток, и вечером мы без всяких приключений достигли атолла Дьюси. За это время гости продвинулись километров на сорок, как сообщил нам сделавший еще один рейс гидроплан с форта Крайнего.

Утром мы поставили большую разноцветную палатку для торжественного приема, а потом лично я просто валялся на пляже, иногда окунаясь в теплую воду лагуны. Потому как пляж-то в Форпосте был ничуть не хуже здешнего, но вот полежать на песочке там не больно получалось – всегда находились какие-нибудь дела.

После обеда я слетал лично посмотреть на наших визитеров. Да, это действительно испанцы, если судить по флагам. Подлетел поближе, пару раз пронесся над самыми верхушками мачт, после чего демонстративно лег на курс к Дьюси, чтобы люди не промахнулись. А то ведь этот атолл настолько низкий, что никаких облаков над ним не образуется, и обнаружить его можно самое большее километров за тридцать, да и то с площадок на мачтах. Где, впрочем, сидели наблюдатели – один так вообще чуть не свалился, с разинутым ртом пялясь на мой гидроплан. Разведчики-то близко не подлетали, поэтому их если и заметили, то наверняка толком не поняли, что это такое.

Ровно через сутки, то есть к двум часам следующего дня, испанские корабли приблизились к атоллу и встали метрах в трехстах от форта, над которым мы заранее подняли океанский флаг – красное полотнище с серпом и молотом в углу. Я не стал изобретать никакой отсебятины – зачем? Флаг вполне приличный, здесь такого ни у какой страны нет, да и там последнее время тоже, хоть это и не суть важно. В общем, гости быстренько начали спускать шлюпки, но тут к их кораблям подплыла небольшая радиоуправляемая лодочка с мощным динамиком, который оглушительно заорал, что на территорию Океании с оружием высаживаться нельзя. Исключение делается только для шпаг господ офицеров, и все. Произошла примерно сорокаминутная заминка, но потом все же от кораблей отделились две шлюпки и двинулись к берегу. Я было решил, что, раз посудин две, к нам плывут как минимум две важные персоны, но ошибся. У прибывших был один совершенно явный командир, при нем двое офицеров, а все остальные оказались просто матросами-гребцами. Во второй лодке вообще важных персон не оказалось, она везла какие-то свертки и ящики.

– Никак там подарки? – заинтересовался дядя Миша.

Тем временем старший из прибывших, весьма похожий на артиста Боярского, да и одетый почти как он в своей мушкетерской роли, представился, причем по-английски:

– Адмирал Себастьян Вискаино, прибыл в Океанию по поручению его высочества вице-короля Новой Испании Гаспара де Суньига и Монтеррей для установления дружеских отношений.

Раз гость заговорил по-английски, переговоры взял на себя я. А то, что майор знает испанский, в таком случае можно будет не светить, авось и пригодится.

– Михаил Анисимов, наместник Дальнего Востока Океании, – представил я майора. – Николай Мещерский, представитель Центрального совета и переводчик.

И не подумайте, что я импровизировал наспех! Мы с дядей Мишей еще вчера договорились, кто есть кто, и даже записали это в вахтенном журнале форта.

– Очень приятно, – приложил ладонь к козырьку фуражки майор, – прошу в палатку, а то на солнце немного жарковато.

Я перевел, и мы проследовали в тень, то есть здоровенную желто-зеленую палатку «тим фокс».

Хоть визитер все время косился в сторону лагуны, где покачивался на мелких волнах гидроплан, первый вопрос он все-таки задал про величину и расположение Океании. Мы это предвидели, так что испанцу была вручена карта южных частей Тихого и Индийского океанов, только с полностью убранными названиями. Зона, ограниченная десятой южной параллелью, сто пятнадцатым западным и сто пятнадцатым восточным меридианами, была заштрихована красным.

– Это воды Океании, – пояснил я, – и все земли в ней принадлежат нашей державе, а пребывание вооруженных кораблей без предварительного согласования может кончиться для них весьма печально. Ведь то, что вы с таким интересом рассматриваете, далеко не самое большое воздушное судно, но даже оно может легко сжечь два таких корабля, как ваши. Если хотите, могу после переговоров продемонстрировать, как это выглядит. Карта останется вам, так что можете потом изучить ее без спешки.

– Спасибо, это поистине царский подарок, – кивнул испанец, – но позвольте перед вручением вам ответных даров кое-что сообщить. Вот здесь к вашим границам довольно близко подходят острова, которые мы называем Молуккскими, и за них сейчас борются португальцы и голландцы. Не поручусь, что они еще не заплывали в ваши воды, а люди это жадные и бессовестные – что одни, что другие.

– Так он, значит, ябедничать приплыл? – догадался дядя Миша. – Тогда это только вступление, а дальше нам будут рассказывать про англичан.

– Его высокопревосходительство наместник благодарит вас за интересные сведения, – перевел я, – и просит продолжить ваш занимательный рассказ.

Он не замедлил последовать, и именно в том ключе, как и прогнозировал майор. Мы узнали, что не так давно, порядка двадцати лет назад, в Тихом океане появились совершенные отморозки, для которых вообще нет ничего святого. Раньше они смирно сидели на своем острове в Европе, именуемом Англией, но тут вдруг сорвались с цепи. И начали творить такое...

Самое интересное, что рассказ испанца, кажется, основывался на действительно имевших место событиях. Разумеется, не обошлось без явных преувеличений, но основная сюжетная линия показалась мне знакомой, и я решил уточнить:

– Господин адмирал, вы описываете нам экспедицию сэра Френсиса Дрейка?

– Как, вы тоже слышали про это исчадие ада?!

– Ну разумеется, причем не только слышали. И читали, и видели. Правда, побеседовать лично мне с этим господином не удалось и теперь уже не удастся – он помер, если не ошибаюсь, года три назад. Но, судя по словам достойных доверия людей, это был весьма неординарный человек.

Гость в некотором обалдении уставился на меня, явно пытаюсь понять – неужели это правда? Она самая, дорогой адмирал, она самая, ведь я действительно не соврал ни единым словом. Приходилось мне читать про сэра Френсиса, и немало, да и его портреты я тоже видел. А модель флагманского корабля знаменитого пирата, «Золотой Лани», даже держал в руках.

Дон Вискаино глубоко вздохнул и разразился речью, из которой следовало, что верить как Дрейку в частности, так и англичанам вообще нельзя ни в коем случае. Обманут, обязательно обманут!

Тут дядя Миша вмешался в разговор, солидно подтвердив, что, по его мнению, этому Дрейку палец в рот лучше не класть.

– Вот именно! – обрадовался адмирал, которого, похоже, ничуть не смутил явно незнакомый оборот про палец. И продолжил свое повествование, теперь в основном уже не про конкретные дела сэра Френсиса, а про глубокую отвратительность всех англичан без исключения. Причем он ухитрился поддерживать эту тему более получаса, ни разу не повторившись.

Пока наш гость исходил красноречием, подчиненные дяди Миши успели накрыть стол, и я предложил приступить к обеду. В процессе которого попросил адмирала рассказать о политической обстановке в Европе – кто там где царствует, с кем воюет и чем торгует. Дон Вискаино не отказался и начал...

Вот ей-богу, по его речам получалось, что мы попали не в свое прошлое, а в какой-то альтернативный мир! Где империя добра, то есть белая и пушистая Испания, вела неравную, но все же успешную борьбу с наседающими на нее со всех сторон силами тьмы. В число которых входили, кроме уже упомянутых Англии и Голландии, Франция во главе с развратником и мерзавцем Генрихом Четвертым, а также Португалия, нагло нарушающая какой-то Тордесильяский договор и даже буллу папы Александра Шестого². В общем, полный кошмар, о чем я сочувственно поведал адмиралу. И предложил после обеда посмотреть на наше оружие в действии.

Пушка, стреляющая на два с половиной километра, причем аж целых три раза в минуту, привела испанца в офигение, а полет гидроплана со сбросом двух пятилитровых зажигательных бомб довершил картину. Заикаясь от потрясения, он спросил, чего хочет Океания за столь фантастическое оружие.

– Мы не продаем летающих машин и новейших пушек, – объяснил я. – Как и другого оружия, способного нанести вред нам самим. Однако можем снабдить Испанию хоть и менее совершенными, но все равно грозными орудиями, равных которым в Европе нет и в ближайшее время не будет.

Дальше дону была показана дульнозарядная гладкоствольная стомиллиметровая пушка с длиной ствола метр девяносто, сделанная из двух стальных бесшовных труб, горячим способом насаженных одна на другую. Это орудие продемонстрировало дальность в километр и скорострельность один выстрел в минуту, что по нынешним европейским меркам тоже было за гранью возможного. Причем мы хотели за нее сущие копейки, то есть всего две с половиной тонны ложного серебра, оно же платина.

– Вы нашли какое-то применение этому почти бесполезному металлу? – заинтересовался испанец.

– Разумеется, целых два. Первое нас не очень интересует, но, возможно, вам покажется иначе. Этот металл прекрасно сплавляется с золотом, причем если платины в сплаве не больше трети, то его будет очень трудно отличить от чистого золота – только по удельному весу. Но и тут есть выход – добавить в сплав более легкое серебро, тогда результат выйдет и вовсе неотличимым.

Я без особой опаски делился секретом, потому как мы не собирались покупать у испанцев золото – зачем, когда его месторождения, оказывается, есть совсем рядом с Форпостом. Пусть доны надувают соседей, а мы пока перейдем к пушкам.

– И второе, касающееся уже артиллерии. Чем тяжелее ядро при том же калибре, тем дальше и точнее оно летит. Возможно, вы уже сталкивались с этим явлением, сравнивая каменные и чугунные ядра.

Дон подтвердил, что так оно и есть, а я продолжил:

– Но делать ядра из свинца нельзя, они расплавятся в стволе еще в момент выстрела. Однако платина – достаточно твердый и тугоплавкий металл, который к тому же почти вдвое тяжелее свинца. То есть если вы хотите иметь лучшие в мире ядра, они должны быть из платины.

– Кажется, – сказал испанец, – я смогу предоставить вам некоторое количество платины прямо сейчас, мешки с песком и самородками есть в трюме моего корабля, мы их взяли как дополнительный балласт.

Дон отдал распоряжение, и одна из шлюпок отправилась к кораблям, а мы приступили

² Договор между Испанией и Португалией о разделе сфер влияния (а точнее – колониальных захватов) подписан в городе Тордесилья в 1494 г., а основывался на линии разделения, установленной буллами Папы Александра VI от 1493 г.

к обмену подарками.

Испанцы привезли образцы древесины, которую они могли поставлять, в том числе, что меня заметно обрадовало, и бальсы. В мешках же содержался перец различных сортов, корица и какие-то душистые сушеные листья. В ответ они получили двести с небольшим кило продукции Московской зеркальной фабрики на Нагорной – поровну просто стекла и зеркал, все в листах метр на метр двадцать. Я уточнил, что это не плата за перец, а именно подарок, а вообще-то пряности нам не нужны, в отличие, например, от бальсы. Хотя испанец и сдерживался, по его виду все-таки можно было догадаться, что экспедиция уже окупилась, причем с хорошей прибылью.

До вечера шлюпка с корабля успела сделать два рейса, а утром – еще один, привезя в общей сложности две тонны двести килограммов платины.

– Ладно, – сделал я широкий жест, – остаток поверю в долг, и всего под пять процентов годовых. Забирайте пушку, и пусть она наводит ужас на врагов прекрасной Испании, к которой я уже чувствую заочную симпатию. И в качестве подарка – вот вам канистра с коричневым порохом, он лучше подходит для этого орудия, чем черный, хотя можно заряжать и его. Если захотите рецепт, он обойдется вам всего в двадцать бальсовых стволов вот такой толщины – я развел руки примерно на метр.

На самом деле это был тот же дымный порох, только с немного измененным соотношением ингредиентов и сделанный на основе не до конца отожденного древесного угля. Но совесть меня не мучила, потому как без наших подсказок европейцы научились бы делать такой порох только через сто пятьдесят лет, а ведь для пушек, особенно длинноствольных, он существенно лучше обычного черного.

Тут, конечно, может возникнуть вопрос – а с чего это мы вдруг решили подружиться именно с испанцами? Ведь время этой империи ушло вместе с утонувшей Великой армадой, и сейчас начался путь вниз, в результате которого на месте бывшей великой империи окажется третьестепенная страна.

Так ведь именно поэтому! Испании, в отличие от Англии, Франции и Голландии, уже не нужны новые земли – удержать бы что есть. Так пусть удерживают и подольше конкурируют с той же Англией и прочими! Нанося им более существенные потери, чем в нашей истории. Глядишь, у этих стран останется меньше возможностей для организации экспедиций в южную часть Тихого океана – все силы будут уходить на борьбу с Испанией. И правильно, нечего им тут делать, колонизаторам хреновым. Когда понадобится, наши потомки сами к ним приплывут.

Глава 33

Тем временем в Москве после непродолжительного потепления вновь похолодало. Не очень сильно – столбик термометра не опускался ниже минус тридцати даже ночью, но держалась такая погода устойчиво. В новостях регулярно появлялись сообщения о прорвавшихся трубах с кипятком, причем не только в Питере, но уже и в Москве. Впрочем, в нашем доме было сравнительно тепло. После того как перед Новым годом весь микрорайон чуть не вымерз, сняли зампрефекта, а оставшимся, кажется, сделали хороший втык, так что батареи грели вовсю, а к жильцам периодически заходили какие-то девочки из управы и спрашивали, нет ли жалоб на отопление.

Мой очередной визит в двадцать первый век был достаточно длинным, он планировался на две недели, чтобы использовать зеленую клетку в Жениной таблице. В общем, образовалось какое-то количество свободного времени, и я решил употребить его на поход по врачам.

Нет, со здоровьем у меня было нормально, тут имелись несколько иные соображения. Так как последнее время походы в будущее стали довольно редкими, от одного появления на работе до другого иногда проходили годы, причем весьма насыщенные всякими событиями.

Естественно, не помогали никакие шпаргалки – я просто не мог вспомнить и половины того, чем занимался в прошлый раз, и шеф уже начал косо на меня поглядывать, а увольняться с работы я пока не хотел. Вот и решил зайти в поликлинику, тем более что ее сильно хвалили, и пожаловаться на преждевременное старение. Должны же медики хоть что-то заметить – хоть я и выгляжу довольно молодо для своего реального возраста: ведь скоро стукнет шестьдесят, – но по паспорту-то мне всего тридцать пять лет!

Врачи не ударили в грязь лицом и почти сразу обнаружили у меня редчайшую болезнь, именуемую прогерией, – я потом не поленился посмотреть в «Википедии», что это такое. В общем, мне предложили лечь на обследование, и я сказал, что обязательно последую ценному совету, но чуть позднее – надо еще успеть закончить все дела в этом мире. В ответ врач почему-то начал меня утешать, что, мол, не все еще так плохо, а потом всучил кучу направлений на анализы. Я попросил еще и справку насчет склероза или маразма, которая, к некоторому моему изумлению, была тут же выдана.

Ну а насчет анализов я посоветовался с Женей Зябликовым, открыв маленькую дырку в Форпост, но не переходя туда. Наш эскулап быстро просмотрел направления и сказал, что этот, этот и вон тот ему пригодятся в процессе наблюдения за моим здоровьем, так что их действительно лучше сдать, пусть даже для этого и придется куда-то ехать.

Возвращался я поздним вечером. Асфальт на Севастопольском проспекте от холодов пошел даже не волнами, а какими-то горбами, на которых моя бедная «девятка» гремела и подпрыгивала. Я начал было жалеть подвеску, но потом вспомнил, что ей осталось всего ничего, а потом машина будет переправлена в прошлое. Где она будет стоять в моем дворе как памятник утраченному будущему, причем в этой роли даже полностью убитая подвеска ей нисколько не помешает.

В квартире за время моего недолгого отсутствия заметно похолодало. Приложил руку к батарее – чуть теплая. Значит, одного снятого чиновника оказалось недостаточно для сколько-нибудь долговременного эффекта. Наверное, объявленного виновным надо было еще и посадить. Или просто снять не одного, а штук десять? Пожалуй, лучше всего поможет комбинация из этих способов, подумал я и лег спать.

Проснулся ранним утром – от холода. Действительно, в моей комнате было не более десяти градусов тепла. В кухне – чуть меньше, батареи стали вообще ледяными, а наружный термометр при этом показывал всего двадцать семь градусов мороза. Странно, почему квартира так быстро выстудилась – вроде я ее хоть как-то, но утеплил? Впрочем, ответ был ясен. Если в замкнутом объеме, пусть даже и с абсолютной теплоизоляцией, находятся принудительно охлаждаемые тела с развитым оребрением, то есть батареи под окнами, то температура все равно будет понижаться. Что она и сделала.

Ехать на работу было еще рано, и я потратил часа полтора на обогрев хотя бы своей комнаты при помощи солярогаза – штуки хоть и довольно вонючей, но весьма эффективной. Пока он переводил граммы топлива в калории, я соорудил пенопластовые короба вокруг батарей, чтобы они не так выстужали мое жилище. После чего взял аккумулятор от «девятки», который ночевал не в машине, а дома, баллончик с эфиром для облегчения пуска и спустился к своему лимузину. Несмотря на почтенный возраст и непрестижную национальную принадлежность, «девятка» завелась почти сразу. Кстати, на дорогах было заметно свободней, чем обычно, – видимо, далеко не все иномарки оказались столь морозоустойчивы. Или их владельцам лень было с вечера тащить домой аккумуляторы, что тоже вполне вероятно. Впрочем, большинство, наверное, вообще не имело представления о такой возможности, несмотря на почти поголовное высшее образование.

Вечером на двери подъезда обнаружилось объявление, в коем разъяснялось, что на теплотрассе произошла авария, которая сейчас оперативно устраняется. Кроме того, уже задействована какая-то резервная схема, так что волноваться не нужно. Я, собственно, и не собирался, так что вновь вытащил аккумулятор, зашел в подъезд и вызвал лифт. Лампочки

горели тускло, время от времени подмигивая, а лифт вообще никак не прореагировал на нажатие кнопки. Вздохнув, я потащил аккумулятор на девятый этаж пешком. Пожалуй, если такое безобразие будет продолжаться, «девятку» придется держать в гараже, а то и вовсе в Форпосте.

Квартира встретила меня могильным холодом. Да уж, видимо, задействованная схема подключения батарей была уж очень резервной – настолько, что на их ребрах уже появилась изморозь. Ничего, я человек не привередливый, да и солярки у меня полная канистра. А впереди два выходных, которые можно будет потратить на лазание по Интернету, благо он вроде работает без перебоев. Правда, горячей воды нет, но зато есть холодная, которую нетрудно подогреть на газовой плите или солярогазе.

С утра в субботу электричество перешло в импульсный режим – то есть появлялось минут на пятнадцать – двадцать, а потом пропадало на неопределенное время. Газ шел еле-еле, и я, посмотрев на дрожащие голубые огонечки, не только выключил плиту, но и перекрыл кран на магистрали. Потому как при таком напоре конфорка может запросто погаснуть, и газ начнет потихоньку скапливаться на кухне. А потом любая искра – и взрыв.

Он действительно не заставил себя ждать и шарахнул около четырех часов дня – правда, не у меня, а в другом конце дома, через четыре подъезда. К счастью, грохнуло слабенко, жертв вообще не было, а в больницу увезли всего двоих, зато пожарные под возмущенные вопли жильцов залили водой чуть ли не половину подъезда, никто толком даже погреться не успел. Газ же после этой истории совсем отключили, причем не только в нашем доме, но и в трех соседних.

Ближе к вечеру я поискал в Интернете новости про наш локальный мини-апокалипсис, но нашел только несколько сообщений об аналогичной ситуации в Выхине. Там без тепла остались сразу два микрорайона, народ принялся обогреваться газом и электричеством, в результате чего накрылась подстанция, а газ перекрыли, не дожидаясь взрывов.

В воскресенье кончилась уже и холодная вода. С утра она еще текла тоненькой струйкой, сопровождаемой утробным хрюканьем крана, но к обеду струйка иссякла – при открытии крана раздавался только звук, и больше ничего. Вечером прекратился и он, что почти наверняка говорило о замерзших трубах. И наконец утром в понедельник температура в квартире опустилась ниже ноля – правда, пока всего на полградуса, но я сильно подозревал, что это только начало. В общем, явно пора было переселяться в гараж, чем я и решил заняться сразу по возвращении с работы.

В институте, как ни странно, меня встретила вполне комфортная температура, и даже сеть не прыгала, хоть и была слегка пониженной. Прямо хоть оставайся тут ночевать! Шеф, кстати, именно это мне и предложил, узнав о ситуации в нашем микрорайоне. Но я отказался, сославшись на свой гараж.

Вечером я сначала заехал домой за ноутбуком и некоторыми другими необходимыми вещами. Подниматься, естественно, пришлось пешком, и на лестнице между четвертым и пятым этажом обнаружилась приличных размеров наледь, причем, судя по ее виду, образованная не водой, а мочой. Небось алкаши Савостины нагадили, подумалось мне, они живут как раз на пятом. Однако это, скорее всего, означает, что, пока я трудился на благо родной космической отрасли, в доме накрылась уже и канализация. То есть существование в промерзшей квартире на девятом этаже без каких-либо удобств потеряло всякий смысл.

Загнав «девятку» в гараж, я по-быстрому выгрузил из нее барахло, после чего открыл дырку в Форпост. Мне туда было еще рано, так что я просто прицепил к ней трос и бросил конец в прошлое, где его уже ждал десяток самых здоровых аборигенов во главе с Мариком. Для обратного перемещения машины в гараже имелась лебедка.

Так как давление на Манюнином острове было заметно выше, чем в Москве, то за пару минут, потребовавшихся для перемещения машины теперь уже не в шестнадцатый, а семнадцатый век, холодный воздух гаража был полностью вытеснен теплым из прошлого.

Закончив с перетаскиванием «девятки», Марик передал мне корзинку, после чего

портал был закрыт. Я разобрал раскладушку, застелил ее, поставил рядом туристический столик и снял тряпку, прикрывающую корзину. Под ней оказался армейский котелок с горячим черепаховым супом, два шампура с шашлыком из валлаби и термос с австралийским чаем. А жизнь-то потихоньку налаживается, подумал я и, растопив печку-пошехонку, приступил к ужину.

Жизнь в гараже оказалась вполне комфортной, тем более что его задняя часть являлась одновременно внешним забором, за которым был овраг, где еще при Брежневе вроде начинали что-то строить, да так и бросили. И еще задолго до начала своих межвременных приключений я продолбил там дыру, вставил мощную стальную дверцу и замаскировал ее, она почти не бросалась в глаза снаружи. Так что теперь до туалета, в качестве которого использовались две прислоненные под углом друг к другу бетонные плиты, было десять шагов. В институт я теперь ездил на городском транспорте – лень было возиться с вытаскиванием машины из прошлого и последующим заталкиванием ее обратно, да и ни к чему. Для поездок же на двух колесах было все-таки холодновато. Еще прошлой зимой я опытным путем определил, что до минус десяти градусов на скутере можно ездить без всяких ограничений. От десяти до пятнадцати – только если дорога занимает не больше часа. В интервале от пятнадцати до двадцати допустимое время пути падает до сорока минут. От двадцати до двадцати пяти в принципе тоже можно ездить, но только если очень надо. Ниже двадцати пяти – это уже будет не поездка, а эпический подвиг, на который можно пускаться только во имя чего-нибудь великого и светлого типа спасения галактики или вояжа в ночной магазин, когда кончилась водка.

На третий день гаражного житья новость про наш микрорайон просочилась в Интернет, и мне стало любопытно – а как там сейчас обстоят дела в моей квартире? Так что после работы, выйдя из метро, я сделал небольшой крюк и вскоре поднимался на свой девятый этаж по темной и загаженной лестнице. Разумеется, фонарик у меня с собой был, но зачем привлекать излишнее внимание, если без этого можно обойтись? Тем более что тьма на лестнице не абсолютная, вполне можно рассмотреть, куда ставишь ногу.

На третьем этаже я почувствовал, что на лестнице, кроме меня, есть и еще кто-то. Точнее, почуял – запах был весьма характерный. Это что же, какой-то скотине настолько влом выйти на улицу, что она исходит дерьмом прямо здесь? Быстро пробежал два пролета вверх – и точно, сидит, мерзавец, спустил штаны и тужится. Причем, что удивительно, это не один из алкашей с пятого этажа, на которых я грешил в первую очередь! А Владлен Сергеевич с седьмого – кажется, он музыкальный критик. Интеллигент, блин, – не поленился спуститься на пять пролетов вниз, чтобы на него никто не подумал! У меня даже мелькнула мысль взять его за шкуру и хорошенько потыкать мордой в содеянное, но стало противно. Я просто от души пнул свина в брюхо, так что он влип в свою же кучу, и продолжил путь наверх.

Ничего неожиданного дома меня не встретило – там было все так же темно и холодно. Но не как на улице, а всего три градуса мороза. Я включил светодиодный светильник и сел. Стояла какая-то непривычная тишина.

Если кто живет в хрущевской пятиэтажке или раннебрежневской девятиэтажке, он поймет, о чем разговор. В этих домах звукоизоляция как бы вывернута наоборот – то есть иногда кажется, что стены не ослабляют, а усиливают звуки. Музыку или пьяную драку отлично слышно через два, а то и три этажа. Для хорошего семейного скандала не предел и четыре. Так вот, сейчас ниоткуда не доносилось ни звука. Хотя...

Я прислушался, а потом приставил стакан к стене, отделяющей мою квартиру от соседней, и приник к нему ухом. Сразу стало ясно, что насчет полной тишины – это только казалось. У соседей кто-то негромко, но натужно кашлял. И еще тихо-тихо плакал ребенок.

Похоже, у кого-то дела идут совсем не блестяще, подумал я. Взял фонарик, на всякий случай проверил, нормально ли достается из плечевой кобуры мой гибридный пистолет с револьвером, и, открыв свою входную дверь, постучал в соседнюю. За ней раздалась

шаркающие шаги, и вскоре мне открыла закутанная какими-то тряпками бабка с горящей свечкой в руке. Ну да, припомнил, соседка. Как там ее – Александра Евгеньевна или Евгения Александровна? Кажется, кроме нее, в квартире живет еще довольно молодая пара с дочкой лет десяти.

Вскоре я сидел за столом (бабка долго извинялась, что не может предложить мне даже чая) и слушал ее невеселый рассказ.

Итак, молодые мама с папой решили в кои-то веки раз отдохнуть, тем более что им подвернулся до неприличия дешевый двухнедельный тур в Египет. Их дочка, Маша, осталась в Москве, с бабушкой. Но тут вдруг в том самом Египте началась стрельба и не то чрезвычайное, не то военное положение, так что родители теперь не знают, как оттуда выбраться. А в Москве – сами видите что. И даже позвонить нельзя, потому что телефон окончательно сел, а электричества нет, вот Маша и плачет.

Я слушал бабку, оказавшуюся все-таки Александрой Евгеньевной, и мне чем дальше, тем больше становилось стыдно. Ладно, всякие там депутаты сидят в своих теплых хоромах о десятках комнат и в ус не дуют, а пустить к себе хотя бы три-четыре семьи из замерзающих домов им, естественно, кажется настолько диким, что дальше просто некуда. Тут все понятно, скоты – они и есть скоты. Но я-то тогда кто получаюсь?

В течение получаса после этого в моей квартире происходили авральные работы. Сначала я открыл портал и все окна, чтобы не мешать вытеснению холодного воздуха. А сунувшемуся в дырку Марику, для которого со времени предыдущего открытия прошло минут двадцать пять, велел срочно тащить сюда небольшой двухкиловаттный бензогенератор и печку-пошехонку экспедиционной модели с двойным набором труб-дымоходов. Инструменты и материалы у меня и так были, так что я приступил к работе. Первым делом вырезал из гипсолита два прямоугольника по размеру форточки, затем провертел в центре каждого дыру под дымоход. Положил между ними обрезанный по размеру кусок прессованной стекловаты, стянул по углам четырьмя болтами, просунул в дыру выходное колено дымохода с домиком на конце и, сняв форточку, вставил на ее место получившуюся конструкцию. Остаток гипсолита пошел на подставку для печки. Потом обошел квартиру. Так, почти вся мебель, кроме стульев и табуретки, из ДСП, ее можно жечь только в самом крайнем случае, потому как горит этот материал довольно вонюче. А вот книжные полки – самодельные, они из сосновых досок, самое то, что надо. Да и книги тоже – всю техническую и хоть сколько-нибудь приличную художественную литературу я давно уже уволок в Форпост. Тут теперь одна современная фантастика про эльфов, гномов и попаданцев, ей самое место в печке. Оставалось только присобачить шнур от зарядного устройства бабкиного телефона к моему двенадцативольтовому адаптеру, что и было сделано минуты через три, после чего я пригласил соседей.

– Жить можете тут, я все равно уезжаю на две недели. Дрова для печки – вот они, рядом пила и топорик, чтобы было чем добыть и разделать следующую порцию. На кухне есть солярогаз, сейчас покажу, как им пользоваться. Там же двадцать литров питьевой воды – она, кажется, даже пока не совсем замерзла. Продукты в холодильнике, вряд ли им повредило отсутствие электричества. Свет включается этой клавишей, он работает от аккумулятора, его хватит на трое суток непрерывно, то есть если по четыре-пять часов в день, то не меньше чем на пару недель. На всякий случай оставляю еще два фонарика со свежими батареями. Вопросы есть? Э-э... в каком смысле «заплатить» – бабушка, вы тут что, от холода совсем рехнулись? Хотя, пожалуй, в мысли о деньгах все же что-то такое есть. Значит, вот вам двадцать пять тысяч, лишними они точно не будут. Ключи от квартиры висят на гвоздике в прихожей. В общем, я надеюсь, что все это поможет вам как-то полегче пережить тяжелые времена.

Глава 34

Еще через неделю морозы ослабли, а коммунальщики слегка опомнились. В

микрорайон приехала машина с питьевой водой, а за ней – передвижная котельная с генератором, которая, судя по написанной на ее бортах мощности, могла обогреть полдома зараз. Но тут получилось как в анекдоте про слона: «Мочь-то он может, да кто ж ему даст?» Потому как в пределах каждого подъезда отрубить или подключить отопление можно было только всем сразу. И, значит, требовался контроль всех квартир, несмотря на то что воду из системы вроде бы успели спустить, когда стало ясно, что температуру в ней не удержать. Однако часть батарей и труб все-таки могла полопаться, а не меньше половины жильцов разбежались по родственникам и знакомым еще в самом начале катаклизма – естественно, даже не подумав сообщить тому же участковому, где их искать в случае чего. Но мой телефон у стража порядка был, и он им воспользовался. Впрочем, несколько раньше о грядущем подключении тепла мне сообщила бабка Александра Евгеньевна.

И у меня, и у соседей батареи выдержали, но так было не везде, пару квартир ребятам из МЧС пришлось вскрывать под контролем прокурорских, и на одно такое вскрытие даже припахали меня в качестве понятого. Кстати, участковый по секрету сообщил, что жилец с седьмого этажа уже накатал жалобу про печку в моей квартире, которая является злостным нарушением противопожарной безопасности. Правда, сейчас пришло распоряжение не обращать на это внимания, потому как почти все из оставшихся в доме жильцов обогревались в меру способностей и возможностей, но сразу после подачи тепла он, участковый, рекомендует мне немедленно демонтировать буржуйку. И если не секрет, где и почем удалось купить такую удачную модель?

В ответ я объяснил, что тратить деньги на столь примитивное изделие мне не позволяет жаба. И эта печка, которая на самом деле не буржуйка, а пошехонка, была просто сварена из стального листа, всего-то пара часов работы. В общем, по результатам нашей беседы участковый узнал, чем отличается буржуйка от пошехонки, и даже получил эскизы этой последней, чем был весьма доволен.

Мне же предстояло съездить на другой конец Москвы, то есть в Выхино.

В свое время, отправляя обратно в двадцать первый век случайно попавшую на остров Дил семью Провоторовых, мы написали им, какое условное сообщение надо оставить в Интернете, если они захотят вновь вернуться в тот мир, теперь уже навсегда. Правда, мы с Попаданцем оценивали вероятность такого исхода как минимальную, но – вот оно, сообщение, висит себе и висит. Я позвонил главе семьи и узнал, что, оказывается, в их доме тоже накрылось отопление, а за ним и все остальное, в силу чего решение является взвешенным и осознанным. Более того, они уже собрали все необходимое согласно инструкции, полученной еще на Диле. Там было сказано, что с собой можно будет взять все, пролезавшее в дыру два на два метра. Вот, значит, я и вытащил с Манюниного острова свою «девятку», а теперь ехал на ней в Выхино. По дороге вспоминая, как мы себя называли и что писали в записках, падающих с неба на робинзонов острова Дил.

Итак, я представитель неких кураторов (от слова «курица», ехидно уточнила жаба, проснувшаяся в преддверии сулящей не то прибыли, не то растраты операции). Земле, значит, угрожает некий глобальный песец, и мы стараемся создать на этот случай резервную популяцию человечества. Как именно будет выглядеть катаклизм – пока секрет. Кстати, здесь нет никакого особого вранья – даже если природа не разродится какой-нибудь катастрофой, человечество вполне справится и само. Потому как в условиях ограниченности ресурсов Земли неограниченное потребление, а именно оно и является, что бы там ни говорили, целью современного общества, не может привести ни к чему, кроме коллапса с последующим апокалипсисом.

Как выяснилось, семья подошла к подготовке грядущего переселения вдумчиво. Я-то ожидал увидеть квартиру, набитую упакованными тюками, но оказалось, что все уже во дворе и готово следовать куда надо. Имущество было буквально запрессовано в «Субару Форестер», так что в машине относительно свободными остались только передние сиденья. Кроме того, имелся приличный багажник на крыше, который доводил высоту машины до

разрешенных двух метров, и здоровенный двухосный прицеп.

В процессе осмотра автомобиля и прицепа Олег Самуилович просветил меня относительно мотивов, по которым его семья решила на переселение, причем прямо сейчас. И были они довольно разумными.

– Это ведь только теперь, когда переселяются единицы, можно долго готовиться и брать с собой много, – объяснил он. – Но вряд ли вы сможете даже десяткам одновременно эмигрирующих предоставить те же возможности в отношении груза, что и нам. Сотни же, а тем более тысячи, вообще пойдут в лучшем случае с ручной кладью. Да и оказаться на новом месте лучше в числе первых, нежели последних.

Кроме того, имелись и другие мотивы. Олега Самуиловича выперли с работы якобы за четырехдневный прогул, когда он занимался утеплением своей квартиры. А его супруге, сотруднице страховой компании, урезали оклад. И это еще повезло, потому как погодно-коммунальная аномалия привела к росту страховых случаев и, естественно, выплат. Некоторых сотрудников вообще увольняли за заключение заведомо убыточных договоров.

Вот те раз, подумал я, так ведь любой договор в случае наступления страховой ситуации станет убыточным – руководство что, этого не знало? А если знало, но хотело сохранить прибыли, то тогда вообще страховать следовало только от того, что не может наступить никогда. Типа, например, ситуации, когда в Российской Федерации тяжесть наказания за воровство станет прямо пропорциональной величине украденного, а не наоборот, как сейчас. И ведь наверняка найдутся желающие застраховаться, потому как идеалисты встречаются везде, даже среди воров и взяточников. Но так как руководство любой, сколь угодно занюханной, страховой компанией мне не светило ни в какой перспективе, я прислушался к тому, что продолжал сообщать Олег Самуилович. А он, оказывается, уже распинаясь по поводу того, что всегда с одобрением относился к здоровой жизни на лоне природы, патриархальности и вообще питанию плодами трудов своих.

Правильно мы решили сначала запустить их на Дил, подумалось мне. Пусть сначала попробуют нормально там устроиться, тем более что у них с собой такая прорва всякого барахла. А по результатам посмотрим – то ли в случае удачи отправить под их руководство очередную партию переселенцев с Рекоху или Мангаревы, то ли наоборот, если они окажутся не способными к декларируемой здоровой и счастливой жизни на лоне.

Остров Дил встретил нас типично февральской погодой – плюс двадцать четыре градуса, слабенький теплый ветерок и яркое солнце на безоблачном небе. Переселенцы выбрались из «субару» и начали спешно избавляться от избытков одежды, заодно осматривая окрестности.

Точка перехода была выбрана на возвышенности перед Западной бухтой – там, где в свое время Попаданец, впервые оказавшийся в этом мире, устроил свой лагерь.

– В общем, устраивайтесь, – напутствовал я семейство, – это, как вы уже могли заметить, тот же остров, на котором вам довелось побывать во время пробного переноса, только его противоположный конец. Вот радиостанция, по ней в случае чего можно подать сигнал бедствия. А вообще-то сюда раз в месяц будет приплывать катамаран, так что к первому его визиту подумайте, чего вам тут не хватает. Короче, желаю счастливого освоения новых земель, и на этом вынужден вас покинуть – сами понимаете, дела.

– Постойте! – засуетился глава семьи, вылезший наконец из своей внушительной дохи. – С деньгами-то нам что делать?

– С какими еще деньгами?

– Так ведь мы же взяли кредит под залог квартиры, – объяснила жена. – Три миллиона, из них девятьсот двадцать тысяч ушло на сборы, восемьдесят неизвестно куда, а два миллиона осталось.

Век живи, век учись, подумалось мне. Сам же размышлял, что делать с квартирой, – то ли пока оставить, то ли продать, а самому оставшееся до полного закрытия переходов время базироваться в гараже или на даче. Вот они, прискорбные плоды экономической

малограмотности! Действительно, можно просто взять кредит, под залог квартиры дадут куда больше, чем по справке из бухгалтерии. Причем квартира, кажется, даже не успеет достаться банку, что тоже хоть и мелочь, но приятная. Я же пропаду без вести, а для юридического признания этого факта потребуется немало времени – не то два года, не то вовсе три. А там, глядишь, и наступит апокалипсис, про который явно намекал бывший сослуживец дяди Миши.

– Можете оставить их себе, стены будущего дома оклеивать. Или прикиньте, чего вам еще не помешает для полного счастья, и выдайте необходимую сумму мне. Правда, никакой гарантии, что ваш заказ будет выполнен в полном объеме, я дать не могу.

В общем, дело кончилось тем, что мне всучили все два миллиона, пожелав получить за них хорошую моторную лодку, желательно с возможностью установки мачты и паруса, и тонну-другую бензина в бочках. После чего новоявленные робинзоны занялись разгрузкой привезенного в прошлое имущества, а я сел в «девятку» и переместился в Москву. На сей раз не в тупичок между двумя бетонными заборами, из которого мы стартовали на остров Дил, а в свой гараж.

Но не успела машина остановиться, как проснулась жаба.

– Ты что, подруга? – удивился я. – Это же не наши деньги.

«Да при чем тут эти презренные бумажки?! – завопило земноводное. – Ты же руководитель, то есть у тебя смыслом жизни должна быть забота о людях! Тем более о таких, как эти, беззаветно доверившиеся тебе. А ты, кажется, действительно собрался купить им лодку в двадцать первом веке? Изверг! Ну нельзя же подсовывать несчастным переселенцам маленькую, потому что большая через портал не пролезет, утлую дюралевую или даже пластиковую посудинку с несуразной ценой, на которой безопасно плавать можно разве что по Тропаревскому пруду, а в океане она сразу утонет. И это при том, что на верфи в Иотупаре могут совершенно бесплатно построить отличную яхту, кою в будущем не то что за два – за пять миллионов не купишь!»

«А что, верно, – задумался я, – тогда в Москве надо будет купить только мотор. Например, хондовский BF-90 – вряд ли им понадобится более мощный».

«О господи, – безнадежно вздохнула жаба, – и в кого ты такой жестокий? Давать в неумелые руки девятиностильный мотор – кошмар! Вспомни, наши переселенцы совершенно неопытны в морском деле. Дадут полный газ, выйдут на этот... как его... на редан – и перевернутся! А ведь с ними ребенок. Что тебе совесть скажет, когда он захлебнется в пучине – или у тебя ее вовсе нет? Короче, никак не больше двадцати сил, потому что дети – это наше будущее и вообще цветы жизни. Что значит «мало»? Столько было у первого парохода на Гудзоне, а он прекрасно плавал даже против течения и ветра. Поэтому советую – покупай им «Нептун». И не потому что он дешевый, а из соображений человеколюбия. Заодно на нем переселенцы быстро научатся обращаться с гаечными ключами и отвертками, это тебе не «Хонда», которой даже свечи можно не менять несколько лет подряд. Ты же не хочешь, чтобы их сын вырос белоручкой?»

На следующий день я приехал в институт и вскоре был пойман в коридоре писателем, от имени которого получал консультации по кораблестроению.

– Коля, вот вы все знаете, – обратился ко мне этот инженер человеческих душ, – не подскажите, какую температуру окружающей среды может выдержать человек? А то в Интернете про это масса мнений, и все разные.

– От среды зависит, – пояснил я. – Если она является воздухом, то это будет одно, если жидкостью – другое. А в чем дело, вы собрались осчастливить человечество новым шедевром? Вроде же писали про этих... как их там...

– Вампиров нетрадиционной ориентации, сокращенно именуемых вомпергеями, – гордо подтвердил писатель. – Сам немного удивляюсь, но книга имеет потрясающий успех. Мне даже приходят благодарственные письма от читателей – мол, спасибо, никогда еще так не смеялись. Странно, я вроде писал серьезно, временами даже почти трагично, однако

настоящее произведение искусства тем и характерно, что каждый видит в нем что-то свое. Но подлинному творцу нельзя останавливаться на достигнутом, и я решил попробовать себя в новом жанре. Тем более говорят, что в этом сезоне будет моден апокалипсис и посто... постапокалипсис, вот. А вы обратили внимание, что лето было в среднем на два градуса теплее предыдущего, а еще не кончившаяся зима – на те же два градуса холоднее предыдущей? Вот и я решил описать – что получится, если такое нарастание будет продолжаться и дальше. Сколько лет, как вы думаете, протянет человечество?

– Лет двадцать, если прогрессия будет арифметической, – прикинул я.

– Долго, – разочарованно вздохнул собеседник, – читатель успеет соскучиться, а его надо держать в напряжении.

– Так пусть дельта возрастает по геометрической прогрессии, тогда за пять лет все будет кончено.

– Замечательно, это как раз то, что надо для развития сюжета! Но только... чем арифметическая прогрессия отличается от геометрической, не подскажете? И вообще – что это такое, они обе?

Популярно разъяснив творцу начала арифметики – а может, и алгебры, так сразу и не упомнишь, к чему именно относятся упомянутые прогрессии, – я слегка задумался. А ведь действительно, не нужно никакого астероида или одномоментного извержения десятков вулканов. Даже если среднегодовая температура изменится на десять градусов в любую сторону, большинству населения Земли придется всерьез озаботиться выживанием. И перед правящими элитами всех стран встанет вопрос – то ли греть или, наоборот, охлаждать всех, но это получится плохо: больно уж кругом народу много. Или, что логичнее – сосредоточиться на создании нормальных условий для самых ценных членов общества. Нетрудно спрогнозировать, как именно будет решена эта дилемма. А также что последует за претворением одного решения в жизнь. Интересно, а как это представляет себе писатель?

– Я еще только обдумываю сюжет, – начал он радостно делиться творческими планами, – но его основная линия сомнений не вызывает. Это будет хомячество на фоне беспорядочных половых связей и людоедства.

– Даже так? – удивился я.

– Разумеется. Первое и второе – обязательные условия, без них современный читатель просто не примет книгу, сколь бы хорошо она ни была написана. Третий же пункт является тем самым минимумом реализма, который обязан присутствовать в любом, даже самом что ни на есть фантастическом произведении. Сами подумайте – ну что еще, кроме людей, можно будет есть в Москве в случае прекращения продовольственных поставок? Крыс, голубей и кошек не хватит даже на месяц. Кстати...

Мне показалось, что собеседник хотел что-то у меня спросить, но побоялся. И правильно, между прочим, потому как его, похоже, интересовало – не знаю ли я рецептов конкретных блюд. Однако интуиция явно и очень вовремя подсказала творцу, что здесь он вместо консультации, скорее всего, получит в морду, и это ему еще повезет, если всего один раз.

Глава 35

Всякая зима когда-нибудь да кончается, и текущая не стала исключением. Причем она ушла как-то очень быстро – еще неделю назад метель в очередной раз превратила Москву в одну сплошную пробку, а теперь с крыш вовсю капает, бегут ручьи, а снег темнеет и исчезает прямо на глазах. Глядя на буйное пробуждение природы, я чувствовал что-то вроде легкой грусти – ведь это последняя весна, которую вижу! Потому как на Манюнином острове октябрь с ноябрем только считаются весной, а на самом деле это просто переход от прохладного лета к теплему. Хотя, конечно, странное это свойство человеческой природы – грустить, когда что-то теряешь. Причем ладно там что-нибудь нужное типа здоровья или даже какого-нибудь паршивого миллиона рублей, но ведь раньше весна вызывала у меня

только одну эмоцию – поскорей бы закончилась эта слякоть! А теперь – пожалуйста, откуда-то взяли душевные переживания, прямо хоть садись писать стихи.

В таком несколько лирическом настроении я пребывал целых три дня, а потом пришлось заниматься застрявшей где-то по дороге оплаченной партией китайских движков. Когда же ситуация прояснилась, оказалось, что весна в Москве как-то подозрительно быстро взяла и кончилась, снег сошел, из почек полезли молодые листочки, и вообще наступила вполне летняя погода. О прошедшей зиме напоминала только большая куча лопнувших труб и батарей, образовавшаяся в углу двора после ремонта системы отопления.

Однако я быстро сообразил, что если мне вдруг захочется еще раз взглянуть на весну, то никаких особых проблем с этим не будет. Край Южной Америки сравнительно недалеко, а туда можно попасть без всяких порталов и любоваться весной хоть до посинения. Если, конечно, образуется прорва свободного времени, которое будет ну совсем некуда девать. Но пока я, наоборот, крутился между двумя мирами как белка в колесе. И не только потому что надо было в преддверии полного закрытия порталов натащить на Флиндерс как можно больше полезных вещей. Была и еще одна причина, по которой часть из переташенного вновь оказывалась в двадцать первом веке, но почти на противоположной от моей дачи стороне земного шара. Наверное, нетрудно догадаться, что имеется в виду остров Хендерсон, на котором оборудовалось место для проживания Поля в течение года.

Странное, должен вам сказать, я испытал чувство, оказавшись на острове, который впервые посетил чуть больше четырехсот лет назад. Вроде все как тогда, но в то же время, куда ни приглядишься, везде находятся какие-то отличия. Куда, например, делась пальма, у подножия которой я ставил первую палатку? И даже холмик, на котором она произрастала, куда-то пропал, теперь тут была просто голая каменная осыпь. Опять же рифы, отделяющие северный пляж от океана, почти исчезли, теперь только в паре мест что-то такое просматривалось, а большая часть пляжа не отделялась от моря ничем. Причем даже издали было видно, что на пользу ему это никоим образом не пошло.

Я спустился с пятнадцатиметрового обрыва. Блин, и это же надо было так загадить мой пляж! Исторический, с которого спускались на воду первые корабли Океании, начиная с «Богатыря». Теперь же песок, куда ни посмотри, был буквально усеян приметами цивилизации. Чего тут только не было выброшено океаном!

Обрывки сетей всех цветов, но в основном синих и зеленых. Не меньше десятка мячей всех форм и размеров. Прорва пластиковых бутылок, обломки ящиков из-под пива, пляжная тапка, куча каких-то пластмассовых кусков непонятно от чего. Абсолютно целый и почти новый полиэтиленовый дуршлаг. Тряпки, мочалки плюс много чего еще – и это только на ближайших тридцати-сорока метрах. Дальше было в общем-то то же самое, просто детали не просматривались.

– Эх, – вздохнул спустившийся вслед за мной Польш, – нашему бы племени до твоего появления – да хоть десятую часть всех этих богатств! Мы бы тогда и без тебя всю процветали. Так что можешь не волноваться – даже если забудем снабдить мое жилище чем-нибудь необходимым, я просто схожу сюда и подберу что нужно.

Мы высадились на Хендерсон не одни, а во главе небольшого отряда Ордена Ожидających, который уже был организован. Причем его главой являлась молодая тасманийка Юлия, года три назад ставшая официальной подругой Поля. Еще ребенком девочка проявила недюжинные способности к математике, а потом выучилась играть в шахматы, да так, что последнее время она даже иногда выигрывала у дяди Миши. И пошло молодое дарование не по научной или технической, а по административной линии, став не только женой, но и первым заместителем Поля. Причем никакой особой любви между ними вроде не замечалось, несмотря на недавно родившегося сына, – для обоих это был брак по расчету. Поэтому ясно, что составить компанию Полю в его путешествии в будущее Юлия не рвалась. А вот идею про Орден сразу восприняла с энтузиазмом и быстро провела все

работы по его организации, заодно назначив себя первым Великим магистром оного. И вот теперь отряд Ордена оборудовал базу в южной части острова, причем так, чтобы ее не было видно со спутников. Ну а мы с Полем пока совершали небольшую экскурсию по историческим местам. Которая, впрочем, нам быстро надоела, и мы сели в надувную лодку. Потому как даже мне не улыбалось тащиться пешком по зарослям на другой конец острова, а уж Полю с его хромотой тем более.

На крайнем юге уже была организована мини-пристань, причем не бросающаяся в глаза сверху, это я проверил при помощи летающей модели с телекамерой. Подплыв же к ней на лодке, убедился, что и со стороны океана ее можно заметить, только если точно знать, где и что искать.

Мы поднялись на берег, где полным ходом шло строительство дома, причем наполовину подземного – он не выступал за окружающие его кусты и имел плоскую крышу, на которой в ближайшее время тоже появятся зеленые насаждения. В качестве основного источника электроэнергии предполагались солнечные батареи – их гораздо проще разнести и замаскировать, чем ветряки. Плюс три инверторных генератора и полторы тонны бензина к ним, это резерв на всякий случай.

Я представил себе, каково мне было бы прожить тут в одиночестве целый год. И с некоторым удивлением понял, что абсолютно ничего выдающегося в этом не вижу. Для жизни тут будет все необходимое, включая хорошо оборудованную мастерскую, а заскучать с тем набором книг и фильмов, что уже имеется, ну никак не получится. Тем более что Поль явно не собирается ограничиться только этим, а хочет вообще скачать все, что есть в крупнейших интернет-библиотеках, дабы провести время с максимальной пользой. Разве что кошку тут завести, чтобы было с кем поиграть, когда захочется. А что – это, кажется, идея...

Ведь священный зверь по имени Мальвина оказался стерилизованной кошкой. И через какое-то время в Океании останутся только разноцветные беспородные младшие родственники. Это в какой-то мере правильно, потому как не могут настоящие священные звери во множестве шмыгать по всем подворотням! Пусть это будет легенда, которая оживет, когда Орден Ожидающих наконец-то дождется.

Я поделился идеей с Полем, и он согласился, что пара чистопородных мэйн-кунов ему не помешают. А то здесь за четыреста лет не только накидало мусора на пляж, но и расплодилось маленькие сухопутные крабы. Когда тут жило племя, они почти не попадались, ибо их считали деликатесом. Тот же Поль за всю свою жизнь видел только двоих, а теперь вон, так и шмыгают под ногами наподобие мышей. Тоже, небось, со временем начнут таскать продукты, так что кошки будут очень кстати, даже если отвлечься от миссии, которую им предстояло выполнить в далеком будущем по времени Океании или в ближайшем – по времени острова Хендерсон.

Пока Поль руководил постройкой и обустройством своей базы, Попаданец в преддверии закрытия порталов уговорил перебраться на постоянное жительство в прошлое своего коллегу по школе, учителя труда Игоря Алексеевича Синельникова. Мало того что он обладал крайне необходимой для нас основной специальностью, то есть был педагогом, но и его хобби тоже имело не меньшую ценность. Потому как Саша, конечно, кое-что понимал в кузнечном деле, но Игорь Алексеевич был мастером, а это совсем другое дело.

Однако Матрохин, не удовлетворившись достигнутым, вознамерился сманить к нам еще одного, как он выразился, «брата по разуму». С которым он до сих пор был знаком только заочно, через Интернет. Но зато этот знакомый готовился не к какому-нибудь вульгарному апокалипсису, а, как и Саша, именно к попаданию черт знает куда. В общем, вроде бы вполне приемлемый кандидат, к тому же инженер-строитель по основной специальности, но для встречи с ним надо было ехать в Питер. Александр звал меня составить ему компанию, особенно после того как узнал, что я вообще ни разу в жизни не был в Северной столице. Но меня туда почему-то не очень тянуло, хотя, в отличие от весны, увидеть этот город можно было либо сейчас, либо никогда. Но никакого энтузиазма

предлагаемая поездка у меня не вызвала, так что я отбрехался:

– Да ну его, страшно. Это же ужасный город! Мэр там постоянно обзывает жителей жлобами, с крыш массово падают сосульки, калеча и убивая всех подряд, на каждом перекрестке фонтанирует кипятком пробитая труба, а недавно еще и закон про топот котов приняли. А если я вдруг ночью случайно чихну? Арестуют ведь! Нет уж, мне лучше куда попроще и поближе – в Пруды, например, там в технопарке еще остались интересные вещи, которые нам очень пригодятся. Про них я хоть знаю точно, а не как ты про своего кандидата, только по Интернету. Не исключено, что в реале это окажется девушка с размерностями 90-60-90, причем хорошо если по системе «грудь-талия-бедра». Но вдруг «рост-возраст-вес»?

Саша как-то не очень уверенно заявил, что такого не может быть, – мол, по переписке ясно чувствуется, что это мужчина, причем в расцвете лет и сил. В принципе он оказался прав, и по результатам его поездки население Океании увеличилось на одного маленького и тощего пожилого еврея. Который, побеседовав со мной, торжественно заявил, что до этого у него еще были какие-то сомнения в правильности своего решения, но теперь они полностью отпали и он готов с энтузиазмом включиться в работу.

А рассказал я гостю про свои принципы, которые хотел положить в основу пишущейся конституции Океании. Первый был придуман давно и гласил, что конвертация денег во власть и власти в деньги является тягчайшим государственным преступлением со всеми вытекающими последствиями. Второй более или менее оформился только года полтора назад, и пока я даже не сочинил ему четкой формулировки. В самом общем виде он состоял в том, что большие состояния могут считаться законными только с одобрения народа, выраженного напрямую, через референдум.

Например, если бы подобное проводилось в Америке в двадцатые годы по поводу Форда, то народ наверняка подтвердил бы, что Генри владеет своими миллионами по праву. А вот лет за двадцать до того и в случае, скажем, Моргана – уже не факт. Так и в наше время Билл Гейтс, наверное, вполне мог остаться миллиардером, но вот рыжий приватизатор-энергетик по результатам референдума стопроцентно впал бы в беспросветную нищету.

– Так ведь любой референдум нетрудно направить в нужную сторону, – усомнился поначалу Сашин собрат по хобби.

– Без денег вряд ли получится, – уточнил я, – а с ними сразу вступает в действие первый пункт. Потому как манипуляция общественным сознанием есть разновидность власти, и, значит, заниматься ею можно только на чистом энтузиазме. То есть если кто-то решит, что моя конституция есть сплошное нарушение прав человека, он сможет говорить и писать об этом совершенно свободно. Более того, не будет криминалом и привлечение помощника, профессионально владеющего пером или словом. Но если в результате своих трудов этот помощник получит хоть копейку, и он, и наниматель схлопочут не менее пяти лет исправительных работ на Серном острове. Любопытное, кстати, место – в атмосфере там полно двуокиси серы, а вместо воды в озере – серная кислота. Я там однажды побыл минут сорок, так потом полдня в горле першило. Не думаю, что даже самый здоровый человек сможет протянуть там больше месяца.

Тем временем ситуация с порталами приближалась к финалу даже быстрее, чем это предполагалось поначалу. Теперь уже не шла речь о том, что они закроются осенью текущего года по времени двадцать первого века. Вопрос стоял иначе – произойдет ли это в конце весны или все-таки в начале лета? Из этого вопроса вытекал другой – сколько лет по времени Форпоста продлится пауза? Сначала я предполагал, что лет триста, но недавно, построив кривую на основе последних замеров и экстраполировав ее в будущее, пришел к выводу, что возвращение возможности межмировых переходов может случиться всего через двести пятьдесят лет. Впрочем, никаких практических выводов это за собой не влекло. Разве что Полю придется посидеть на Хендерсоне не год, а одиннадцать месяцев, и можно будет открывать портал в Форпост – при наличии аппаратуры там и там это у него получалось.

А в порядке подготовки к закрытию все было сделано уже к началу мая. Кредит под

залог квартиры взят и благополучно потрачен, купленные материалы и оборудование переправлены в Форпост. Более того, там же оказалось и многое из того, что просто плохо лежало, будучи никому не нужным – например, два километра рельсов с заброшенной железнодорожной ветки, уже лет двадцать с хвостиком мирно ржавеющей в лесу. Причем, что интересно, все эти годы рельсами никто не интересовался, но сразу после их исчезновения начался какой-то непонятный ажиотаж. Во всяком случае, по нашему поселку полдня ходили двое в штатском, расспрашивая жителей, не видели ли они чего-нибудь подозрительного. Например, тяжелых грузовых вертолетов, потому как никаким наземным транспортом было невозможно вывезти рельсы, не поуродовав при этом лес вокруг них.

Я специально встретил гостей в своем гараже-сарая, дабы они убедились, что помещение пустое, если не считать двух мопедов в одном углу и небольшого сейфа с аппаратурой и кристаллом в другом. Выслушал вопрос насчет вертолетов и, состроив по возможности глубокомысленное выражение лица, заявил, что лично мне применение такой техники кажется маловероятным. Ведь вертолеты режут на всю округу, а похитители рельсов сделали свое черное дело без шума. Значит, они использовали дирижабль – он не шумит, и, будучи покрашен в серый цвет, совершенно незаметен ночью. Младший из гостей недоверчиво хмыкнул, а старший с подозрением оглядел мой сарай. Но он, хоть и был примерно вдвое больше обычного гаража, на ангар для дирижабля или даже для хоть сколько-нибудь грузоподъемного вертолета никак не тянул, так что визитеры попрощались и отправились к своей машине – надо понимать, продолжать расспросы в соседнем поселке.

Я же, посмотрев им вслед, закрыл ворота гаража и прошел в бытовку, чтобы напоследок посмотреть, нет ли чего особо интересного в Интернете. Напоследок – это потому, что все мои дела в двадцать первом веке были практически закончены, оставалось только окончательно переправить Поля на Хендерсон, а потом забрать из сарая кристалл, и все. Прощай, мир, в котором я родился... Пусть порталы все еще открываются, но максимальный их размер уменьшается прямо на глазах, последние три захода приходилось даже слегка пригибаться, так что рисковать навсегда остаться здесь мне совершенно не хотелось.

Оказалось, что на мой адрес пришло электронное письмо. Прочитав его, я сокрушенно вздохнул. И чего, спрашивается, люди так долго телились? Теперь ведь даже не поймешь – то ли мне действительно хотят помочь довести способ резки кремния на тонкие пластины до промышленного применения, то ли, что куда более вероятно, собираются просто прибрать этот самый способ к рукам, потому как дело явно сулит немалых денег.

Но, подумав, я решил, что оно и к лучшему. Потому как план у меня был только на один вариант, в котором мне сделают предложение поделиться своим изобретением, причем так, что я, по мнению предлагающей стороны, не смогу отказаться. Я же собирался перенести переговоры в Форпост, где при помощи Попаданца и на основе рекомендаций дяди Миши убедительно попросить людей поделиться деньгами – все равно они их используют явно не на благо своему народу. Однако вдруг мне действительно хотят помочь? Тогда пришлось бы обижать хороших людей заявлением, что я ни при каких условиях не собираюсь раскрывать своих технологий.

На этом я захлопнул ноутбук, сунул его в сумку, вышел. Прошел к сараю, закрыл ворота, потом дверцу в них, уже изнутри. Отпер сейф, подстроил аппаратуру и открыл портал домой. Улыбнулся кошке Мальвине, она почему-то всегда меня провожала и встречала, когда я ходил в будущее, но сама туда пройти отказывалась категорически. Временами мне даже казалось, что она за меня волнуется.

– Что, киса, соскучилась? – поприветствовал я ее. – Ничего, вот сейчас отправлю Поля, потом еще раз ненадолго схожу в сарай – и все. Никуда я больше из нашего с тобой времени уходить не буду. Подходи, поглажу, приносящий счастье зверь.

Эпилог

Дмитрий Алексеевич Лисянко заглушил мотор своего «икс-трейла» и вышел. По всему выходило, что он опоздал, но интуиция, которой бывший капитан КГБ, потом бизнесмен, а последние восемь лет заведомо службы безопасности группы компаний «Протоэкс» привык доверять, пока такого вывода не подтверждала.

Дачный участок производил странное впечатление. С одной стороны, он был явно неухожен до полной заброшенности, но только сама земля. Оба строения – бытовка и длинный стальной сарай – выглядели регулярно используемыми. Особенно сарай: почва перед его воротами была неплохо утоптана. Сейчас ворота были закрыты, а вот дверь бытовки распахнута настежь.

Экс-капитан прошел в помещение и обнаружил полнейшую пустоту в обеих комнатах – там не было даже мебели. Да, подумал он, объект явно завершил все свои дела и сюда больше возвращаться не собирается. Но почему же нет ощущения, что все уже кончено?

Данное расследование началось около полугода назад, когда Дмитрий Алексеевич сидел в микроавтобусе, поддерживая связь с наблюдателями и сам краем глаза посматривая на то, как шеф обменивал чемоданчик денег на ящик золота. А потом последовало задание не торопясь, тщательно собрать все сведения об отставном майоре Анисимове.

Быстро выяснилось, что последние пять лет он практически безвылазно жил в своей деревеньке, но пропал за три недели до операции с золотом. По непроверенным данным, перед этим у него были какие-то гости. После чего за три месяца удалось узнать, что один из них вроде похож на племянника Анисимова, в настоящий момент проживающего в Штатах. Точнее, проживавшего, потому как он, оказывается, пропал без вести примерно одновременно с исчезновением майора. Это наводило на подозрения, и Дмитрий Алексеевич прошелся по связям этого племянника, что быстро дало результат. Его друг детства, некий Николай Мещерский, при ближайшем рассмотрении оказался очень интересным человеком! Вокруг него постоянно что-то исчезало, в том числе и люди.

Если не считать самого Анисимова и его племянника Зябликова, то начало положил следователь из ОБЭПа – он как выехал домой, так и пропал бесследно вместе с машиной. Удалось выяснить, что в свое время именно этот человек вел дело против отца Мещерского, закрытое в связи со смертью подозреваемого.

Следующим был ничем не примечательный наркоман, живший рядом с Мещерским и довольно похожий на него внешне. Более того, Дмитрий Алексеевич предполагал, что и недавнее исчезновение одного из подозреваемых по оборонному делу тоже имеет какое-то отношение к его расследованию. Во всяком случае, он, подобно следователю, пропал без всяких следов и вместе с автомобилем.

Но все это меркло на фоне того, что удалось раскопать в Прудинском технопарке, где находился офис ИП, принадлежащего объекту. За последние полгода эта небольшая контора заказала огромное количество всякого оборудования и материалов, и все это словно в черную дыру провалилось! Во всяком случае, ИП «Мещерский» только покупало, но не продавало вообще ничего. Более того, по результатам опросов у Дмитрия Алексеевича сложилось мнение, что на самом деле Николай приобретал гораздо больше, просто не отражая закупок ни в каких документах и расплачиваясь наличными. И большая часть всего этого свозилась в железный сарай на даче. Да туда не влезла бы и треть купленного Мещерским металлопроката, не говоря уж обо всем прочем! Уже тогда у бывшего капитана появилось подозрение, что на самом деле ситуация куда интереснее, чем это показалось шефу, когда он распорядился начать расследование. Однако делиться своими подозрениями Дмитрий Алексеевич не стал, и не только из-за незаконченности дела.

Потому как параллельно с данным расследованием он осторожно пытался понять: что же на самом деле происходит как в «Протоэксе» в частности, так и вообще в верхних эшелонах власти? Больно уж это было похоже на подготовку к какой-то катастрофе, проводимую в глубочайшей тайне. Причем имелись сильные подозрения, что он, Дмитрий Лисянко, так до самого конца и не будет принят в число избранных.

А в начале весны была получена информация, благодаря которой расследование дела

Анисимова – Мещерского вышло на финишную прямую. Редкая болезнь Николая, которая, несмотря на всю свою серьезность и неминуемый близкий летальный исход, никак не повлияла на его душевное самочувствие, наводила на определенную мысль. А именно – Мещерский знает про нее что-то, неизвестное врачам. И не только считает это само собой разумеющимся, но и не находит в своей болезни ничего трагичного. Странно? Но ведь это можно объяснить, приняв всего одно, правда фантастическое, допущение!

После того как стало известно о пропаже рельсов с заброшенной в лесу неподалеку от дачного поселка железной дороги, Лисянко решил, что именно оно и является наиболее вероятным. То есть Николай смог открыть проход куда-то, где время течет гораздо быстрее, чем в нашем мире. Осмотрелся, пришел к выводу, что там ему будет лучше, чем здесь, и начал стаскивать туда все необходимое для безбедной жизни, параллельно с этим вербуя себе спутников. На что потребовались деньги, чем, скорее всего, и объясняется исчезновение следователя и оборонного менеджера. И продажа Анисимовым золота тоже.

Значит, эти тоже знают о неведомой грядущей катастрофе и смогли подготовиться к ней, причем куда радикальней, чем это может получиться у шефа и стоящих над ним.

Вдруг Дмитрию Алексеевичу показалось, что со стороны сарая раздалась какие-то звуки – сначала негромкий хлопок, а за ним еле слышный свист. Потом приоткрылась дверца в воротах, и оттуда раздался голос Мещерского:

– Если вы ко мне, то заходите.

Сам он при этом из сарая не показался.

Лисянко непроизвольно поежился, хотя решение ехать на возможную встречу с объектом одному и без оружия было принято вполне осознанно. Потом вздохнул и шагнул в полутьму сарая.

Николай стоял в дальнем углу, около раскрытого сейфа, и его пистолет был направлен в живот вошедшему.

«Глок», машинально отметил про себя Дмитрий Александрович. Мещерский же, будто такой прием являлся совершенно обыденным делом, спокойно сказал:

– Я вас внимательно слушаю, но прошу не очень затягивать – у меня мало времени.

– Минут пять вы мне дадите? Значит, так...

– Вы перехватили меня в самый последний момент, – усмехнулся Николай, выслушав пусть и несколько сбивчивую, но все равно достаточно информативную речь гостя. – Сегодня последний визит сюда, и он подходит к концу. Вы правы, мы действительно покидаем этот мир, но вовсе не из-за грядущей катастрофы, про которую нам известно даже меньше вас. Хотя, конечно, есть определенные предположения, но они носят скорее академический характер. Основная причина в другом. Скажите, вам никогда не хотелось пожить в мире, где ценность человека определяется не тем, сколько он ухитрился отнять у своих соплеменников, а тем, сколько он им дал? Мне посчастливилось найти такой, я живу в нем уже четверть века и не жалею, что сегодня вижу здешнюю реальность в последний раз. Что же до грядущей катастрофы – так в двадцать первом веке, по-моему, человечество окончательно свернуло на путь, который не может кончиться ничем иным. А как это будет выглядеть конкретно – ядерная катастрофа, социальная, климатическая или просто метеорит упадет – разве это принципиально?

Не отворачиваясь от Лисянко, Николай левой рукой перекинул тумблер на коробке размером примерно с книгу, лежащей на сейфе. Зажегся красный светодиод, потом желтый. А Мещерский продолжил:

– Насколько я понял, вы хотите как-то обезопасить не столько себя, сколько свою семью? В таком случае лучший выход – это идти со мной. Потому что до следующего совмещения миров, которое произойдет примерно через год, там пройдет лет двести пятьдесят, а то и триста. Хорошо, если к тому времени сохранятся установки, действующие сейчас, но что будет, если общество выродится в какое-то подобие современного? Тогда

вновь открывшие портал будут думать не о том, как спасти побольше людей, а о том, как на этом побольше наварить, да еще не отрывая зада от дивана и с минимальными расходами. Разумеется, мы делаем все, чтобы не допустить такого, но еще один человек, тем более вашей специальности, тоже лишним не будет. Кроме того, вы ведь сможете оставить о себе добрую память в том мире, и тогда ваша семья станет не просто одной из многих, а будет внесена в первоочередные списки. Правда, в предлагаемом мной варианте вы ее больше не увидите.

Тем временем на коробке несколько раз мигнул, затем ровно загорелся мощный синий светодиод, а потом послышался хлопок. Лисянко вздрогнул – в стене рядом с Мещерским образовалась дыра диаметром чуть больше полутора метров, за которой был песок, а чуть впереди – морской берег. И бескрайний океан до горизонта. Метрах в трех от дыры сидела кошка.

Николай взял коробку, пригнулся, шагнул в проход и уже с той стороны закончил:

– В общем, решайте, на раздумья у вас от пяти до семи минут, я не буду выключать портал, а сам он продержится примерно столько. Но не тяните до последних секунд: ведь если выключение произойдет, когда вы будете в переходе, вас аккуратно порежет на две части.

После чего сделал шаг в сторону и исчез из поля зрения. Теперь за порталом оставалась только кошка, внимательно глядящая на Дмитрия Алексеевича. Большая красивая кошка черепаховой окраски, с кисточками на ушах.